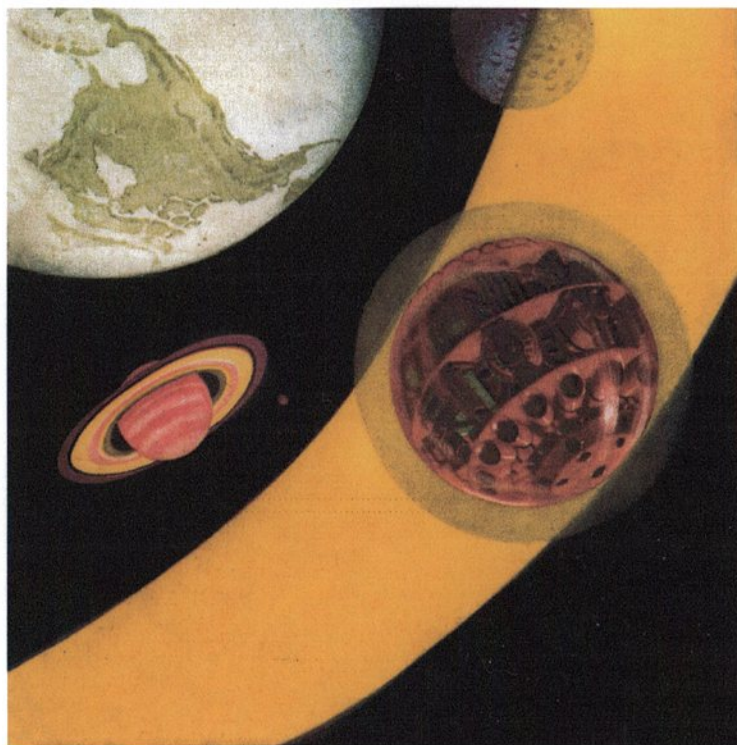

Библиотека англо-американской классической фантастики

В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ

Росс
Роклинн

Том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Росс Роклинн

В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ

Библиотека англо-американской классической фантастики

В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ

Росс Роклинн

том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»

2017

БААКФ-31 (2017)

Клубное издание

Росс Роклинн. В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ.

Сборник фантастики.

(а.л.:10,4)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Росс Луи Роклин (Росс Роклинн)
(Ross Louis Rocklin, 1913 — 1988)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

РОСС РОСКЛИНН

К Роклинну я подходил давно, аж с далеких теперь восьмидесятих годов. Тогда мне попался в какой-то антологии его рассказ «Во тьме», который меня заинтересовал необычным подходом к тематике. Рассказ так и остался неизданным, а гораздо позже я узнал, что он входит в роман «Люди тьмы. Сага о живой туманности».

Но все эти годы меня интересовало, что еще написал этот автор. И хотелось его попереводить.

Теперь, благодаря Интернету, информативность в мире поднялась на гораздо более высокий уровень, и я знаю, что Роклинн — известный американский фантаст, родился в 1913 году, а умер в 1988. И за свою немалую жизнь он написал тоже немало. Правда, романов у него только три (считая и «Людей тьмы»), но зато более пяти десятков рассказов и повестей.

Есть у него три небольшие серии, объединенные каждая своими героями. И в первом томе этого замечательного фантаста я решил постараться дать как раз их.

В первой серии «Колби и Деверел» отважный космический полицейский гоняется за космическим же преступником, и во время

погони они оба постоянно попадают в различные перипетии, связанные с космогонией Солнечной системы и особенностями некоторых ее планет. Серия состоит из трех больших рассказов. К сожалению, последний из них, «Люди и зеркало», я посчитал неэтичным помещать сюда (хотя и перевел), потому что в нынешнем же году он вышел в большом, толстом коллективном сборнике в малотиражке. Повторяться не хотелось, поскольку «БААКФ», которую я составляю и перевожу, издает лишь «новые», еще неизданные произведения.

Серия «Сид Холлмейер и Уилл Карристер» тоже состоит из трех произведений, и первое из них мне опять-таки не удалось включить в данный сборник. Но тут уже я сам себе перешел в дорогу. Рассказ из этой серии я поставил в сборник про планету Юпитер, который вы, может, уже прочитали (или будете читать), а поскольку ни в американской базе данных, ни в библиографии на Фантлабе, почему-то не были обозначены эти произведения именно как серия (как, впрочем, и третья серия из данного сборника), то я перевел и включил рассказ в «Юпитер», а уж потом, работая над томом Роклинна, с удивлением обнаружил, что герои в трех рассказах одни и те же, да и Вселенная совпадает в некоторых деталях. Поэтому серия выходит тут опять-таки без одного произведения.

И только третья серия, «Песчаный Пес», представлена целиком, но она изначально состоит из только двух больших рассказов.

Один рассказ в сборнике – самый последний, «За кипящей зоной» – несерийный, но вошел он сюда не просто ради объема. Он как раз служит показателем, насколько разнообразен Роклинн в своих фантастических идеях. Дело в том, что в рассказах «В центре тяготения», «Обитатели пузырей», как и в «За кипящей зоной», местом действия является придуманная Роклинном планета внутри орбиты Меркурия, ближайшая к Солнцу и носящая во всех трех произведениях название Вулкан. Но в каждом произведении это совершенно иной Вулкан, с иными условиями жизни на нем, и с иными обитателями – да-да, даже в тех чудовищных условиях Роклинн населил Вулкан различными не только живыми, но и разумными существами. На мой взгляд это служит показателем, насколько оригинальные, самобытные и разнообразные идеи у Роклинна. Читать его интересно еще и поэтому, помимо того, что фантастика у него, разумеется, наполнена захватывающими приключениями.

Мне остается добавить, что ни идеи, ни стиль у Роклинна не кажутся мне архаичными, а, напротив, вполне живыми и не утратившими интерес. А впереди у меня второй том двухтомника. В отличие от первого, его я хочу посвятить делам не космическим, а более «приземленным».

Всего вам доброго!

Андрей Бурцев

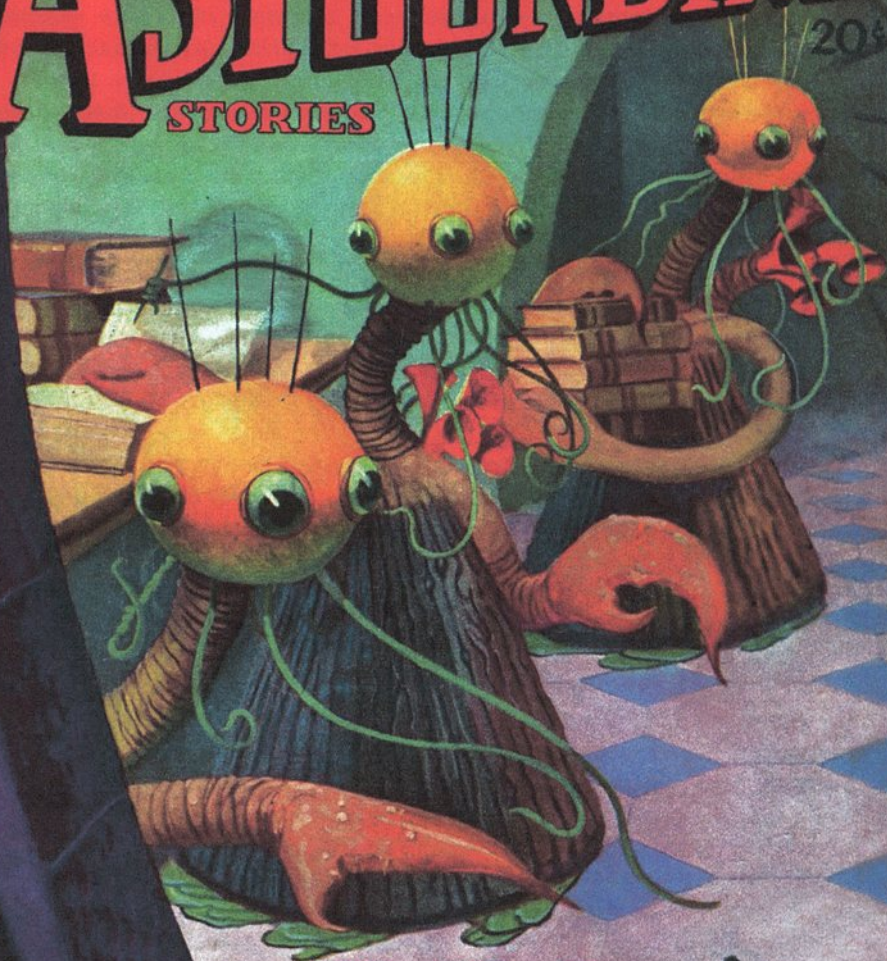
CONTENTS COPYRIGHTED 1936

JUNE 1936

ASTOUNDING

STORIES

20¢

*The Shadow
Out of Time
H. P. Lovecraft*

also: Schachner, Van Lorne,
Gohlentz, Corbett, Williamson

В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ

ОБА ОНИ – лейтенант Джек Колби и Эдвард Деверел – висели без всякой видимой поддержки в воздухе. Вокруг было бы совершенно темно, если бы не луч света фонарика, направленного лейтенантом на арестованного.

Джек Колби являлся прямой социальной противоположностью Эдварда Деверела. Джек Колби, лейтенант Межпланетной Полиции, был широко известен, как неустанный преследователь преступников. А Эдвард Деверел и был преступником, и в данный момент Колби нагнал его. Преследование началось на собственном поле Деверела – области его пиратской активности, – в красных пустынях Марса и на прорезающих пески широких каналах.

Оба были одеты в жесткие скафандры, которые человек был вынужден носить в космосе. Прозрачные шлемы давали хороший обзор, и Деверел нагло глядел на Колби. Но Колби был освещен слабо, лишь в отраженном от скафандра преступника свете фонарика, так что Деверел видел лишь серую тень на фоне полной темноты, простирающейся во все стороны.

– Ну, и что? – спросил он, презрительно усмехаясь и показывая белые зубы, очень белые в свете фонарика.

– Ну, и ничего, – в тон ему ответил Колби. – А что вы такой раздраженный? Чего вы ожидали? Цветов и шампанского? Вы же знали, что я все равно догоню вас. Должен же я поддерживать свои рекорды никем не побитыми.

Деверел пожал плечами. Это было прекрасно видно через стекло шлема.

– Один прецедент ничего не доказывает.

– Но я думаю, доказывает. И хватит об этом.

Колби внимательно разглядывал лицо пирата. Несомненно, Деверел был красив, куда красивее лейтенанта с его худощавым лицом и выдающейся вперед нижней челюстью.

У Деверела был прямой нос, привлекательные, хотя и надменно скривившиеся губы и синие глаза, в глубине которых мерцала некая, чуть ли не колдовская сила.

– Давайте, забудем, что вы арестованный и просто поговорим, – предложил Колби. – Мне любопытно, почему вы высадились на Вулкане?

– Почему? – рассмеялся Деверел. – А вы хотели, чтобы я ринулся прямоком в Солнце? Вы наступали мне на пятки. Я вынужден был покинуть Марс, когда моя шайка канальных грабителей разбежа-

"Then I fell in—from a long jump! I couldn't avoid it!"

At the Center of Gravity

Accident in the spaceways!

by Ross Rocklynne

ласть перед Джеком Колби и его полицейскими. Вы преследовали меня, Колби, как еще никто в этой жизни. Я хотел улететь на Землю — там, вероятно, мне удалось бы скрыться, но вы отрезали мне путь. Я направился было на Венеру — та же история. Так, что мне оставалось, кроме Вулкана? Меркурий сейчас находится по другую сторону Солнца. Да, наверное, я свалил дурака, приземлившись здесь, так как знал, что именно этого вы от меня и хотели. Но вы же знаете, что пустое пространство и звезды делают с человеком. Громада Вселенной создает у него комплекс неполноценности и опускает настроение ниже плintуса. Я имею в виду, что человеку становится все безразлично. Я испытывал нечто подобное, а, кроме того, устал от преследования. Потому я и приземлился на Вулкане, хотя знал, что на его гладкой поверхности не было укрытия.

— И оказалось, — перебил его Колби, — что укрытие все же было. То, где я нашел вас.

— Ну, и какая вам с этого польза, — искренне рассмеялся Деверел. — Согласно манометру на моем кислородном баллоне, я не проживу и двадцати четырех часов. И готов удвоить ставку, что вы в таком же положении. И нет никакого способа бегства. Ну, так вот, — мечтательно продолжал он, — предполагаю, что пойду на тот свет не один. А прихвачу с собой копа. Я всегда знал, что этим кончится. Этот последний трюк на канале Императрицы должен был выручить меня. — Он вытянул шею и пристально посмотрел Колби в глаза. — Но вы привыкли проверять все досконально. Поэтому мы с вами здесь, и готовимся умереть. Но кто из нас получил больший пинок? Вам нравится сажать людей в тюрьму? Это доставляет вам удовольствие. А мне? Мне вот доставило бы удовольствие украсть кольца с толстых пальцев самой императрицы.

В ОТВЕТ НА эту речь Колби пожал плечами.

— Возможно, и так. Давайте кончать философствовать. Как вы вообще нашли эту дыру?

— Да я ее и не искал. Вулкан никогда не казался стоящим подробных исследований, поэтому никто не знает многие потрясающие факты об этой планете. Я увидел дыру в свете звезд, когда летел в десяти километрах над поверхностью. Она была метров сорока в поперечнике на ночной стороне, и находилась в восьмидесяти километрах от дневной стороны. Во всяком случае, я так увидел ее, а поскольку понимал, что вы уже летите за мной где-то по ночной стороне, то не стал долго раздумывать, а просто вышел из корабля и прыгнул в нее. Дыра, — продолжал Деверел, — оказалась глубокой, я падал в нее много часов. Полагаю, вы поняли, что я здесь, когда нашли дыру, да?

— После того, как сам начал падать в нее, — кивнул Колби. — Я осмотрел всю ночную сторону и не нашел вас. А дневная сторона, разумеется, слишком горяча. Поэтому я вернулся к двум кораблям. По крайней мере, где бы вы ни были, вы явно не покинули планету. Поэтому я прыгнул в эту дыру. Я не мог поступить иначе. Я падал примерно семь часов, — продолжал он, — и начал подозревать, что Вулкан внутри полый, как пузырь, вероятно, в результате гигантского внутреннего взрыва, произошедшего непосредственно до того, как давным-давно охладился. А какой-то другой взрыв пробил в его коре дыру. Сначала я думал, что остановлюсь где-то на внутренней поверхности. Но после долгих размышлений понял, что ошибался. Если планета действительно полая, то я буду лететь

до центра с постоянно уменьшающейся скоростью. В законе тяготения сказано, что каждая частица материи во Вселенной притягивает любую другую частицу с силой, прямо пропорциональной сумме их массы и обратно пропорциональна квадрату расстояния между их центрами. Разумеется, Вулкан, являясь сферическим, имеет силу притяжения так же, как и силу отталкивания. Гравитационная сила, отталкивающая меня от центра, меньше, чем притягивающая к нему, но по мере моего приближения к этому центру они уравниваются и нейтрализуют друг друга, когда я попадаю сюда, в центр притяжения. Мы падали в центр Вулкана по прямой, но если бы полый была Земля, то такого бы не было. Там мы падали бы по спирали из-за вращения нашей планеты. Но Вулкан-то не вращается вокруг оси.

Судя по его рассуждениям, их тела будут падать, пока не достигнут точного центра Вулкана. Колби коленом оттолкнулся от Деверела.

— Вы уже не раз насмешливо отозвались о произведенном мною аресте, — сказал Колби после недолгого молчания. — Но почему?

— Потому что отсюда нет никакого способа убежать, — спокойно ответил Деверел. — Наверное, вы считаете так же, хотя еще и не осознали этого. Иначе вы бы сразу заковали меня в наручники. Вот наша ситуация! Вулкан полый. И я уверен, что есть только один выход. Мы сейчас в центре. Ну, и как мы будем выбираться отсюда? Это загадка, и я знаю ваше первое предположение.

— Ну, ладно, я его сделаю. Как насчет реактивной тяги? У меня сто зарядов в бластере, а у вас на поясе есть еще штук пятьдесят.

— Не угадали, — насмешливо покачал головой Деверел. — Я думал об этом — это ведь вполне естественная мысль. Я пробыл здесь несколько часов до вашего появления, и у меня было время поразмыслить. Но что бы вы ни выбрали, это не сработает. Судите сами. Вулкан имеет девятьсот километров в диаметре. Кора его, вероятно, метров сто в толщину — более тонкая давно бы треснула от солнечного притяжения. Значит, нам нужно пролететь триста пятьдесят километров — до внутренней стороны. А когда мы доберемся туда, то появляется проблема — как найти дыру, которая может находиться где угодно на внутренней поверхности. А это весьма обширная область. Но, вероятно, мы даже не доберемся до нее хотя бы потому, что не будем знать, летим мы к ночной стороне или к дневной. Или не движемся ли мы по кругу. Ну, скажем, мы все же добрались до внутренней поверхности. Как мы останемся там? Будем висеть, ухватившись за выступающие скалы? А что, если не удержимся? Тогда мы снова упадем в центр. А также, внутренняя поверхность,

вероятно, представляет собой сплошной очаг химической активности. Иначе откуда взялись бы здесь эти газы? — Он резко взмахнул рукой, и раздался свист, подтверждающий его слова. — Поверьте, вовсе не забавно держаться за раскаленный базальтовый выступ, даже несмотря на то, что перчатки наших скафандров — хорошие изоляторы. Не думайте, что я боюсь рисковать, — тут же быстро добавил он. — Но у нас нет ни единого шанса. Это просто более короткий путь к смерти.

СЛУШАЯ ЕГО, Колби внезапно выключил свой фонарик.

— Вы видели трещины в стенках дыры, — сказал он. — Но...

— Если получится добраться туда, — задумчиво согласился он с невысказанной мыслью, — мы попробуем воспользоваться этим. И если получится, то сумеем даже выбраться на поверхность. Но...

В голосе его звучало глубокое сомнение.

Он выплыл из темноты и стукнулся в скафандр полицейского. Колби почти со злостью оттолкнул Деверела, но тут же пожалел об этом. Положение их было слишком серьезным для мелочных проявлений гнева.

— Простите, — сказал он. — Нервы уже ни к черту. Летите сюда.

— Я тут парю по законам тяготения, — бодро отозвался Деверел. — Скоро прилечу к вам. А тем временем, о, оплот законности и правопорядка, ваш полицейский ум должен был бы уже выяснить, сколько времени нам осталось.

Колби промолчал, но Деверел продолжал беззаботным тоном:

— Мы вполне можем поесть, поспать, подумать, а затем воспользоваться вашим предложением о реактивной тяге. Или можем просто подождать, пока не закончится кислород в наших баллонах, а затем распахнуть скафандры. Окружающая атмосфера, вероятно, весьма смертоносна.

Ум Колби, быстрый и гибкий, тут же ухватился за его слова.

— Минутку! — рявкнул он. — Деверел... Может быть, я решил задачу. Но нам нужно подумать. — Он включил фонарик, прорезав темноту его лучом, и осветил лицо Деверела. — Что вы знаете о Вулкане? — потребовал он.

— А что о нем можно знать? — пожал плечами Деверел, затем продолжал: — Вулкан был открыт в середине девятнадцатого века одним французом, который увидел пятнышко на поверхности Солнца. Никто тогда и не подумал, что это планета, все решили, что это просто солнечное пятно. Потом о нем все забыли. И вторично его открыли уже в двадцать третьем веке, когда начались дальние космические полеты. Вулкан имеет девятьсот километров в диаметре,

всегда обращен к Солнцу одной стороной, находится на чрезвычайно эксцентричной орбите, год его составляет три земных месяца, а орбита наклонена к плоскости эклиптики под еще большим углом, нежели у Меркурия. Еще у него высокое альbedo...

— Достаточно, — прервал его Колби. — Меня интересует его эксцентричная орбита. На какое расстояние он подходит к Солнцу в перигелии?

— Чуть меньше пяти миллионов километров.

— А в афелии?

— Сорок миллионов километров.

КОЛБИ КИВНУЛ и снова отодвинул от себя Деверела. Равная для обоих опасность отодвинула их личные отношения на задний план. Колби не хотел рисковать. В любой момент после ареста у Деверела была возможность взять реванш.

— Вулкан сейчас почти точно в афелии. Послушайте: предположим, мы примем *сомнолин* и проспим до перигелия, или, скорее, когда планета окажется почти в перигелии. Тогда Солнце...

Голубые глаза Деверела вспыхнули, а руки дернулись, когда он уловил смысл сказанного Колби.

— Понял! — воскликнул он.

— Разумеется, но это еще не повод для энтузиазма, не так ли? — Колби с любопытством глянул на Деверела. — Вы думаете о том же, что и я? — спросил он.

Деверел на мгновение заколебался, затем улыбнулся.

— Конечно! Вы думаете, что Солнце вытащит нас...

— Правильно. И это звучит вполне разумно, не так ли? Возле перигелия притяжение Солнца будет достаточно мощным, чтобы создать здесь воздушное течение, которое вынесет нас из центра притяжения до внутренней поверхности дневной стороны. Разумеется, останутся те трудности, о которых вы уже упоминали, кроме опасности упасть обратно. И, разумеется, — добавил он уже с резким раздражением, — прохождение через дыру будет похоже на подъем из пропасти. Но мы должны рискнуть. Бесплезно просто висеть здесь, зря расходуя кислород.

Деверел загадочно посмотрел на него и коротко кивнул. На мгновение Колби встретился с его хмурым, преисполненным озадаченных сомнений взглядом, затем они снова соприкоснулись друг с другом.

— У вас есть *сомнолин*? — спросил Колби.

— Есть, но мне еще не доводилось им пользоваться.

— Это вполне безопасно. Картер использовал этот препарат в 2 490 году, когда его корабль получил повреждение на Уране. Пока он его починил, станция заправки на Ганимеде, одной из лун Юпитера, оказалась уже слишком далеко, и ему не хватило бы топлива добраться до нее. Тогда он приняв *сомнолин*, проспал пятнадцать лет, пока Уран вновь не сблизился с Юпитером, и благополучно долетел до Ганимеда. Но нам предстоит проспать всего лишь месяц. Год на Вулкане очень короток. Что вы об этом думаете?

— Звучит превосходно. Но вам не нужно спрашивать моих советов — ведь я ваш арестованный, как вы помните.

Колби прищурился. Он не мог пропустить легкую насмешку, слышавшуюся в тоне преступника. Но ничего действительно подозрительного он не видел, поэтому выбросил из головы всяческие сомнения, по крайней мере, на время.

— Итак, принимаем *сомнолин*. Я не очень-то верю в свою идею, но это, по крайней мере, шанс. Без этого препарата мы не доживем до перигелия на имеющемся у нас кислороде. Жаль, что мы не можем передвигать звезды туда, куда нам нужно, но такова жизнь.

Они сошлись снова. Колби слегка улыбнулся, затем схватил Деверела за плечи и развернул спиной к себе.

— Вы уж простите, — сказал он, — но если вы проснетесь немного раньше меня, то можете снова приняться за прежние фокусы. Что-то есть в ваших глазах, коллега. Так что руки за спину!

В ответ Деверел внезапно выкрутился у него из рук и от этого движения поплыл назад, а луч фонарика Колби играл на нем. Губы преступника были упрямо стиснуты.

Колби опять улыбнулся.

— Нет-нет, Деверел. Или наручники, или вот это! — он выхватил бластер и навел его на преступника.

На мгновение взгляды их встретились. Затем Деверел отвел глаза.

— Вы победили, — резко сказал он.

Через некоторое время он приплыл обратно, и Колби защелкнул специальные наручники на манжетах его скафандра.

Потом повернул скованного преступника и посветил фонариком ему на пояс. Там, рядом с кобурой бластера и гнездами для зарядов, виднелся ряд белых кнопок.

— *Сомнолин* третья кнопка слева, — пробормотал Деверел.

Колби нажал ее. Тут же в скафандре выдвинулся тонкий щуп, держа в зажиме шарик *сомнолина*. Деверел протянулся и проглотил препарат. Щуп со щелчком втянулся на место.

— Воды, — пробормотал Деверел. — Первая кнопка справа.

Колби нажал кнопку, выдвинулась тонкая металлическая трубка. Деверел пососал ее и вздохнул.

— Мы проспим около месяца, верно?

Джек Колби невнятно буркнул в ответ, внимательно глядя ему в лицо, и отметил, как стекленеют его глаза, а на губах расплзается сонная полуулыбка.

Затем он быстро проглотил свой шарик, выключил фонарик и погрузился в непроглядную темноту. И стал легонько парить в ней. Внезапно об его скафандр чуть стукнулся Деверел.

— Спокойных снов, — сказал он.

— Доброй ночи, — ответил Колби и рассмеялся про себя.

В этом сне не может быть никаких снов, потому что *сомнолин* резко прекращает все физиологические реакции в теле.

Его мысли окутал туман, который пронзила внезапная ярость.

— Лекарство не сработает! Не сработает! — несколько раз повторил он.

Затем он уже не мог ни о чем думать, и в голове у него воцарилась такая же тьма, как и снаружи. Сознание стало сужаться, превратилось в крошечную точку, а после исчезла и она. Колби уснул.

КОГДА ОН проснулся, первым чувством было, что он, вращаясь, летит вверх из пропасти. В голову начали робко возвращаться сначала короткие мысли, потом они объединились в цепочки и создали чудо, называемое памятью. Тогда Колби пришел в себя и услышал какой-то звук, который заполнил темноту, но тут же исчез.

— Деверел! — закричал он. — Что это?

— А, вы проснулись, — раздалось в ответ. — Самое время.

Колби собрался с мыслями, включил фонарик и его луч ударил прямо в лицо Деверела.

— Вы давно проснулись? — спросил Колби. — Ради всех чертей в аду, что это был за рев?

Деверел усмехнулся.

— Это был я, — ответил он. — Я не сплю уже часа два. У меня вес немного больше, чем у вас, поэтому *сомнолин* подействовал на меня чуть слабее. — Он вздохнул. — Это крикнул я, просто забавы ради. Во-первых, когда я проснулся, то оттолкнулся от вас, чтобы посмотреть, как далеко могу отлететь. Оказалось, что не очень далеко. Я всегда возвращался обратно. Мне стало ужасно скучно, и я попробовал покричать. Мне просто стало интересно, не отразится ли звук от внутренней поверхности Вулкана и не вернется ли обратно, тысячекратно усиленный. Никакого эха пока не возникло, но я надеюсь услышать его в любой момент. Тогда я попробовал

петь. Вы заметили, как ужасно звучат здесь наши голоса? Так вот, пение оказалось еще хуже. На Земле любая нота возбуждает сотни смешанных эхо. Здесь же звукам не от чего отражаться. А затем я издал последний вопль, который вы и услышали.

— Весьма рад, что я не проснулся раньше и не услышал ваше пение, — сухо заметил Колби, помолчал, потом медленно проговорил: — Дурные вести, Деверел. Когда я уже засыпал, у меня возникла одна мысль. Солнечное притяжение не может вытащить нас из центра.

Деверел не выказал никакого удивления.

— Я это знаю, — спокойно ответил он. — Я мыслил поглубже и пришел к такому же заключению. И вы знаете, почему?

Он подергал скрученными за спиной руками, словно пытаюсь жестикулировать.

— Второй закон Кеплера, — печально ответил Колби, глядя, как Деверел дергает руками. — Повернитесь, — внезапно сказал он. — Я сниму эти проклятые наручники, чтобы вам стало удобнее. Теперь это не имеет никакого значения. — Он разомкнул запястья Деверела и повторил: — Второй закон Кеплера. Вектор радиуса планеты описывает равные области в равные промежутки времени, что и является доказательством, что чем ближе планета находится к своему ведущему, то тем больше ее угловая скорость. Что означает, что центробежная сила все равно равна центростремительной.

— Таким образом, — кивнул Деверел, — нас отбрасывает к ночной стороне с той же силой, что и притягивает к дневной.

ОНИ ЗАМОЛЧАЛИ. Наступила тишина, которую нарушал лишь Деверел, что-то мурлыкая себе под нос. Колби удивленно поглядел на него.

Деверел пожал плечами.

— Если мы выберемся отсюда, я уйду в тюрьму. Так что мне все равно, выберемся мы или останемся тут в плену. Тс-с!.. Сейчас мы должны услышать эхо моих криков, если оно вообще возникнет.

Колби рассмеялся. Он даже жалел, что не мог разделить взгляды Деверела, но решил, что это не для него. Затем внезапно он подумал о том, не основано ли напускное равнодушие Деверела на чем-то, чего Колби не знал. Может, все же существовала возможность бегства отсюда?

У него что-то забрезжило в голове, но ход мыслей прервался, когда Деверел снова наткнулся на него. Он отпихнул преступника в сторону, но тут же почувствовал, что сам вращается кубарем. Внезапно он пролетел то короткое расстояние, что отделяло его от Де-

верела, и с глухим стуком ударился об него. Затем принялся вдруг вращаться, сделал один оборот, второй, третий, пока не догадался ухватить Деверела за ноги.

— Я тоже двигаюсь по спирали, — пробормотал Деверел и приглушенно рассмеялся, затем вдруг обхватил своими длинными руками Колби за талию.

Колби сунул фонарик в карман.

— Что это? — спросил он.

— Слушайте, — ответил Деверел.

Колби прислушался и услышал бормотание и какие-то вздохи. Потом бормотание переросло в тонкое завывание. Колби обхватил руками своего арестованного. Они вращались все быстрее, затем остановились и внезапно почувствовали, что куда-то летят все быстрее и быстрее. Колби слышал, как завывание становилось все громче, пока не переросло в ровный, устойчивый гул.

Затем, внезапно, их снова завертело и понесло по спирали в противоположную сторону с такой скоростью, что они потеряли бы друг друга, если бы не отпустили объятия.

Потом они столкнулись, и металлические скафандры зазвенели. Деверел рассмеялся и еще крепче обхватил Колби. Колби тоже не разжимал захвата. У него не было времени поразмыслить над тем, означает ли это, что они оказались в каком-то быстро текущем потоке газа. Продолжая вращать, их понесло куда-то со все увеличивающейся скоростью.

Летели минуты. Голова Колби стала мутной, потому что от быстрого вращения от нее отхлынула кровь. Смутно, словно издавна, он слышал гул, прорезаемый временами какими-то криками. Колби подумал, как в бреду, что внутри поллой планеты возникло множество потоков газа, конфликт которых и вызвал этот бедлам. Но о причине этих потоков он мог лишь смутно подозревать.

КОЛБИ НЕ ЗНАЛ, сколько времени продолжался их полет. По его прикидкам, это длилось от тридцати до сорока минут. И на такой скорости они должны были пролететь уже не меньше половины расстояния, отделявшего их от внутренней поверхности шара. Затем они начали быстро тормозить. И одновременно наружная температура стала быстро расти.

Колби продолжал держаться за Деверела. И это было правильно, потому что иначе их бы все время колотило друг о друга. Колби ощутил, как по его телу строится пот и пропитывает внутреннюю одежду. Он разжал одну руку, поставил регулятор охлаждения скафандра на максимум и с облегчением почувствовал, как воздух в

его скафандре начал остывать. Тогда, несколько нелогично, он вернулся к мыслям об эхе Деверела и решил, что если бы отзвуки его пения и вернулись обратно, то просто затерялись бы в гуле воздушных потоков.

Движение постепенно замедлялось, как и вращение. Где-то во тьме по-прежнему не утихали ветра, но здесь они оказались в более-менее спокойном месте, тихонько паря в потоке теплого воздуха.

Колби немного успокоился и глубоко вздохнул. Затем отпустил Деверела и достал фонарик. В луче его на мгновение он увидел встревоженное выражение на лице преступника, но оно тут же разгладилось и успокоилось. Деверел усмехнулся.

– Небольшой ветерок, – пробормотал он.

– Да, ветер, – кивнул Колби. – Но откуда? Что его вызвало?

Деверел немного поколебался, затем сказал:

– Ну, Колби, подумайте хоть немного. Вулкан сейчас находится вблизи Солнца, и жар Солнца прогревает его кору на дневной стороне. Высокое альbedo планеты борется с теплом, но Солнце так близко, что жара побеждает. Газы на дневной стороне разогреваются и вступают в конфликт с более холодными газами с ночной стороны. Так и рождается ветер.

Он вдруг замолчал и насторожился, но почти сразу же успокоился и насмешливо взглянул на Колби. Потом внезапно снова схватил лейтенанта.

– Держитесь! Слушайте!

Колби прислушался. И услышал какие-то стоны, казалось, доносящиеся из неимоверного далека. Они становились все громче, затем вдруг усилились тысячекратно, превращаясь в странные и даже жуткие крики.

Колби со страхом ждал. Затем их ударила какая-то неуловимая сила, и они полетели вперед под прямым углом к предыдущему направлению. Колби тут же потерял ориентацию. Они с Деверелом снова завертелись. И снова мысли его стали смутными и расплывчатыми, когда кровь отхлынула от головы...

НЕСУЩИЙ ИХ ветер вопил и стenal все громче, пока не стал оглушительным, точно раскаты грома. Затем их резко бросило в сторону, в более холодный поток, и Колби предположил, что теперь они падают к дневной стороне. Но внезапная смена направления полета ничем не помогла ему обрести способность ясно мыслить.

Несущий их поток продолжал лететь прямо. Громовой рев его стал напевным и казался бы даже жалостливым, если бы не был таким оглушительным. Затем он дошел до точки, где столкнулся

со встречным ветром. Поток задрожал и разбился на бесчисленные мелкие воздушные потоки, полетевшие во всех направлениях. Встречный поток свернул, и люди летели все медленнее в слабом, прохладном ветерке.

Колби оттолкнулся от преступника.

— Мы не можем быть далеко от дневной стороны, — сказал он, нашарив Деверела лучом фонарика.

— Мы пролетели неплохое расстояние, — согласился Деверел, — но сейчас, — добавил он, — отправимся дальше. Я слышу рев еще одного потока.

Колби тоже услышал этот ужасный звук. Ему едва хватило времени схватиться за Деверела, прежде чем ветер настиг их.

Людей ударило с силой торнадо. И они полетели, захваченные безразличным воздушным течением, куда-то в темноту. Удар был такой силы, что оба вскрикнули и потеряли сознание.

Придя в себя, Колби понял, что все еще держится за Деверела. Они по-прежнему вертелись в водовороте, но сейчас уже медленнее. В уши било жужжание, неустанное, неослабевающее, — показатель их громадной скорости. А сквозь это жужжание прорывались и другие шумы: какие-то далекие крики, шипение, вкрадчивый шепот, спазматические взрывы сердитого рева, и все они, казалось, боролись друг с другом за первенство. Но ни один из них не мог победить. И внезапно Колби почувствовал себя в безопасности, словно он находился в убежище, охраняемом сильным, но доброжелательным течением воздушной реки.

Он облегченно расслабился, хотя опасность, разумеется, еще далеко не миновала. Где-то впереди, возможно, всего лишь в нескольких километрах, находилась иззубренная внутренняя поверхность планеты.

Колби почувствовал, как Деверел зашевелился в его объятиях. Очевидно, преступник приходил в сознание.

Протянулись долгие секунды. Затем внезапно Деверел хихикнул ему в ухо.

— Забавно? — выкрикнул он.

— Что забавно? — тоже прокричал Колби, стараясь перекрыть жужжание.

— Что забавно? — повторил Деверел и рассмеялся, словно самому себе. — Я скажу вам, Колби. Но вам не понравится эта шутка. Я просто подумал о том, как ненавижу тюремные решетки и шахты Меркурия. Я отчаявшийся преступник, которому нужна свобода!

И С ЭТИМИ словами он внезапным толчком освободился из рук Колби, затем оттолкнулся от него тяжелыми башмаками скафандра.

— Итак, до свидания, — закончил он уже из темноты, и дальнейшие его слова были заглушены жужжанием.

Колби отреагировал почти мгновенно, хотя еще не мог понять причину такого внезапного бегства Деверела. Одной рукой он включил фонарик и отправил луч света в темноту, а другой выхватил бластер и... обнаружил, что он исчез. Ругаясь, Колби водил лучом света во все стороны. На миг ему показалось, что он увидел Деверела, и, взмахивая руками, попытался лететь в ту сторону. Ничего, разумеется, не получилось, так как ему не от чего было оттолкнуться. Но он какое-то время продолжал эти попытки.

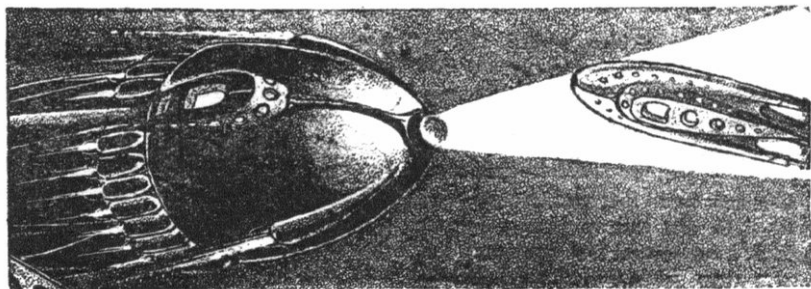
Наконец, злобно ругаясь, но находясь в замешательстве, Колби расслабился. Затем прислушался, но услышал лишь монотонное жужжание да рвущиеся сквозь него шумы. Деверел исчез, но куда он направился?

Колби обратил внимание на окружающее. Он снова вращался, но уже медленно.

Деверел каким-то образом увидел средство бегства из внутренних Вулкана. Причем он нашел его еще в ту пору, как Колби упомянул о Солнце. Теперь Колби это понимал. И все действия Деверела показались ему подозрительными. Он бурно реагировал, когда Колби сковывал манжеты скафандра наручниками. Он прервал вдруг рассуждения о конвекционных потоках. Разумеется, все дело было именно в этих конвекционных потоках.

Колби снова витиевато выругался, проклиная собственную тупость.

Ветры! Солнце нагрело атмосферу дневной стороны Вулкана, более холодные ветры были отодвинуты и оттянуты из центральной части планеты, поскольку с дневной стороны во все стороны побежали ветры горячие. И их с Деверелом поволокло по направлению к Солнцу такими течениями. Причем, встречные течения тоже били по ним. почему они и раскрывались.

Но главное состояло в том, что при нагревании газы тоже расширяются.

Вулкан наполнен газами, которые сам же и производил. Расширяясь в объеме, эти газы должны были выйти наружу. А единственным для них путем была эта чертова дыра!

Деверел заранее понял все это. Он понял. Что их понесет к дневной стороне. И хранил свой секрет, чтобы в нужный момент просто сбежать от Колби. Его план сработал блестяще. У Колби были оба бластера. А у Деверела были широкие возможности украсть их оба. Что он и сделал.

— Да будь все оно проклято! — сердито прорычал Колби, злясь больше на собственную глупость, чем на Деверела. — Сначала он использовал меня, чтобы как следует оттолкнуться и вылететь из газового потока. Причем этот толчок увлечет меня на холодную сторону, если я не сумею снова войти в поток. Но если это и получится, то я уже не смогу покинуть поток и вылететь через дыру на внешнюю поверхность Вулкана. В любом случае, у него будет уйма времени, чтобы сбить меня со следа. Умно!

Он терпеливо ждал, напрягая уши, звука выстрела их бластера, но так и не услышал его. Возможно, Деверелу и не понадобилась дополнительная тяга, а может, царящий вокруг бедлам заглушил его. Этого Колби не знал.

ВОКРУГ ПРОДОЛЖАЛОСЬ бесконечное жужжание. Затем, когда Колби уже испугался, что просто летает по кругу, жужжание внезапно изменило тональность и взревело, как ударяющий в скалы прибой. Равномерное движение сменилось беспорядочной болтанкой, затем рев стал совсем уже яростным, но тут же снова превратился в журчание текущей воды.

Скорость Колби снизилась, и его ударило ветром одновременно с разных сторон. Ветры начали битву за обладание телом Колби. Лейтенант очутился в дьявольском водовороте, его дергало во все стороны, словно марионетку, которую дергают за множество ниточек.

Затем он попал в мощный поток воздуха, и к нему вернулось ощущение безопасности и стремительного полета в темноту. Температура начала расти, и Колби почувствовал, как радостно забилось сердце. Он очутился во власти потока, выходящего наружу!

Капелька пота выросла у него на носу. Колби смахнул ее, подув вверх. И стал ждать, весь собравшись для следующего удара. И он произошел, этот выворачивающий душу рывок, а затем его понесло со скоростью, которая затмила все предыдущие. Одновременно

вопли и вой борющихся друг с другом ветров поднялись до нестерпимой громкости, заглушая все прочие шумы.

А потом все кончилось, и вой ветра снизился до едва слышимого. Зато появился и стал расти другой звук. Колби услышал бульканье, хрипение, отрывку, сливающиеся в чудовищную полифонию, словно предсмертные хрипы какого-то гиганта. Колби начало вращать, медленно, равномерно, и он понял, что летит уже сквозь кору Вулкана.

Он сжался от страха, надеясь, что его не размажет о стенки дыры. Но поток скручивался, поддерживая в центре зону пониженного давления. Таким же образом ведут себя торнадо и смерчи, засасывающие свои жертвы.

А через несколько секунд Колби вылетел в холод вечной ночи Вулкана. И звезды холодно взирали, как он летит все дальше.

КОЛБИ НЕТЕРПЕЛИВО огляделся. Но Деверела нигде не было видно, ни ниже, ни выше его. Находясь во власти восходящего потока, Колби внимательно разглядывал однородную белую поверхность планеты, простиравшуюся от горизонта до горизонта, но не замечал никаких следов Деверела.

Внизу, не более чем в пяти-шести километрах от выхода дыры, он увидел два корабля, два черных крейсера, прикованных к замороженной поверхности планеты специальными, самозабивающимися растяжками.

Деверел, несомненно, все еще был на планете. Вероятно, он попробовал управлять своим полетом при помощи выстрелов их бластеров, но направил не в ту сторону реактивную тягу. Хотя, подумал Колби, что-то это маловероятно, учитывая, как умно преступник рассчитал возможность побега из недр планеты.

Его несло все выше. Внезапно Колби увидел выскочившее из-за горизонта Солнце, громадное, как Юпитер, наблюдаемый с Ганимеда. Солнечные лучи мгновенно выжали из его тела пот, и Колби включил охлаждение скафандра на полную мощность.

Вулкан улетал все дальше, из-за чего горизонты будто стягивались друг к другу со всех сторон. А затем Колби неожиданно увидел Деверела!

Деверел падал с огромной скоростью где-то в километре ниже Колби. Лейтенант увидел, как преступник поднял бластер, и вздрогнул, когда огненный заряд пронесся мимо его.

Однако Деверел вовсе не пытался убить Колби. Он просто хотел затормозить свое падение, что с успехом и сделал. Он почти что остановился в воздухе. А секундой позже выстрелил еще раз, и ре-

активная тяга послала его, неловко завертевшегося, вниз, к белой, волнистой поверхности Вулкана.

Колби все еще поднимался вверх, когда Деверел приземлился. Двумя гигантскими прыжками преступник добрался до своего корабля, остановился и замахал обеими руками. Колби без всякого энтузиазма махнул ему в ответ.

Деверел повернулся к кораблю, открыл люк и через мгновение скрылся внутри. Люк захлопнулся за ним.

А через пару минут крейсер стал подниматься. Затем, беззвучно в разреженном воздухе, он сверкнул пламенем дюз и за несколько секунд растворился в черном, испещренном звездами космосе. Колби не сводил с него глаз, пока тот не скрылся из виду.

Затем лейтенант огорченно улыбнулся. Черт побери! Он чувствовал себя неловко, как школьник, сбежавший с уроков в школе. Но одновременно понимал, что это его не сильно тревожит. Да, Деверел ушел, однако, не надолго.

Несколько часов спустя он начал медленно спускаться вниз. У Вулкана хватило сил, чтобы не дать ему улететь на Солнце и вернуться обратно.

At the center of gravity, (Astounding Stories, 1936 № 6), пер. Андрей Бурцев

20¢

AUGUST 1937

ASTOUNDING

STORIES

What are Positrons?
A Scientific Discussion
BY R.D. SWISHER, Ph.D.

CRYSTALLIZED THOUGHT
by Nat Schachner

ЛОВУШКА ЮПИТЕРА

I

У ДЕВЕРЕЛА была фора в семь часов перед Колби, потому что офицеру юстиции пришлось долго плыть по поверхности Вулкана после того, как вырвавшиеся из недр крошечной планетки газы не подняли его на пару километров вверх. И за это время у Деверела была возможность исчезнуть в любом направлении, однако, Колби, пользуясь методом исключения, отследил преступника до Ганимеда.

Не то, чтобы это принесло ему пользу. Колби был хорошим человеком, одним из самых умных в межпланетной полиции, но недостатком его являлось слишком уж необузданное воображение. Деверел же был совершенно иным. За его циничной улыбкой и холодными глазами скрывался ум, работавший с быстротой молнии, ум, который никогда не допускал поражений. Или, возможно, сами природные силы были в союзе с ним, что давало ему возможность использовать некоторые секреты, какие начисто отрицал Колби — например, ловушку Юпитера.

Колби *не знал*, что Деверел полетел именно на Ганимед, он всего лишь подозревал это и пылко надеялся, что не ошибается. Ему было прекрасно известно, что Меркурий, Венера, Земля и Марс находятся в это время по другую сторону Солнца, и полет к ним занял бы слишком много времени и энергии, которые, во-первых, преступнику были не лишними, а во-вторых, ему не хватило бы терпения их тратить.

Колби также знал, что Юпитер со своей системой спутников находится как раз в противостоянии с Вулканом, и что Деверелу гораздо проще было бы набрать скорость на прямой, а затем пролететь остальной путь к Юпитеру по инерции, а уж в Юпитер-сити он мог бы наполнить свои баки горючим.

Поэтому Колби направился к Юпитеру, но так как и у него не было излишек топлива, он тоже должен был лететь по инерции.

Ему потребовалось десять дней, чтобы пересечь огромную пропасть между Вулканом и громадной планетой, а когда он был уже вблизи нее, то устал увертываться от метеоров. В это время он и обнаружил, что Ганимед — второй по величине спутник Юпитера, в три тысячи пятьсот километров в диаметре, — был на расстоянии

*Not far in the
future—it lay—* **JUPITER**

меньше чем десять тысяч километров, поэтому, он и решил высадиться там. Позже же он прикинул, что Деверел должен устать не меньше и, скорее всего, тоже приземлился тут.

Придя к такому заключению. Колби снова пришлось восполь-

Jupiter was flashing dizzily, first through one plate and another, with the whole heavens whizzing around it—then Colbie was thrown backward.

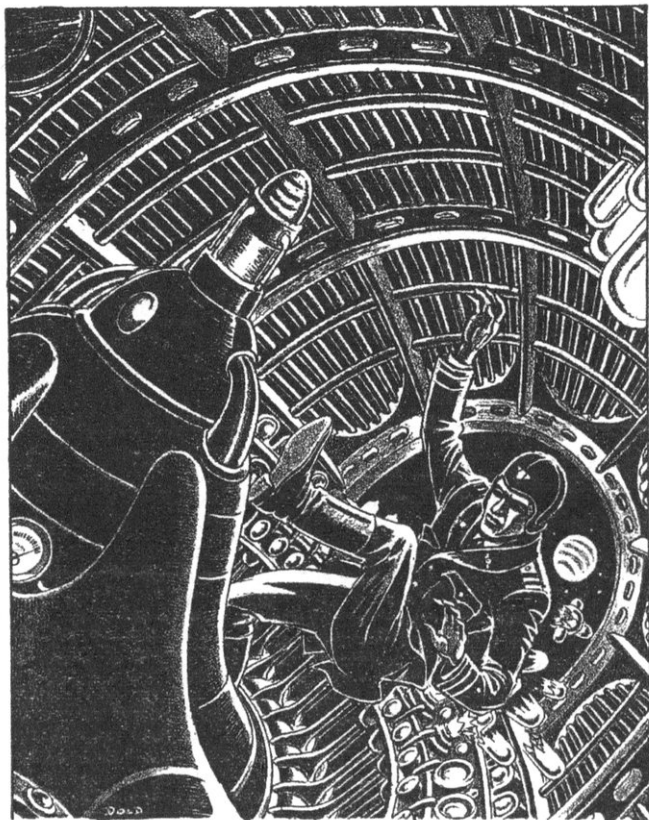
зоваться логикой, чтобы определить, куда именно Деверел посадит свой корабль, но это было уже сравнительно простое решение проблемы. Довольно давно назад на Ганимеде была построена заправочная станция, которая должна была обслуживать большие лайнеры, совершавшие дальние полеты от внутренних планет до Плутона. Но это было еще до того, как человек научился бороться с сокрушительным атмосферным давлением и гравитацией таких планет, как Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, а также изобрел скафандры для Юпитера. Заправочная станция была перемещена в

TRAP

A Novelette

by Ross Rocklynne

*A nasty planet—so big and unconcerned with the
rest of the system—*

Юпитер-сити, поскольку на Юпитере были найдены несметные запасы сырья для ракетного топлива.

Но строения старой станции остались стоять, поскольку на Ганимеде не было погодных катаклизмов, и любого землянина они притягивали бы к себе, как магнитом.

Автоматическая станция располагалась на дне небольшой долины, которая в среднем получала солнечного света больше, чем любое другое место на Ганимеде. Это было учтено при ее строительстве. Ганимед был повернут всегда одной и той же стороной к Юпитеру, и облетал его за неделю.

КОЛБИ ПОДЛЕТЕЛ к долине, несясь над самой каменистой поверхностью планетки, так что у Деверела не было возможности увидеть его корабль издалека. Затем он опустился на крошечный выступ над пропастью, находящийся на сотни метров выше дна долины. Долина была не широкой, но достаточно длинной. Солнце отсюда виднелось величиной с монетку в десять центов, и горы отбрасывали короткие, смутные, но контрастные тени.

То, что увидел Колби с обрыва, превысило все его ожидания. Ликуя, он медленно поднял корабль в воздух и направил его вниз, в долину. Как метеор, он подлетел как можно ближе к земле, затем врубил на полную носовые двигатели. Корабль приземлился с изрядным толчком позади огромного известнякового валуна, что обильно покрывали дно долины.

Колби торопливо заблокировал средства управления и надел скафандр. Вероятно, он мог бы выдержать наружную температуру и даже дышать разреженной атмосферой и без него, но скафандр делал пребывание на планетке удобнее.

Распахнув люк, Колби спрыгнул на землю, состоящую сплошь из белой, замороженной, лишенной растительности глины. Огляделся. Вокруг все было так тихо и неподвижно, как бывает лишь на безжизненных планетах.

Колби осторожно обошел валун. Примерно в трехстах шагах от него лежал длинный, черный крейсер. А меньше чем в сотне шагов от крейсера сияло ледяное озеро, отполированное слабым ветерком. На противоположном берегу замороженного озера и находились все три здания станции, в различном состоянии, но, в основном, неповрежденные. Здания были невысокими, но длинными. Они использовались для того, чтобы хранить тысячи тонн ракетного топлива.

Колби был прав, когда предположил, что именно эти сооружения, напоминающие о Земле, привлекут Деверела своей доступностью.

Он стоял за старым, грязно-белым валуном и улыбался себе под нос. И мрачно поклялся, что *на сей раз* Деверел вернется на Землю в наручниках.

Затем он стал ждать появления самого Деверела. Терпение всегда входило в список положительных качеств Колби. Он слился с окружающим ландшафтом и предполагал, что достаточно хорошо скрыт от глаз преступника, а потому совершенно спокойно рассматривал начинающие рушиться одинокие, пустынные здания на противоположном берегу озера.

Ждать пришлось меньше часа. Затем Колби встрепенулся и вскочил на ноги. Он увидел Деверела, хотя до него было не менее двухсот метров. Но Колби все равно почувствовал, что это он. Он достал бластер, удовлетворился, что оружие заряжено, и принялся ждать.

II

ДЕВЕРЕЛ появился из здания и медленно направился к озеру. На берегу он остановился и осторожно попробовал лед ногой, чтобы проверить, насколько он крепкий. Должно быть, это сказывались земные привычки, так как здешнее озеро должно промерзнуть до самого дна. Затем он ступил на лед и медленно пошел к кораблю.

Когда преступник вышел на голый берег озера, Колби выскочил из укрытия и, без разговоров, нажал курок бластера. Меньше чем в десяти шагах от Деверела в воздух яростно брызнул маленький гейзер земли и каменной крошки.

— Стоять на месте, Деверел! — гаркнул во весь голос Колби.

Но у Деверела оказалась отличная реакция, так что на месте его уже не оказалось. Рядом был известняковый валун, и Деверел бросился за него. Колби выстрелил еще раз, просто соскучившись по погоням и перестрелкам.

Наступил момент напряженной тишины. Затем Деверел начал палить в ответ, используя разрывные пули и намереваясь не столько попасть в Колби, сколько уничтожить известняковую глыбу, за которой тот прятался.

Колби юркнул под защиту камня. Но он был готов к такой тактике. А положение Деверела было похуже.

Колби начал уничтожение его более мелкого валуна сверху вниз и продвигался к цели быстрее противника, который старался справиться с гораздо более огромной глыбой. Разреженный воздух смягчал все звуки. Каменные осколки дождем сыпались на Колби, иногда падали даже камешки побольше, но слабая гравитация смягчала удары, так что ему не было никакого вреда.

Колби победил даже раньше, чем ожидал. Он уже уничтожил половину валуна Деверела, когда очередной выстрел из бластера расколол его сверху до низу. Обе половинки откатились друг от друга и успокоились на промерзшей земле. А Деверел остался лежать ничком, совершенно ничем не прикрытый. Еще несколько секунд он продолжал вести огонь, пока Колби, усмехаясь, позволял ему забавляться.

Наконец, Деверел прекратил стрельбу и поднялся, что-то крича, и в голосе его слышалось и досада, и капитуляция. Он бросил свой

пистолет в направлении полицейского, затем поднял руки, демонстрируя, что сдается.

КОЛБИ НЕТОРОПЛИВО пошел к нему, торжествующе усмехаясь.

— Привет, Колби, — совершенно неискренним тоном сказал Деверел.

Колби кивнул в ответ и стал рассматривать стоящего перед ним здоровяка с ликованием, которое старался скрыть из чистой вежливости.

— Что-то ты не выглядишь таким уж самодовольным, — буркнул Деверел и раздраженно добавил: — Как ты вообще меня нашел?

Колби коротко рассказал ему, как. Деверел кивнул, в его голубых глазах появилось сдержанное уважение.

— Хорошая работа. Чертовски хорошая, будь она проклята! Хочешь вернуть меня на Землю посадить в тюрьму, не так ли?

— Я серьезно думаю об этом.

— Ладно, — нахмурился Деверел. — Тогда действуй, Но хочу сказать тебе сразу: не думаю, что я вернусь. Не знаю пока что, как и почему, но я всегда верю в чудеса.

— Это уж точно. Только чудо позволить тебе ускользнуть от меня на этот раз, — мрачно отозвался Колби.

Оказавшись на корабле, Колби не стал рисковать и заковал преступника в кандалы, причем разместил его в рубке управления, чтобы он все время был на виду.

Взревели двигатели, корабль немного проехал по мерзлой почве, затем круто взмыл вверх. Ганимед превратился в невзрачный шарик, а половину переднего экрана занимал Юпитер, чудовищный и опасный, разноцветный и полосатый, причем цвета и полосы на нем все время менялись.

Колби со счастливой улыбкой увеличил ускорение, беря курс на далекую Землю. Но довольство его продлилось недолго.

Деверел неподвижно сидел в кандалах, предоставленный, в определенных, очень небольших пределах самому себе. Он глядел на Юпитер, мрачные мысли бродили в его голове. Ему очень не хотелось возвращаться в ту адскую дыру на Меркурии, которую лишь по чистому недоразумению называли тюрьмой. Но пока что он не видел никакого выхода. Только бы что-то произошло, какое-нибудь чудо, на которое он так надеялся...

И, словно в ответ на его мысли, это чудо случилось. Прежде чем люди успели осознать происходящее, корабль вдруг принялся вращаться в пространстве. Юпитер с головокружительной быстро-

той начал вертеться вокруг них, освещая то один экран, то другой. Колби был резко отброшен на воздухоочиститель. Раздалось громкое, противное шипение, когда хрупкая стеклянная трубка повредилась при ударе. Но Колби тут же отлетел к противоположной стене, а потом его бросило вперед так, что он с силой треснулся о панель управления.

Кандалы удержали Деверела на месте, и он сидел, широко раскрытыми глазами глядя, как тускнеет и гаснет свет. Правда, на пульте горели и перемигивались индикаторы, и экраны еще работали, так что полная темнота все равно не наступила. Деверел наблюдал за беспорядочным перемигиванием огоньков. Внезапно с полки слетела тяжелая энциклопедия, пролетела по рубке и ударила Деверела прямо по голове. Затем другие книги принялись бомбардировать его, но закованный Деверел был беспомощен и не мог отразить их атаку. Он не мог даже уклониться, только ошарашенно вертел головой и строил гримасы.

СУДЯ ПО ощущениям, корабль падал, беспорядочно вертеться, и преступник предположил, что падать ему было некуда, кроме как на Юпитер. С каким-то детским удивлением он наблюдал за происходящим. Колби же тем временем летал от стены к стене, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться. Наконец, почти потеряв ориентировку, он случайно стиснул пальцы на леере вдоль правого борта и мрачно держался, трясая головой.

Потом ему удалось пробраться в пульт управления, и при помощи тех рычагов, которые остались не поломанными и не выдернутыми из гнезд, когда его било о пульт, попытался прекратить вращение корабля и выровнять его. Но ничего не получилось. Колби попробовал еще раз. Бесполезно. Выругавшись шепотом, он понял, что произошел один из редких несчастных случаев. Несмотря на то, что корабль летел с приличной скоростью, сзади его догнал метеор и разбил часть дюз, расплавив их и сделав бесполезными.

Колби застыл у пульта, стараясь собраться с мыслями, когда услышал позади насмешливый голос Деверела:

— Ты хотел вернуть меня на Землю. Интересно, как это получится у тебя теперь?

— Не глупи, — холодно рявкнул в ответ Колби. — Ты что же, думаешь, это и есть твое чудо?

— Возможно, — небрежно бросил Деверел. — Мы, кстати, падаем на Юпитер.

— Это еще ничего не означает.

— Конечно, — кивнул преступник. — Не считая того, что, когда — и если — мы приземлимся, то поговорка об иголке и сене покажется задачей для малышей.

Колби в отчаянии снова взялся за управление. Дюзы определенно были сплавлены и восстановлению не подлежали. Кроме того, где-то была повреждена проводка, судя по тому, что не было света, и не работал очиститель воздуха. Поняв, что починить корабль не сможет, Колби все же, руководствуясь в первую очередь интуицией, сумел компенсировать тягу оставшимися дюзами и прекратить вращение.

Когда это удалось, Колби достал созданные специально для Юпитера скафандры.

— Идущие на смерть приветствуют тебя, Юпитер! — торжественно продекламировал Деверел, затем добавил уже нормальным голосом: — Говорят, что в юпитерианском скафандре невозможно погибнуть, — и в голосе его вновь зазвучала насмешка: — Вы не можете в нем простудиться, не можете получить солнечный удар, и скафандр не расколется, с какой бы высоты вы не грохнулись!

— Нам повезло, что у меня вообще есть эти скафандры, — прервал его словоизлияния Колби. — Как раз перед тем, как я покинул Землю, Межпланетная Полиция получила, наконец, разрешения оборудовать корабли такими игрушками. Они весьма дорого стоят, так что ими разрешено пользоваться лишь на планетах-гигантах с мощной гравитацией и высочайшим атмосферным давлением. Говорят, что сплав, из которого они изготовлены, напоминает нейтроний — самое тяжелое вещество из всех известных, к тому же самое прочное. Вот почему эти скафандры такие дорогие и их раздают так экономно.

Он снял с Деверела кандалы и указал на юпитерианский скафандр. Затем надел такой же скафандр сам.

Корабль все еще продолжал тошнотворно вращаться, хотя уже гораздо медленнее. Колби почувствовал, что его подташнивает. Деверел же лыбился во всю ряшку.

— Ну что, выйдем погулять? — спросил он, и они взялись за шлемы.

У Колби кружилась голова, но он изо всех сил старался не утратить ясность мышления. Перейдя в кормовой отсек, он достал наручники, подошел к Деверелу сзади и ловко пристегнул наручники одним концом к манжете его скафандра, а другим — к своей.

Затем Колби открыл люк. Воздух резко вырвался из корабля в открытый космос, где тут же принялся расширяться и расширился,

вероятно, до бесконечности. Колби вытолкнул преступника из корабля и неизбежно последовал за ним сам.

Корабль снаружи выглядел длинным и черным, и закрывал одну сторону обзора. С другой же стороны распахнулось звездное небо, небо, что из герметично закрытого корабля выглядит изумительно прекрасным, но снаружи давит и пугает. Не было здесь никакого верха и низа, небо окружало их со всех сторон. И их не отпускало жуткое чувство падения...

ДА, ОНИ падали, и корабль падал вместе с ними. Притом корабль все еще продолжал вращаться, хотя уже не так быстро. При выходе они с силой оттолкнулись тяжелыми башмаками скафандров, так что отлетели от корабля метров на пятнадцать, но все равно продолжали падать вместе с ним, в который раз уже доказывающая истинность закона, что тела, независимо от формы, размеров и веса, падают с одинаковой скоростью при отсутствии атмосферы.

Тяготения они не ощущали, поскольку находились в свободном падении. Разве что самую малость их беспокоило ускорение.

Огромный, ядовитых раскрасок диск Юпитера находился под ними. И им ничего не оставалось делать, как восхищенно наблюдать за его ростом.

Тишину нарушил Деверел, пробормотав:

— Юпитер, черт, суровая планета. Я вот тут думаю, как он обойдется с нами. Мы ведь можем приземлиться где угодно. Где угодно, Колби, на его миллиардах квадратных километров суши. Юпитер-сити может оказаться как в сотне километров от нас, так и в сотне тысяч. Но в любом случае, нам не хватит воздуха, еды или удачи, чтобы пройти больше пятидесяти километров. А эта планета буквально испещрена всевозможными горными цепями, долинами, ущельями, гигантскими реками и морями. Здесь существуют большие озера кислот, жидкого аммиака, жидкого кислорода и черт знает чего еще. Вот такие нас ждут несимпатичные перспективы.

III

ПОЗЖЕ, ГОРАЗДО позже, несколько часов спустя, Деверел вдруг замахал руками.

— Вот там Большое Красное Пятно, Колби, у самого края диска. Это хорошо. Это означает, что мы можем упасть где-нибудь возле Юпитер-сити, если будем следить за своим весом.

Колби понял, что он имеет в виду. Пятно, находящееся сейчас у западного края планеты, скроется за ее восточным краем примерно через пять часов. Через три часа Юпитер-сити, расположенный на

экваторе, где и гравитация, и атмосферное давление значительно ниже, чем в других областях, появится на западном крае диска. Еще через два с половиной часа он окажется как раз под ними. Значит, они должны приземлиться через десять с половиной часов. Не больше и не меньше.

Они могут сделать это, если будут регулировать свой вес. Юпитерианские скафандры оснащены устройством для управления силой тяжести. Разумеется, в космосе никакое изменение веса ничего не значит, но когда они войдут в атмосферу, это *будет* иметь значение. Уменьшая свой вес, они уменьшат инерцию и поэтому усилят сопротивление атмосферы. Станут падать значительно медленнее, и, если будут внимательны, то могут приземлиться буквально в окрестностях Юпитер-сити.

Красное пятно, все еще остающееся тайной для землян, скрылось за кривизной планеты и исчезло, оставив после себя лишь дыхание своего красного свечения. А потом и свечение исчезло.

Ускорение быстро росло. Планета уже закрывала добрую четверть небосвода.

Спустя тридцать восемь часов после того, как они покинули корабль, они ощутили на себе новое воздействие, а звезды над головами начали становиться все более тусклыми. Это означало, что они вошли в атмосферу, окутывающую планету толстым одеялом.

Звезды изменились, они даже начали слегка мерцать, напоминая о маленьком зеленом мирке, который, как подозревал Колби, он может никогда не увидеть.

Деверелу, казалось, такие чувства были недоступны, а может, он просто не показывал их.

Зато он казался зачарованным открывающимся им видом более чем обычно.

— Я был на Юпитере лишь однажды, — доверительно сказал он. — Давно. Еще до того, как начал грабить баржи на марсианских каналах. Противная планета этот Юпитер, но он всегда интересовал меня. Возможно, потому, что весьма на меня походит. Он такой большой и такой равнодушный к остальной Системе. Летит себе по орбите, делает оборот вокруг Солнца за двенадцать лет и тащит за собой девять больших и кучу мелких планеток, не спрашивая, хотят они этого или нет. Он вообще похож на громадную химическую лабораторию. На его поверхности можно найти все редчайшие химические элементы. И у него такое высокое атмосферное давление и гравитация, что он, казалось, может творить с этими элементами все, что угодно. При мыслях об этом становится даже приятно, что нас защищают такие надежные скафандры.

Теперь они могли переговариваться без помощи раций. Атмосфера вокруг стала такой плотной, что уже передавала звуки. Звезды исчезли, и постепенно вокруг темнело. Солнечный свет вообще не доходит до поверхности Юпитера, потому что газовое одеяло полностью отражает или поглощает слабые солнечные лучи, долетающие в такую даль.

Они начали уменьшать свою тяжесть. Падать им надлежало еще более трех часов, а, при существующей скорости, они достигнут поверхности планеты слишком быстро, и до Юпитер-сити окажется слишком далеко, чтобы дойти пешком.

Они все время глядели на часы, и от этого время тянулось еще медленнее.

Они могли оценивать свою высоту над поверхностью лишь на глазок, и им казалось, что остается всего лишь пара километров, и тут на обоих нахлынул страх. Они падали в темноте на планету, суша которой составляет пять с половиной миллиардов квадратных километров. Они могли рассчитать время падения и, если не ошиблись, то Юпитер-сити должен быть где-то в пятисоткилометровом радиусе. Но пятьсот километров было не лучше миллиона, столько по пересеченной местности планеты им не дойти.

ТЕПЕРЬ ОНИ оказались в мире маленьких, загадочных звуков. Снизу доносилась целая лавина шумов. Что это? звук трения их скафандров об атмосферу? Крики животных? Лавины? Или просто стремительное движение струй пара? Вероятно, последнее, подумал Колби, а может, под ними лежит океан каких-нибудь адских химических, ожидая момента, когда сумеет их схватить. Он содрогнулся.

Наступили последние секунды напряженного ожидания. Их нервы были слишком натянуты в ожидании первого контакта с поверхностью. К тому же они слишком устали. Так что падали дальше молча. Они летели сквозь тьму, безуспешно пытаясь понять, когда же, наконец, упадут. Колби мог бы внести некоторую ясность в их ситуацию, если бы собрался с мыслями и вспомнил о поисковом фонаре, встроенном в грудь юпитерианского скафандра. Но он не вспомнил, так же, как и Деверел, иначе они бы уже избавили себя от ужаса неопределенности.

Потом Колби почувствовал, как по спине мелкими лапками пробежал страх. Потому что что-то коснулось его ног.

Потом еще раз. Что-то дотрагивалось до них в темноте легкими пальцами, по крайней мере, так казалось. Деверел шумно вздохнул. Они попытались оставаться в вертикальном положении, чтобы

удариться о поверхность планеты напружиненными ногами, а не боком или – не дай Бог! – головой. Но это было не так-то просто. Они медленно повернулись на бок, отчаянно замахали руками, но это не помогло.

Снова что-то коснулось их, точно мягкой кистью, а потом они вдруг покатались вниз по крутому склону. Резко остановились на чем-то твердом. И лежали неподвижно, выжидая, пока слегка успокоятся натянутые до предела нервы. И, лежа, они почувствовали, как что-то лупит по ним сверху, часто, точно барабанная дробь.

IV

ОНИ ОДНОВРЕМЕННО вскочили на ноги в полной темноте.

– Что это? – пробормотал Колби, а бомбардировка чем-то мягким не прекращалась.

Деверел замер, затем рассмеялся. Он напомнил Колби о фонаре, встроенном в скафандры, и включил свой. Колби смущенно улыбнулся, открыл нагрудную панель скафандра и сделал тот же самый. Два ярких луча осветили какую-то крутящуюся белую массу.

Атаковавшие их снаряды оказались ничем иным, как огромными, стремительно падающими каплями белой жидкости.

– Дождь? – удивленно воскликнул Колби.

– Скорее, жидкий аммиак, – возразил Деверел. – На Юпитере не бывает тропических ливней. В таком холоде быть не может никакой жидкой воды. Она вся здесь представлена в виде льда. Поэтому в Юпитер-сити приходится производить собственную воду. А это должен быть жидкий аммиак, дождь из него бесцветен и напоминает обычную воду.

Колби посветил своим лучом в разные стороны и получил размытое впечатление от крутящихся белых струй ливня. Внимательно присмотревшись, он понял, что почва, на которой они стояли, почти лишена трения, отполированная вечным падением жидкого аммиака. Они стояли на пологом склоне и стали осторожно подниматься по нему, пока не уткнулись в гладкую, точно атлас, стену.

Колби пошарил лучом фонаря и увидел, что это толстый базальтовый шпиль, резко поднимающийся, но вскоре резко обрывающийся. Как раз об него они и ударились во время падения. Они обошли столб, оказавшийся почти абсолютно симметричным, и увидели, что по другую его сторону склон идет уже вниз. Тогда они принялись спускаться по нему и дошли до того, что показалось на пруд. Колби предположил, что наполнен он тоже жидким аммиаком. Он посветил над ним фонарем, и луч уперся в вертикальную

стену, с которой торопливыми ручьями текли потоки аммиака. С берега, где они стояли, до стены было примерно сорок шагов.

Колби обнаружил, что стена тянется вверх, насколько хватает луча фонаря, и в ней не видно ни одного разрыва. Не было при этом разрывов и в обе стороны. Стена стояла у них на пути непреодолимой преградой.

ОНИ НАПРАВИЛИСЬ вдоль водоема, постоянно осматривая откос. Минут через пятнадцать они обнаружили, что, хотя стена и отступала время от времени от водоема, в ней не было ни единого прохода.

Колби внезапно остановился, задумавшись. Затем пошел дальше по склону вдоль стены, и Деверел волей-неволей последовал за ним. Еще через несколько минут они вышли к знакомому уже шпилю, и Колби раздраженно выругался.

— Вы все поняли? — криво усмехнулся он Деверелу.

— Понял что?

— Мы на острове! Остров лежит в озере жидкого аммиака, а озеро это окружает вертикальная, самая неприступная из всех, что я видел, стена, — с отвращением проворчал он.

Они замолчали. Дождь продолжал падать, не утихая и не ослабевая. Они стояли, защищенные от него скафандрами, и злились. Но можно ли злиться на слепую природу?

Деверел был все еще прикован наручниками к Колби. Внезапно он резко выкрутил руку. Раздался громкий треск. Колби повернулся, как тигр, с искаженным лицом.

— Ничего страшного, лейтенант, — усмехнулся Деверел. — Почему мы должны оставаться прикованными друг к другу такими ненадежными оковами. Наручники все равно бы не выдержали. Видите ли, они сделаны из сплава, которые легко трескается в таком холоде — в отличие от юпитерианских скафандров.

Колби стоял несколько секунд, затем, ослабившись, сунул свой бластер обратно в кобуру.

— И что будем делать теперь? — спросил преступник.

Колби цинично усмехнулся.

— Немного постоим здесь. Затем посидим. Потом снова встанем и постоим. Как и все приговоренные к смерти, мы будем лелеять ложные надежды, которые никогда не сбудутся.

— Как интересно, — негромко протянул Деверел. — Предполагаю, что так будет длиться до бесконечности. Но мне не нравится этакая программа. Ладно, давайте все же сядем.

Они сели.

Долго тянулось молчание.

То и дело налетали мягкие порывы аммиакового ветра. Иногда они слышались, как аммиак, журча, течет по откосу. Дождь из аммиака все продолжался, и стук капель напоминал барабанную дробь. Но, в общем, все эти звуки лишь подчеркивали вечную неизменность здешних мест.

У Колби возникло чувство, что если он посидит здесь еще немного, то сам станет таким же неизменным. И нервы его не выдержали. С бессильным рычанием он вскочил на ноги и побежал к краю озера. Пошел по берегу, светя фонарем во всех направлениях. Деверел наблюдал, как он скрывается в тумане.

ЗАТЕМ ОН ЛЕГ и лежал неподвижно, с призрачной улыбкой на лице. Всегда, когда он глубоко задумывался, у него всегда появлялась такая призрачная улыбка. Так он приходил к различным выводам, которые могли что-то значить... а могли и не значить ничего.

— Сядьте, лейтенант, — сказал он, когда Колби вернулся. — Все ваши поиски бесполезны.

Колби сел.

Деверел откинулся на спину на гладком материале острова и вздохнул.

— Вы же знаете, Колби, что, возможно, мы совсем недалеко от города.

— Наверное, — безразлично ответил Колби.

— Хорошо помечтать об этом, не так ли? Тем более что, кажется, мы никогда не увидим город.

— Кажется.

— А он оборудован всеми удобствами. Там сеть еда, проточная вода, отапливаемые помещения для жилья, лаборатории и мастерские для работы. Конечно же, это всего лишь мечта, что город может быть совсем рядом. А купол города окружает могучая, недружелюбная среда. Повсюду ядовитые газы, которые вы вряд ли можете называть атмосферой. Красные, зеленые, ядовито-желтые цианиды, аммиак, сера. А еще город окружают горы, вздымающиеся на пять-шесть километров, а затем почти вертикально падающие с противоположной стороны. Человек почти ничего не знает о них, а уж тем более, что лежит дальше, за ними. Человеку вполне хватает территории вокруг Юпитер-сити радиусом сорок пять — пятьдесят километров. А ведь за горами много интересных вещей: долины гейзеров, озера, равнины — и кругом полно всяческих жидких химикалий. А еще здесь существует Фонтан из жидкого аммиака, который хлещет прямо из неприступного утеса. Нельзя даже

вообразить его источник. Следуя логике и измерив силу падающей жидкости, можно сказать, что этот Фонтан пускает свою струю километров на пять вверх. Некоторые исследователи поднимались со своими приборами к нему в горы. Они поднялись почти на шесть километров – этот была самая высокая гора на Юпитере, выше и быть не могло из-за силы тяжести, – и потеряли след Фонтана. Они не нашли его источник. Зато обнаружили, что там, наверху, гораздо теплее, и аммиак там не может быть жидкостью. Так как же там может существовать источник Фонтана так высоко в горах? Это по-прежнему остается тайной. А еще, Колби, есть странные холмы южнее Юпитер-сити. Они состоят из самого твердого... – Он внезапно замолчал. – Вам уже скучно?

– Да нет, продолжайте, – хмыкнул Колби. – Только странно слышать, как вы идеализируете эту планету.

Но Деверел лежал неподвижно и уже ничего не говорил. Очевидно, он сказал все, что хотел.

Колби тоже лег рядом. Он чувствовал, как его охватило полное безразличие. Он больше не беспокоился об их судьбе, теперь, когда понял, чем все закончится. Какое-то время они еще проживут, а после умрут. И ничего другого ему не приходило на ум. Уже засыпая, он смутно припомнил, как на Вулкане позволил этому преступнику вот также лежать рядом, и тогда он был тоже уверен, что их положение совершенно безнадежно. Но Деверел все же нашел из него выход... Разумеется, теперь все было *иначе*. На этот раз у них действительно не было никакого выхода. С этой мыслью он и уснул, так как ужасно устал. А когда он проснулся, Деверела нигде не было.

V

КОЛБИ ОБЫСКАЛ весь остров, осветил каждый уголок, где мог спрятаться преступник. Он даже тщательно осмотрел шпиль, торчащий в центре острова, но это уже был жест, указывающий на его полное замешательство.

Потом замешательство уступило место кипящему гневу, направленному на самого себя. Деверел снова воспользовался своей изворотливостью и ушел от закона. Он снова выставил Колби дураком.

Но проклятиями, осыпавшими собственную глупость, было не решить мечущиеся в голове вопросы.

Куда мог деться Деверел? Что подсказала ему его изощренная логика?

Колби сел и попытался думать.

Существовали непреложные факты. Он находился на острове диаметров в семьдесят шагов, в центре озера метров ста в диаметре. Озеро окружено сплошной стеной.

Шел дождь, дождь из аммиака, падающий безостановочно, сильными струями – этаким вечным ливень. Значит ли это что-нибудь? Не может ли здесь крыться какая-то подсказка? Внезапно в его голове что-то щелкнуло. Значит ли это что-нибудь? Разумеется, значит! Почему не поднимается уровень воды? Почему озеро не выходит из берегов и не заливают островок? Не было никакого видимого источника, значит, должен существовать невидимый!

Колби весь напрягся. Именно так Деверелу удалось ускользнуть отсюда! Но, мелькнула более трезвая мысль, если выход был подземный, то и привел бы он куда-то на глубину в километр под поверхностью Юпитера.! Но ведь это еще хуже, чем существующее положение!

Деверел, должно быть, окончательно спятил, подумал было Колби и тут же себе возразил: нет, Деверел не спятил, он был слишком хитроумным, причем способным рискнуть, когда возникает такая нужда. Неужели это тот самый шанс, который упустил Колби?

Он думал, думал и не мог решить проблему.

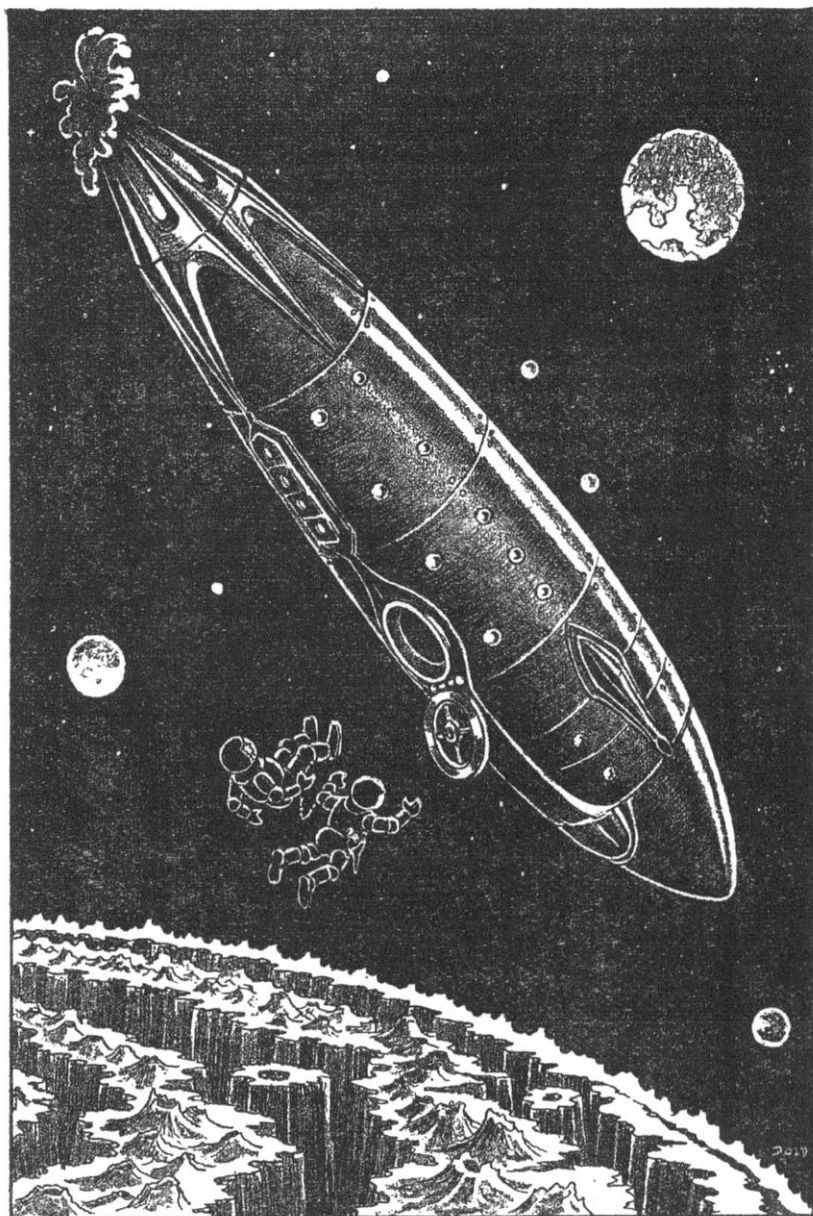
Потом он вспомнил странный монолог, которым развлекался преступник перед тем, как Колби уснул, и чем больше он думал об этом, тем более был убежден, что Деверел говорил все это не просто так, а, возможно, хотел дать Колби подсказку, намекнуть, как он сбежал.

Он сделал особый акцент на открытом человеком на Юпитере загадочном явлении – Фонтане. Возможно ли, что именно это озеро и было источником Фонтана? Нет, этого не может быть, раздраженно подумал он. Ученые доказали, что Фонтан находится на пятикилометровой горе, а так высоко аммиак не может конденсироваться в жидкость.

Итак, Колби должен отвергнуть идею Фонтана – но... Он упрямо полагал, что Деверел намекал на Фонтан, как на возможный выход из их положения.

Тогда Колби встал и спустился к краю озера, постоял там, вглядываясь в прозрачную, как вода, жидкость, несколько секунд колебался, затем решительно ступил в озеро.

ДНО БЫСТРО опускалось, и Колби понял, что озеро очень глубокое. Он шел вперед ровным, неспешным шагом. Вода поднялась до колен, бедер, плеч... Колби остановился, снова заколебавшись от жуткого предчувствия. Он боялся шагать в глубины неизвест-

They felt no sense of weight; their very motion, being the effect of Jupiter's gravitation, was its cancellation. There was nothing but the tiniest sense of acceleration.

ности, его чуть было не тошнило от страха. Но он все же пошел дальше, и, когда дождь перестал барабанить по шлему, понял, что погрузился в озеро с головой.

Он сделал очередной шаг, но нога не нащупала опоры. Он дернулся было назад, стремясь сохранить равновесие, но не удержался и стал медленно падать в бездонную пропасть... которая тут же кончилась. Страхи Колби оказались не обоснованы. Он приземлился на ноги на какую-то твердую поверхность и тут же включил фонарь, встроенный в грудь скафандра, хотя намеревался сначала беречь энергию для более поздних чрезвычайных ситуаций. Луч мог пробиться недалеко в этой жидкости, однако, уменьшил страх Колби перед неизвестностью.

Еще десяток шагов, и он оказался перед стеной, которая тянулась и по дну озера. Колби последовал вдоль нее, опираясь о камень рукой, чтобы сохранить равновесие.

Озеро было спокойным, но в воде все же ощущалось небольшое течение. Колби понимал, что идти нужно было по нему, и утешался еще тем, что он наверняка идет туда же, куда направился Деверел.

Течение становилось все сильнее. У Колби было странное ощущение, словно ладони гиганта мягко толкают его вперед. Он попытался остановиться и, к ужасу своему, понял, что не может этого сделать.

Он попытался было сопротивляться, но тут же остыл. Бесполезно бороться с неотвратимым.

Затем его оторвало от дна и начало вращать. Жидкость вокруг словно яростно закипела. Его повлекло вправо с захватывающей дух быстротой, и Колби показалось, будто он слышит, как гудит несущаяся мимо жидкость. Голова у него закружилась, но он успел еще подумать, что, вероятно, его несет к выходу из туннеля, тянущемуся под стеной.

Еще несколько секунд его несло по прямой. Разумеется, у Колби не было столько оптимизма, чтобы предполагать, что так будет продолжаться вечно. Разумеется, должен быть поворот, да еще и не один. Должен быть поворот, после чего жидкость пойдет круто вниз. Колби прекрасно понимал это и ждал со страхом, что его повлечет глубже в недра планеты.

Но, по-видимому, законы физики и логики не действовали на такой безумной планете, как Юпитер, потому что поток и не думал направляться вниз. Напротив, он *поднимался*.

Колби был слишком ошеломлен, чтобы искать этому объяснение. Да он и не думал, что есть такое объяснение. Ведь поток этой жидкости просто *не мог* подниматься!

Но он поднимался!

ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО время Колби понял, что уже не может мыслить ясно. За час такого головокружительного подъема его неоднократно било о стены туннеля, и, хотя юпитерианские скафандры славились своей легендарной неуязвимостью, им-то самим ничего не было, а вот у Колби внутри после каждого удара все кости пронзала жуткая боль.

Вращаясь на этой бесконечной карусели, он не мог думать ни о чем, лишь желал, чтобы все поскорее кончилось. Он понятия не имел, куда его несет, но страстно хотел поскорее очутиться там.

Внезапно подъем прекратился. Теперь его несло прямо по горизонтали. Озеро должно остаться на несколько километров внизу. Это невероятное озеро, которое отправляло излишки своего содержимого вверх, игнорируя закон тяготения!

Затем он внезапно накренился под углом в тридцать градусов, и его все быстрее и быстрее поволокло куда-то вниз. Вот тут в голове у него чуть-чуть просветлело, и Колби даже показалось, что он ухватил за хвост истину. Но истина ускользнула, когда он начал терять сознание.

Сознание он терял постепенно, и этому весьма содействовали удары о стенки туннеля. Последнее, что он помнил, так это то, что сила тяжести вдруг стала равной земной. Падал он быстро и ничем не мог замедлить это падение. Затем темнота туннеля проникла к нему в голову. Колби не знал, чем закончится этот спуск, но...

VI

СНАЧАЛА КОЛБИ почувствовал сразу две вещи. Во-первых, стремительное движение и жуткий рев, от которого вибрировало все его тело. А во-вторых, яркий свет, направленный ему прямо в лицо. Он попытался хоть что-нибудь разглядеть в этом луче, но не смог. Но хотя бы он понял, что это за свет такой.

— Как себя чувствуешь? — раздался совсем рядом голос Деверела, и когда Колби сделал попытку подняться, добавил: — Лежи-лежи, не стоит тебе вставать.

Проморгавшись, Колби увидел у него в руке бластер — смертоносное оружие двадцать третьего века. Зрение постепенно прояснялось. Вокруг был мрак. Луч фонаря пронзал крутящиеся, разноцветные струйки испарений.

— Я так и знал, что ты появишься, — заявил преступник.

— Знал?

— Разумеется. Я знал, что до тебя постепенно дойдет, что ты должен последовать за мной. Разумеется, сам я тоже действовал лишь наугад. Я вовсе не был уверен, что окажусь в безопасности.

— А мы в безопасности? — пробормотал Колби.

— Ну, как мы можем быть в безопасности? Рев, который ты слышал и стремительное движение — все это и есть Фонтан. Он падает примерно метрах в пятидесяти позади тебя в глубокое озеро. Из озера я тебя и выловил. Ты плавал там без сознания. Твое счастье, что ты догадался вовремя уменьшить вес скафандра, точно так же, как до этого и я сам. А теперь ты наверняка ломаешь себе голову, почему я ушел, не взяв тебя с собой. Как я уже сказал, я знал, что ты последуешь за мной. Для этого я и дал тебе весьма прозрачные подсказки насчет Фонтана. Колби, если бы я взял тебя с собой, то оставался бы по-прежнему в твоей власти. Но, как видишь, теперь власть перешла ко мне. После того, как я одолжил у тебя бластер, — насмешливо добавил он.

Колби мысленно простонал. До сих пор он не понимал, что все кончено.

— И что теперь? — с горечью спросил он.

— Мне нужны твои верительные грамоты.

— Что?

— Колби, в Юпитер-сити мне дадут иммунитет. Я могу взять там корабль и улететь... ну, неважно, куда. Но для этого мне нужны твои документы.

— Бери, если сумеешь забрать их, — буркнул Колби, упрямо выдвинув вперед нижнюю челюсть.

— Если ты не отдашь их мне добровольно, я вытащу их из кармана твоего еще тепленького трупа, — заявил Деверел.

Колби открыл одну из секций скафандра и достал длинную металлическую трубку. Передал ее Деверелу, затем вопросительно поглядел на него.

— Я иду в Юпитер-сити, — заявил тот. — Можешь последовать за мной через некоторое время. Я уважаю тебя, лейтенант, и не могу хладнокровно застрелить. Между прочим, я думаю, ты уже разгадал загадку Фонтана?

Колби утвердительно кивнул.

— Теперь все уже не так таинственно, верно? — сказал Деверел.

— На деле все оказалось очень просто. Я думал об этом, когда шел в озеро, но тогда это были просто догадки. Возможно, Колби, ты забыл о гигантском атмосферном давлении на Юпитере, давлении, которое мешало землянам расселиться на этой планете, пока не был открыт сплав, из которого сделаны юпитерианские скафандры. Давление это составляет немало тонн на квадратный сантиметр, что может поднимать жидкость на высоту до пяти километров. Если бы ты подумал об этом давлении, то сам бы рассмотрел возможности

сифона. Тебе же известно главное условие сифона – резервуар с жидкостью должен располагаться выше верхней точки, до которой она способна подняться. Ну, так вот, источник Фонтана – озеро, у которого, как нам казалось, мы оказались в плену, – находится выше устья Фонтана.

ДЕВЕРЕЛ ГОВОРИЛ медленно, монотонно, возможно, просто для того, чтобы слышать свой голос в непрерывном вое газов, klo-кочущих вокруг.

– Возьмем обычную жидкость в сообщающихся трубках. Она поднимается в короткой трубке и убывает в длинной. Это воздействие атмосферного давления и силы тяжести. А когда жидкость в правом шланге начинает убывать, то там есть стремление к образованию вакуума. Природа, как ты, несомненно, уже слышал, не терпит вакуума. Воздух всегда пытается заполнить его, но в данном случае не может проникнуть. И, естественно, свое давление он передает жидкости, которая и стремится заполнить вакуум. В нашем случае жидкость – это аммиак, трубка – туннель в горах, а выход и есть так называемый Фонтан. Поэтому у нас есть все необходимое для возникновения сифона.

Колби терпеливо слышал его, хотя прекрасно знал принцип сифона. Он криво усмехался про себя. Он помнил, что вода при атмосферном давлении Земли способна подняться лишь на пятнадцать метров. Но то на Земле. А на Юпитере с его громадным давлением жидкость, равная по плотности воде, поднимется больше, чем в тысячу раз. Деверел, несомненно, учел это. Н в его рассуждениях Колби заметил явный дефект.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Но ведь туннель должен быть уже заполнен прежде, чем начнется перекачка, иначе не возникнет никакого стремления к вакууму.

Деверел на секунду задумчиво замолчал.

– Верно, – кивнул затем он, – но я не думаю, что человек когда-либо узнает ответ. Тут можно лишь строить предположения. И я бы предположил, что когда-то, давным-давно, лежало себе горное озеро, а туннель был простым подземным ходом, заканчивающемся на том месте, где сейчас Фонтан. Затем горная цепь выгнулась под собственным весом, озеро был поднято вверх, а туннель изогнулся в форме сообщающейся трубы. Он не был закупорен, поэтому система начала работать. – Деверел удовлетворенно кивнул. – Вероятно, так оно и было.

Он замолчал. Струйки газа исполняли экзотический танец в луче фонаря.

Колби лежал на странной, пружинистой почве под прицелом бластера преступника.

— Кислорода у нас осталось не так уж и много, — заметил он.

— На сколько его тебе хватит? — рявкнул Деверел.

— Часов на тридцать шесть, — ответил Колби, взглянув на прибор.

— Это все ерунда по сравнению с тем, что ты мечтаешь упрятать меня за решетку, — прорычал Деверел. — До Юпитер-сити ты сумеешь добраться приблизительно за двенадцать часов. Значит, я хочу, чтобы ты оставался тут ровно двадцать четыре часа.

Колби удивленно поморгал, начал было что-то говорить, но тут же замолчал.

— Я понял, — сказал он под прицелом бластера, затем глянул прямо в глаза Деверелу и торжественно произнес: — Даю честное слово, что я не двинусь в Юпитер-сити раньше, чем через двадцать четыре часа.

Деверел отвел луч фонаря от лица Колби и улыбнулся самым дружелюбным образом.

— Хорошо, лейтенант, — тихо сказал он. — Мы ведь с тобой хорошие парни, верно? Ну, до свидания! Я постараюсь больше не попадаться тебе на пути... и ради нашей общей пользы, желаю, чтобы ты поступал так же!

Он повернулся и быстро пошел в направлении Юпитер-сити. Луч фонаря, встроенного в его скафандр, быстро потускнел в струях густых испарений, мчавшихся над поверхностью планеты, и вскоре и вовсе пропал из виду.

Колби откинулся на землю, потому что тело его адски болело. И начал ждать, когда же пройдут двадцать четыре часа. Ждать с горечью, потому что негодовал на собственную беспомощность. Деверелу не составит труда получить корабль, и перед ним откроется вся Солнечная система, которую Колби предстоит прочесать частым гребнем.

И Колби подумал о том, что Деверел скрылся вовсе не по вине его, лейтенанта межпланетной полиции Колби, как он сначала считал. Что тут поделаешь, что сами силы природы стремятся помочь преступнику, а не представителю Закона!

Jupiter trap, (Astounding, 1937 № 8), пер. Андрей Бурцев

PLANET STORIES

The cover illustration depicts a dramatic scene. In the foreground, a woman with blonde hair, wearing a Roman-style helmet with a red plume and a checkered tunic, is firing a ray gun. She is looking up at a massive, dark, multi-fingered alien hand that looms over her. In the background, other figures in similar attire are visible, some appearing to be in a state of panic or flight. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and reds, with highlights on the characters and the alien hand.

STRANGE ADVENTURES ON OTHER WORLDS—
THE UNDISCOVERED OF FUTURE CENTURIES

20c

VENUS ENSLAVED

by
MANLY
WADE
WELLMAN

TASK TO LAHRI

by ROSS ROCKLYNNE

OUT OF THIS WORLD

by HENRY HASSE

NELSON S. BOND • RAY CUMMINGS • JOHN BROOME • DIRK WYLIE

ПРОБЛЕМЫ С ЛАХРИ

В ТУ ЖЕ МИНУТУ, когда я вошел в кабинет и увидел, как он стоит и смотрит в окно, я понял, что что-то произошло. Ночное небо, на фоне которого выделялась фигура моего начальника — шефа отдела по Охране землян на других планетах, — казалось печальным. В животе у меня все перевернулось, и я сел на краешек широкого кресла, стоящего в бледной тени. Телепатия — ясновидение, как я любил ее называть, уже во всю была во мне тревогу. Я знал, что именно из-за нее меня выбрали для нынешнего неприятного задания, задания, которое снова унесет меня через космические дали к далекой планете.

Я завозился, ища в кармане сигаретную пачку, и откашлялся. Начальник вздрогнул, повернулся, кивнул мне и направился к своему креслу. Я достал, наконец, сигарету.

Он медленно уселся за свой обширный стол и, наконец, словно с усилием, поднял на меня глаза.

— Сид, — медленно проговорил он, — как вам известно, человеческий род распространяется по всей Системе. Мы растем. Мы доказываем свое величие и определяем свою судьбу. Из всех рас Системы мы единственные, кто когда-либо предпринимал попытки колонизировать и благоустроить внешние планеты. Это наше наследие, за это мы боролись, проливали кровь, и, если потребуется, снова будем бороться и проливать свою кровь. И вот сейчас наша колонизация внешних планет находится под угрозой!

Я глубоко затынулся. Мой начальник прекрасно знал, что именно мне предстояло показать силу человеческого рода и выиграть лишнее очко.

— Продолжайте, — сказал я со скрытым, тонким сарказмом. — Значит, где-то в космосе существует планета, на которой какая-то Богом забытая раса решила ставить нам палки в колеса, и именно я должен их остановить.

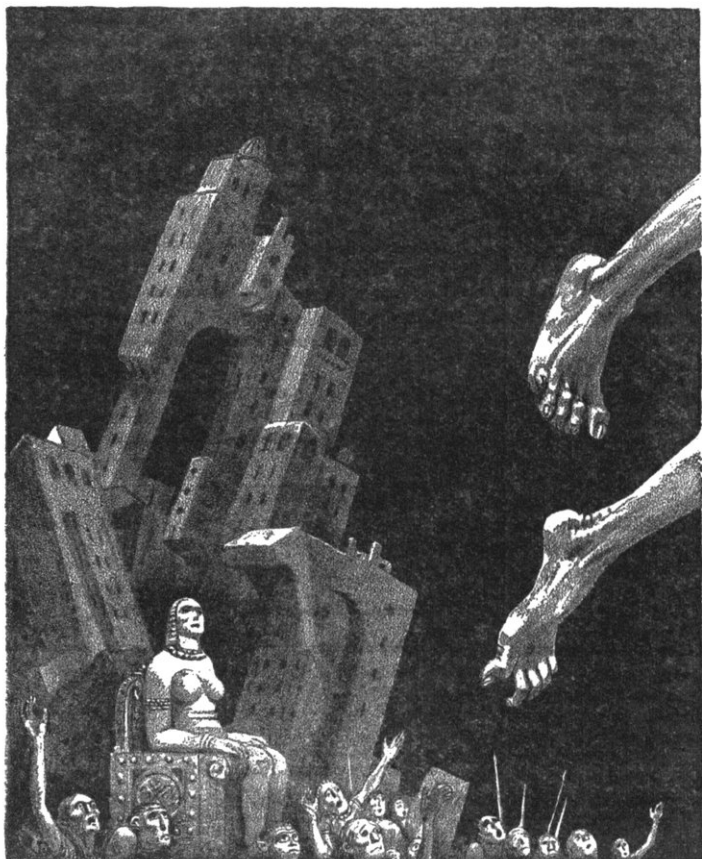
— Не совсем так, — очень тихо сказал начальник. — Они вполне серьезно надвигаются на нас. Это лахри, Сид, живущие на внутренней поверхности полого мира, а именно десятой планеты. Короче, Сид, возникла непростая ситуация. Как вы знаете, всем формам жизни необходим витамин Y. На Земле его много, поскольку он прибывает с солнечными лучами. Но на внешние планеты необходимо ввозить растения с Меркурия, специфичные для той планеты, которая почти полностью состоит из этого витамина. Внешние планеты слишком далеки от Солнца, чтобы получать его естественным

TASK TO LAHRI

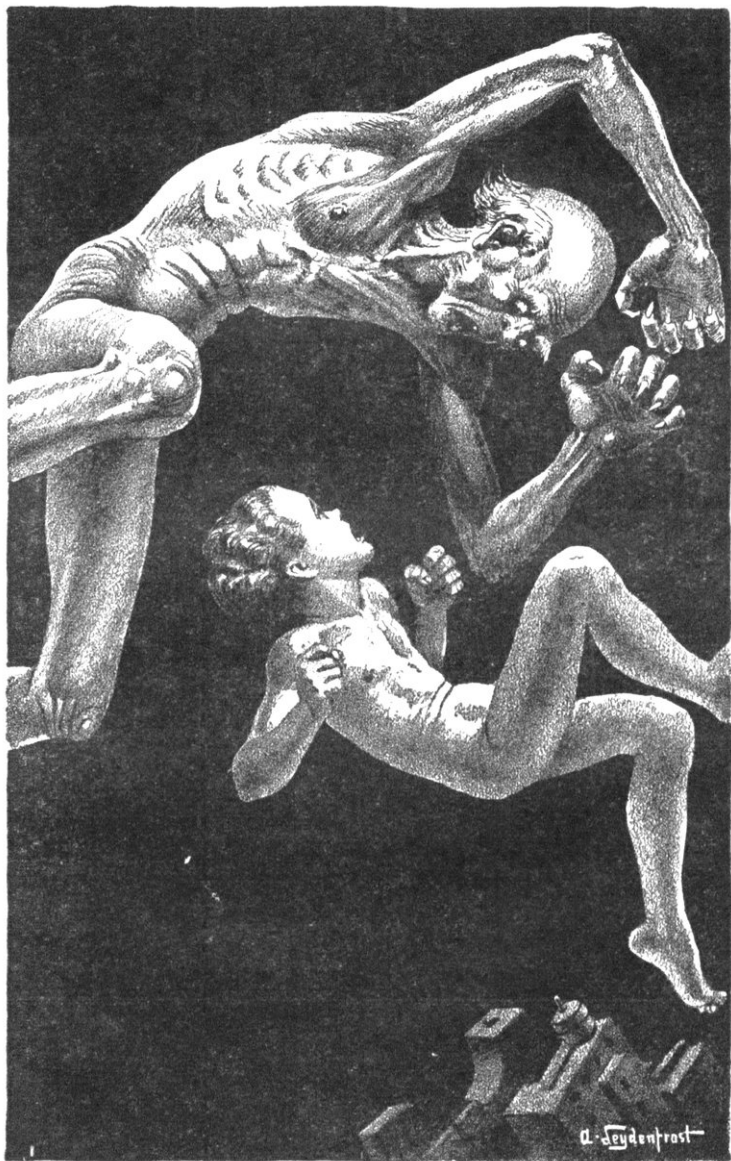
By ROSS ROCKLYNNE

The Lahri were a dying race. Inside their hollow, gravity-less world, their life-giving sun was slowly waning. And it was the Earthling's grim, unwilling job to speed their final doom.

Illustration by Leydenfrost

путем. Таким образом, наша колонизация внешних планет целиком и полностью зависит от витамина У. Последние лет десять лахри занимались пиратством, крадя по пятьдесят процентов этих витаминов с кораблей, летящих с Меркурия. Мы узнали об этом лишь в прошлом году. Лохри, численность которых вряд ли превышает

He screamed while I cursed him in a high childish treble

тысячу особей, явно нуждаются в витамине гораздо сильнее, чем люди. Раньше у них было все, что нужно, от собственного солнца, висевшего в центре их поллой планеты. Но в течение последнего века их солнце умерло.

— Таким образом, они вынуждены красть у нас витамин, чтобы поддерживать свою жизнь, — медленно проговорил я. — И это означает, что расселение человеческого рода остановлено?

— Точно так, Сид. Решать вам и Кори Старру, исследователю корпорации «Меркурианские сады», как именно остановить их. Старр будет вашим начальником на время этой миссии.

— Моим начальником? — я вскочил на ноги и сердито продолжал: — Послушайте, шеф, если я и берусь за это задание, то буду выполнять его, не слушаясь никого.

Он утомленно махнул рукой.

— Ничего подобного Сид. Мне отдали конкретный приказ, и я просто передал его вам. Пилотом корабля я назначил вашего друга Уилли Карриста. Вы втроем полетите на десятую планету, отправитесь там в «Бюро переноса сознания» и подберете себе тела лахри, чтобы могли существовать в том мире без ненадежных приспособлений. Лакри, естественно, это не понравится, но, по закону, они будут вынуждены смириться. — Начальник глубоко вздохнул. — Затем вы отправитесь к их правительству и передадите им требования Совета Десяти. Вкратце, лакри должны прекратить пиратство, найти личность или личности, ответственные за это и выдать их Межпланетной Полиции, после чего все лакри будут перевезены на астероид поближе к Солнцу, где получают все, в чем нуждаются — в первую очередь, естественно, витамин Y.

— Понятно, — мрачно сказал я и раздавил сигарету в пепельнице, с таким чувством, словно потерпел поражение. — А затем тут нужен Кори Старр?

— Сид, я сообщил вам все, что мне известно. Передайте Старру, чтобы сегодня вечером он был на Нью-Йоркском космодроме. Вы вылетите нынче же ночью. Удачи!

Это слово прозвучало так, словно начальник думал, будто удача мне нужна. Я повернулся и вышел из кабинета.

С УИЛЛОМ Карристом мы не виделись целый год, поэтому радостно было встретиться. Мы похлопали друг друга по спинам и коротко вспомнили прежние деньки. Уилл не блистал гениальным умом, зато имел пилотскую лицензию класса A-1, и был, вероятно, моим самым лучшим и близким другом.

— Вот только, Сид, — мрачно сказал он мне, — я не возьму в толк, что все это значит. Старр ничего мне не сказал. Он отправил меня на корабль и велел ознакомиться с управлением. Как будто я не знаю каждую малейшую деталь корабля любого класса!

— Он знает что-то, чего не говорит, лиловолицый ханжа... — с горечью начал я.

Но тут дверь рубки управления распахнулась и вошел Кори Старр, усмехаясь, как Мефистофель.

— Ну, ну, Холлмейер! Рад услышать ваше мнение о себе. Но, поскольку я не собирался подслушивать, а вы слишком громко говорили, то это столь же ваша вина, сколь и моя.

Он сердечно хлопнул меня по плечу и прошел к штурманскому столу. Я слегка покраснел.

Старр склонился над картами, просмотрел их, облизывая указательный палец перед тем, как перевернуть очередной лист, и рассеянно бормоча:

— Ага, дуга 80 градусов с подвектором в двух точках... — Затем, не поднимая головы, повелительно махнул рукой. — Пилот... Вас ведь зовут Каррист, правильно? Подойдите сюда. Вот этим курсом мы и последуем.

Глаза Уилла вспыхнули.

— Я уже выбрал курс!

— Вот как? — ярко-голубые глаза Кори Старра заискрились весельем. — Ну, так вот, мой милый, можете выбросить ваш курс в мусорное ведро и вспомнить, что вы подчиняетесь мне. Вперед.

В глазах Уилла бушевал гнев, от широко расправленных плеч веяло бунтарством. Но тридцать минут спустя корабль взлетел с нью-йоркского космодрома и лег на курс, проложенный Кори Старром.

За последующий долгий месяц пути, пока корабль с воем прорывался через пространство, мы с Уиллом чувствовали все более растущую ненависть к Кори Старру. Он вел себя сдержанно, но непререкаемо.

— Мы будем заняты всю дорогу, Холлмейер, — воскликнул он, встретившись со мной в первый же день, после шестичасового сна. — Нужно разобраться с аппаратурой, которую предстоит распаковать и собрать. За работу!

Хмурясь, я помог ему распаковывать ящики, в которых оказались какие-то хрупкие на вид линзы, спирали и все такое. Их мы перенесли в большой воздушный шлюз правого борта, расположив там в определенном порядке. Затем, действуя тупо по приказам командира, я стал помогать ему. Это была долгая, утомительная, неприятная работа. Старр во время работы гудел себе под нос какие-то мелодии, но первую неделю я не задавал ему никаких вопросов. Но вот, наконец, я не выдержал и решил удовлетворить свое любопытство.

— Та-та-та, — весело усмехнулся он, покачивая пальцем перед моим носом. — Это мое дело, Холлмейер. Ваше дело — выполнять мои распоряжения. Так что вперед. К тому времени, как мы прилетим на десятую планету, все должно быть сделано.

— Но зачем? — сердито спросил я, швыряя на пол тончайшую отвертку. — Мы ведь летим по определенной причине, верно? Обсудить ситуацию с лахри и арестовать ответственных за пиратство. Так к чему нам все эти блестящие игрушки?

Он поднял отвертку и спокойно вручил ее мне. В глубине его глаз я заметил огонек гнева, но его настроение никак нельзя было определить по голосу.

— Обсудить ситуацию с лахри? — переспросил он и рассмеялся. — Конечно, Холлмейер, конечно. Но предположим, вы позволите мне посмотреть на все это по-своему. Эта аппаратура... Ну, я думаю, вы сами поймете, когда мы попадем внутрь десятой планеты. Так что давайте-ка работать. Эту линзу нужно установить вон туда... Симпатичная получается машинка, не так ли? — махнул он рукой на разложенные вокруг части, и когда я молча сдвинулся, в его глазах засветилась гордость. — Я создал ее сам, Холлмейер... я и еще десятков помощников. Это заняло целый год. И могу вам сказать, работа получилась высшего класса. Она поможет мне продвинуться по службе.

— Слышал я о вашей корпорации, — огрызнулся я в ответ, прищипывая на место преобразователь регистра индукционного поля.

Старр удивленно взглянул на меня, затем пожал плечами, усмехнулся и вернулся к работе с таким видом, словно я был капризным ребенком.

Я СИДЕЛ в рубке управления с Уиллом Карристом, когда, улетев на десять миллиардов километров от Солнца, мы стали приближаться, наконец, к десятой планете. Волнительно было увидеть, как из завеса звездного света навстречу нам выплывает серая точка. Ни Каррист, ни я никогда еще не были так далеко от Солнца. Было в этом нечто неопределенно одинокое. Мы чувствовали себя так, словно ни Земли, ни Солнца уже не существовало, будто они навсегда канули в вечный мрак. И все же перед нами была тайна, тайна древней расы, ведущей древнюю борьбу под тенью умирающего центрального светила.

— Я на стороне лахри, — проворчал вдруг Уилл. — Я ничего не знаю о них, слышал только, будто бы они ограбили несколько грузовозов, стащив не только растения, содержащие витамин Y, но и продукты, одежду и прочие товары. Старр ведь против них, не так ли, Сид? Ну, а я ненавижу Старра до судороги в кишках, поэтому готов дать лахри презумпцию невиновности. — Говоря, он смотрел, как на переднем экране постепенно растет таинственная планета. — А что это за машина, Сид? Почему Старр ничего не говорит нам о ней?

— Я думаю, — мрачно ответил я, — скоро мы это узнаем.

Планета выросла в шар примерно четырех тысяч километров в диаметре. С помощью фотоувеличителя я рассматривал скалистую, неприветливую местность под нами, низины которой были засыпаны десятками метров снега. Планета выглядела такой мрачной, что было трудно поверить, будто бы в недрах ее кипит жизнь.

В рубку ворвался Кори Старр, гудя себе под нос и уставившись на маленькую карманную карту. Затем он бросился к пульта управления, потеснив Уилла, положил карту на пульт и ткнул острием карандаша в какую-то точку на ней.

— Вот! Каррист, здесь вы найдете большую дыру в коре планеты. Надеюсь, вы сможете провести через нее корабль?

Уилл тут же вышел из себя.

— А как вы думаете, — заорал он в ответ, — дали бы мне звание мастер-пилота, если бы я не смог ввести корабль в дыру с десятисантиметровым зазором? Сейчас я покажу вам, как это делается!

Старр нахально усмехнулся в ответ и похлопал Уилла по спине.

— Тогда вперед, — скомандовал он. — Я и на минуту не сомневался в ваших талантах.

Уилл мстительно совершил один оборот вокруг планеты. Под нами промелькнула темная дыра, уходящая вниз, дыра, окаймленная вулканическими утесами. Когда круг был завершен, Уилл развернул нос корабля строго вверх, в небо, и, носом перпендикулярно к планете, бросил корабль прямо в дыру.

Я искоса глянул на Старра и подавил ухмылку. Старр сидел мраморно-белый, широко раскрыв глаза. Схватившись за край пульта, он с ужасом глядел на дыру, которая летела прямо вверх и все росла, словно темная пасть, открывавшаяся, чтобы поглотить нас.

Затем, внезапно, загрохотали двигатели нашего корабля, эхом отозвавшись со всех сторон туннеля. Вспыхнул свет, когда Каррист включил поисковые прожектора. И прямо перед нами возникла базальтовая стена.

— Каррист!.. — ошеломленно прошептал я.

Но его пальцы уже бешено плясали по клавиатуре пульта. Корабль уклонился в одну сторону, затем в другую. Затем, в следующие пять минут, я испытал несколько самых ужасных моментов в своей жизни. Туннель, ведущий с внешней стороны планеты во внутреннюю, был извилистым, узким и никак не приспособленным для полетов с такой скоростью. Но внезапно все кончилось, и мы вырвались во внутреннюю полость, сразу поняв об этом по исчезновению эхо от двигателей. Каррист выключил прожектора и счастливо улыбнулся самому себе. Затем бросил презрительный взгляд на Старра, лицо которого блестело от пота.

Но Старр с готовностью признал свой промах.

— Да, вы оправдали вашу лицензию пилота экстра-класса, — выдохнул он, затем медленно вытер пот со лба и начал проворачивать изображение на экране, пока не увидел центральное светило.

Мы все смотрели на него, затаив дыхание. Даже при беглом осмотре оно говорило о том, что гаснет, гибнет, посылая во все стороны все более слабеющие лучи света. И наш корабль мчался прямо к нему. Теперь мы уже видели светило, как тусклый серый диск, висящий в мертвом, безоблачном небе. Снаружи доносились стоны холодного, жалобного ветра, стоны, звучащие, как соединенные голоса всех лахри. И мне показалось жестоким, когда голос Старра прервал эту погребальную песню.

— Бесполезный ошметок атомной машинерии это светило, — напряженно сказал он. — Хотя это и не механизм. Оно создано из того же вещества, из которого состоит настоящее Солнце. Создано миллионы лет назад предками лахри, еще до того, как возникло Человечество. Я многое бы отдал, чтобы узнать, как они это соорудили. Но теперь светило практически мертво... И я думаю, окончательно погасить его будет плевым делом.

Эти слова бомбой взорвались у меня в голове. Я резко повернулся к Старру одновременно с Карристом.

— Сделать что? — прошипел я.

СТАРР СПОКОЙНО оторвал взгляд от тусклого подземного светила и повернулся к нам. С его лицом, казалось, произошли кардинальные изменения. Оно стало холодным, угловатым и жестоким. Вся насмешливость и даже лицемерность исчезла.

— Теперь, когда мы прилетели, я понимаю, что должен все объяснить, — сказал он, пронзая нас беспощадными глазами. — Во-первых, я хочу предостеречь вас от жизни в придуманном вами мире — мире, в котором вам, очевидно, так хочется поразвлечься. Вы знаете историю лахри и, тем не менее, собираетесь торговаться с ними. Ну, что ж...

Меня наполнил такой ужас, что кровь отхлынула от лица.

— Минутку, — рявкнул я. — Мы прилетели сюда для переговоров с лахри. Приказы, которые отдал мне мой начальник...

— Уж эти приказы вашего начальника, — скрипуче рассмеялся Старр, достал сигарету и вставил ее между белыми, острыми зубами. — Ваш начальник, Холлмейер, полный простофиля, которому не дали всю информацию. Мне же дали приказы, которые отменяют любые его распоряжения, теперь я — ваш начальник. — Он дернул губами — частички табака ссыпались с его сигареты, — и ткнул в нас пальцем. — Послушайте вы, оба, очнитесь! Нет никакого решения

этой проблемы, кроме одного. Моего решения. Кто такие лахри? Остатки древней расы, расы, вымирающей, как их гаснущее светило. Им нужен витамин У в таких количествах, в которых мы просто не сможем им предоставить. Он нужен им настолько, что они начали грабить наши корабли и лишили Человечество возможности колонизовать внешние планеты. Каким же образом, Холлмейер, вы собираетесь уладить эту проблему одними переговорами?

Я постарался сдержать свой растуший гнев.

— Предложив им для жизни планету вблизи от Солнца.

— И сделав из них иждивенцев всей Солнечной системы? — глумливо усмехнулся Старр. — Не будьте таким дураком! Нет, есть только одно решение. Вы что, думаете, что оборудование, которое мы тут собирали, детские игрушки? Но вы же ученый и должны разбираться в подобном.

— Естественно, — процедил я сквозь зубы. — Это оборудование проектирует мощную вибрацию, заставляющую электроны перескакивать на дальние от протона уровни.

Он выдохнул дым и спокойно сказал:

— Так оно и есть. И подумайте, что будет с умирающим центральным светилом, если на него направить луч машины? Атомные реакции внутри светила вызваны давлением. Электроны настолько прижаты к протонам, что превращаются в свет и тепло. А потом мой луч прикасается к этим атомам, электроны тут же перескакивают на дальние орбиты, и светило гаснет навсегда. — В глазах его засветилось удовлетворение. — Это хитрый принцип. Я сам открыл его.

— Очень умно, — прошептал я, стараясь, чтобы он не заметил мои стиснутые кулаки. — И каков будет ваш приказ теперь?

— Пусть корабль движется и дальше прежним курсом. Мы подойдем достаточно близко к светилу, и «польем» его моим лучом.

Уилл взглянул на меня. А я на него. Между нами пролетел беззвучный сигнал. И мы бросились одновременно.

Старр не побоялся драки даже с двумя одновременно. Рубка заполнилась рычанием и ругательствами. Уилл отлетел к переборке с разбитым в кровь лицом. Второй кулак Старра ринулся ко мне, а за ним виднелось его перекошенное яростью лицо. Я ударил ему навстречу от бедра, вложив в удар весь вес своего тела. Кори Старр отлетел назад и, еще падая на пол, его лицо уже расслабилось, а глаза закатились.

Задышавшись, я повернулся к Уиллу.

— Как ты? — прохрипел он.

— Мы сделали его, — проворчал я в ответ. — Поворачивай корабль и посади его неподалеку от города лахри.

Я старался держать себя в руках, но весь гнев и раздражение, копившееся в течение месяца, стремились вырваться наружу. Всякий раз, когда я глядел на Кори Старра, приходилось вновь подавлять очередной приступ гнева. Он сознательно хотел убить целую расу разумных существ. Он гордился тем, что изобрел оружие, способное выполнить эту всеобщую резню. Для меня это было уж слишком. Пришлось даже сбегать в туалет и там проблеваться.

Когда я снова спустился в рубку, то почувствовал, что корабль остановился. Глянув на экран, я сначала не заметил ничего, кроме серости, которая была следствием слабого освещения. Затем туман, очевидно, частично рассеялся, и я увидел, как вокруг мрачно, точно надгробные камни, поднимались серые здания. Их было сотни, стоявших близко друг от друга, они были разных форм и размеров, и эффект надгробных камней усиливало то, что все здания кренились под разными углами к холодной, волнистой поверхности. И словно привидения, между ними медленно плыли по городу облачка тумана, иногда приближаясь к открытым дверным проемам, затем останавливаясь и вдруг бросаясь прочь, точно живые существа.

ГОРОД БЫЛ огромен. Должно быть, он простирался на много километров во все стороны. Но я чувствовал сердцем, что большая часть этих зданий пустует, что лишь в немногих из них живут остатки людей. Восхищение этим странным, безнадежным местом заставило меня осматриваться несколько нескончаемых минут. Я чувствовал покров страха, слышал медленные шаги смерти, ковыляющие по разбитым улицам — ощущая те же эмоции, что испытывали, наверное, все лахри. Невыразимая, сжимающая сердце печаль охватила меня и, наконец, я повернулся к Карристу и указал рукой в одно из зданий на экране.

Покорно, но с любопытством, он достал два скафандра. Мы оделись. Я запер внутреннюю дверь воздушного шлюза, оставив лежащего Кори Старра, который пробудет в нокауте еще не меньше часа, и открыл внешний люк.

Выдвинуть лесенку? Да зачем? Мы шагнули прямо из люка и около минуты плыли в воздухе, глядя на этот город из надгробных камней, к которому приближались, прежде чем осознали, что происходит.

— Сид! — воскликнул Каррист. — Мы не падаем! Мы же должны были спрыгнуть вон туда! — и он указал на землю, лежащую в полуметре под нами, лицо его исказил какой-то сверхъестественный страх.

Конечно, я должен был это сразу же понять. Каррист превосходный математик, но вот с воображением у него туго. А мне нужно

было бы сразу же сообразить. И я объяснил ему, взмахнув руками так, что перевернулся и поплыл в воздухе вниз головой.

Здесь не было силы тяжести! Я же знал это еще до того, как мы прилетели сюда! Если планета полая, то внутри нее не может быть никакого тяготения. Это и я объяснил Карристу.

Но его не успокоили мои слова.

— Как же мы спустимся? — закричал он. — И как будем передвигаться? Сид, мы летим напрямиком на ту надгробную плиту!

Так оно и было, и я снова содрогнулся. Это здание действительно походило на надгробную плиту, поставленную косо под углом в тридцать градусов и возвышающуюся на все пятьдесят метров, с многочисленными, какими-то искривленными окнами и дверями, глядящими вниз на землю. Здание было явно заброшено, о чем свидетельствовали худые, скелетообразные деревья, которые оплели ветвями все здание, словно скелеты, обхватившие руками свою надгробную плиту. Это сравнение было слишком жутким, и я опять содрогнулся.

Каррист был на самом деле напуган. Но я ничем не мог ему помочь. Наконец, он последовал моему примеру, долетел до ближайшего дерева и стал спускаться по нему к земле. Наконец, когда до земли осталось полметра, мы увидели все в правильной перспективе.

Каррист повис на ветке, боясь, что малейшее движение вновь вознесет его в воздух. Затем он повернулся ко мне.

— И что проку от этого? Зачем мы вообще ушли с корабля? Мы оставили Кори Старра без присмотра вместе с его излучателем. Как только он очнется, то включит его, направит на светило, и мы умрем вместе с лахри! Почему мы не разбили этот чертов излучатель?

— Мы уже влипли достаточно глубоко, так что не стоит все ухудшать, — мрачно сказал я ему. — Технически, мы взбунтовались, а нет худшего преступления. Если бы мы просто уничтожили излучатель, то могли бы сами пойти в Совет Десяти.

— Ты думаешь, за всем этим стоит Совет Десяти? — воскликнул Каррист.

— Кто же еще? Они держат в своих руках всю власть в Системе. Через них проходят все законы и решения. Разумеется, зачинщиками является корпорация «Сады Меркурия». Они поняли, что их компания терпит убытки. А это для них неприемлемо. И они предложили Совету Десяти, что сами позаботятся о лахри. Совет, разумеется, понял, что ситуация сложная, поэтому попросту умыл руки и предоставил корпорации свободу решить дело так, как они хотят. Так и возник Старр, работающий над этим проклятым излучателем.

Каррист оторвал взгляд от мрачного города.

— Но что, если Старр включит излучатель. Мы сами ведь тоже замерзнем.

— Он не включит его, — мрачно ответил я. — Хотя бы потому, что я сомневаюсь, найдется ли во всей Системе хоть десяток пилотов, способных вывести космический корабль через этот туннель, не разбив его о стены. Понятно? Ты — козырь в этой игре, Каррист, и Старр пальцем не шевельнет, пока не сможет снова командовать тобой. Попомни мои слова. Так что держись поближе ко мне, что бы ты ни делал!

Каррист ощутимо вздрогнул.

— Значит, я — козырь? — переспросил он и с сомнением покачал головой, но когда я направился дальше в каменные джунгли, он поспешно последовал за мной.

ВОКРУГ ВСЕ было спокойно, так что мы могли просто лететь над землей. Станный был этот город, словно пронизанный длинными пальцами тумана, летающего вокруг почти что целеустремленно, обвитый лозами и ветвями скрученных деревьев, с молчаливыми, покосившимися зданиями — все вокруг навевало мысли о кладбище, причем о кладбище, утонувшем в море, и здания были, как могильные камни, отмечающие похороненные мечты и надежды.

И в городских предместьях мы нашли то, что искали — «Бюро переноса сознания», построенного, согласно межпланетному закону, тут, как и на всех других населенных планетах. Мы полетели к высокому, куполообразному строению, разочарованные, что до сих пор не встретили ни одного местного жителя. Я был впереди, заставив себя чисто волевым усилием войти в его призрачное нутро. Высокий купол возвышался над нами, как единственная глубокая басовая струна, становящаяся все громче и громче. Наконец, мы остановились почти в полной темноте перед длинной стойкой. С купола свисала единственная старая веревка.

Я взглянул на Карриста. Лицо у него было слегка зеленоватого оттенка. Он схватил веревку и с приглушенным стоном потянул ее. Возникло такое ощущение, будто над нами распахнулись Небеса, когда по всему городу пронесся чистый колокольный звон. Это был сладостный звук, почти столь же сладостный, как и труба Гавриила, заставляющая мертвых восстать из могил. Каррист с искаженным лицом отступил на шаг. А колокол продолжал звонить, и мы почувствовали себя проклятыми грешниками, слишком рано потревожившими мертвых.

— Останови же этот звон! — яростно выкрикнул я и в бешенстве схватил веревку.

Но колокол лишь на долю секунды замолчал, затем зазвонил снова, и нам захотелось убежать и где-нибудь спрятаться.

Мы даже не сразу заметили, что внезапно откуда-то сверху полился полуденный свет. А когда заметили, то окаменели и медленно повернулись. Свет лился с балкона, из беззвучно открывавшихся дверей. И в дверном проеме возникли контуры какой-то фигуры в длинном черном балахоне с капюшоном. Мы не видели ее лица, только два светящихся, фосфоресцирующих глаза взирали на нас из-под капюшона.

Каррист невольно шагнул поближе ко мне. Я чувствовал, как дрожит его тело в скафандре.

Я понял, что должен что-то сказать, открыл губы раз, другой, и лишь на третий мне удалось прошептать:

– Мы пришли...

– Да, мы пришли! – хрипло, почти истерично перебил меня Каррист. – И нам нужны тела!

Говорил он на универсальном языке.

Фигура ведьмы в капюшоне продолжала пялиться на нас.

Внезапно она повернула голову к кому-то, находящемуся в освещенной комнате позади нее.

– Внизу два представителя расы грабителей, – прохрипела она.

И чистый, бесполой голос ответил ей:

– Раса грабителей, раса грабителей, пожирающая миры, они сами приближают свою погибель, выпихивая других с исконных их мест...

Фигура в капюшоне взорвалась мерзким, тонким хихиканьем, затем повторила:

– Внизу стоят два представителя расы грабителей.

И в ответ раздался крик, похожий на крик попугая, от которого наша кровь застыла в жилах:

– Так дайте им тела!

Ведьма тут же закрыла дверь, отрубив яркий свет, и шагнула с балкона.

Она – а мы как-то чувствовали, что это женщина – пролетела по помещению и ухватила за веревку колокола. Удивительно, но колокол тут же перестал звучать. Ведьма ловко спустилась по веревке и оказалась за стойкой.

Да, она действительно была ведьмой! Длинный, крючковатый нос, гнилые зубы, глаза, горящие каким-то зловещим внутренним огнем. Я даже вспомнил детский стишок про Матушку-гусыню.

Злые глаза смотрели на нас искоса. Затем тонкие губы раскрылись, и из них полился на нас поток грязных ругательств.

— Да пусть ваши дети умрут в лонах их матерей! Да пусть погаснет ваше Солнце! — закончила она с исключительной вспышкой гнева.

Я уставился в ее горящие глаза и, когда она замолчала, с трудом заговорил.

— А теперь, сестра, — хрипло сказал я, — когда ты закончила говорить традиционные гадости, может, приступим к делу? Нам нужны хорошие, нормальные тела. У вас вообще есть здесь что-нибудь нормальное?

Казалось, она собиралась броситься на меня и вцепиться когтями мне в лицо. Но вместо этого бросила перед нами на прилавок клавиатуру. Мы с Карристом поспешно набили на ней свои имена, место рождения, кое-что из биографий. Затем указали, какое количество ума, инстинктов и памяти мы можем себе позволить, чтобы не дать новым телам захватить власть над нашими сознаниями. Другими словами — рутина.

— И мы спешим, — добавил я вслух, с тревогой вспомнив о Кори Старре.

К этому времени он должен уже очнуться. И что он будет делать? Примется за выполнение своего первоначального плана, в то время как мы будем продолжать выполнять наш? Это была ужасная мысль. Я только на миг представил себе, как здешнее светило внезапно гаснет и весь этот мир погружается в темноту и космический холод! Но Старр не может сделать этого без Карриста! И вообще, не самоубийца же он!

Глаза ведьмы нехорошо блеснули.

— Спешите, — прошипела она. — Раса грабителей вечно спешит. И когда-нибудь ей придется поспешить, чтобы угнаться за самой собой.

Произнеся эту довольно-таки бессмысленную фразу, она пронеслась по помещению, точно пуля. Встревоженные, мы с Карристом помчались за ней. Она вплыла в дверь, злонамеренно захлопнув ее за собой. Правда, и я, и Каррист ухитрились не поломать себе кости, но разразились грязными ругательствами.

Мы все еще шипели проклятия, когда, наконец, нагнали ее, но окружение нас отрезвило. Аппаратура для переноса сознания! Она окружила нас мрачными массивами, и как всегда, я почувствовал, что душа уходит в пятки. Каррист, похоже, испытывал то же самое.

Ведьма поманила меня костлявой рукой. В комнате горела лишь одна тусклая лампочка, и я видел только ее глаза. Поймав взгляд Карриста, я почувствовал себя увереннее, и небрежно пошел к ведьме. Но когда я уселся на стул самого зловещего вида, ноги у меня дрожали.

Ведьма рывками привязала мне руки к подлокотникам. Затем отвинтила и сняла шлем, и пока перед глазами у меня все плыло от резкого изменения давления, приблизила свое уродливое лицо к моему.

— Ты должен заботиться о теле, — проворчала она. — Таков закон! Ахх! Вся твоя раса погибнет и Солнце погаснет, если хоть единственная царапинка появится на теле дитя, когда ты освободишь его!

НА ТЕЛЕ дитя?! — чуть было не вскрикнул я, но у меня перехватило горло, поскольку увидел, как в дверь втекают две неясные фигурки. Было слишком темно, чтобы подробно рассмотреть их, но это явно были дети! Дети не старше десяти лет! Я было завопил и краем глаза увидел, как Каррист бросился ко мне, но затем мне в ноздри ударила волна газа, и ум мой словно поразил паралич. Я был в каком-то подвешенном состоянии, поскольку видел и слышал, как мое сознание, инстинкт, память и все прочее перетекают в мозг ребенка, которого старая ведьма привязала к стулу напротив меня, текут по проводам, чтобы собраться в исходное состояние в чужом мозге.

Я слышал, как Каррист отчаянно спорил со старой ведьмой.

— Нам нужны взрослые тела — орал он. — Поняла ты, старая ведьма?!

Она кричала в ответ на него, и по ее тону я понял, что она безмерно удивлена. Наконец, Каррист, должно быть, понял безнадежность положения, поскольку затих, как двигатель на холостом ходу, и лишь вполголоса на что-то жаловался.

Но он все же выиграл спор, поскольку пятнадцать минут спустя я стоял возле его нового тела. Он был взрослым, высотой около полутора метров, а я мальчишкой, едва ли достигающим девяти сантиметров.

Но я был собой. Я выругал Карриста. Он стоял со смущенной, жалкой физиономией. И все это время старая ведьма кудыхтала и мерзко хихикала. Наконец, ей все это надоело.

— Вы не указали нужный вам возраст, — прокудахтала она. — Так почему бы вам не получить тело ребенка? Вся ваша раса — еще дитя, в то время как наша — древняя, возможно, древнее, чем сами планеты! Как знать? Кстати, вы еще не отдали мне мои деньги!

Пока Каррист обыскивал мое старое, бессознательное тело, я стоял, трясясь от злости. Он заплатил старой ведьме две тысячи универов, затем перенес наши тела на полки, тщательно отрегулировал в футлярах влажность и давление, а я путался под ногами

и вопил на него, торопя. Наконец, мы вышли из здания, и я снова выплеснул на него свою ярость.

— Ну и помощничек из тебя! — Вопил я тоненьким голоском. — Ну, как, хорош я в этом теле? У здешнего народа поганое чувство юмора. Они будут хохотать надо мной. А я не могу позволить вести переговоры тебе!

Каррист только корчился и ежился.

— Она уже начала копировать тебя, — пытался оправдываться он. — Не мог же я прервать процесс на середине. Я ничего не мог сделать.

Я продолжал ворчать и ругаться, хотя понимал, что он прав. Нас одурачили, причем одурачили весьма ловко. Затем, заранее страшась, что могу найти, я начал исследовать разум этого юного тела. Это был детский разум, молодой, неопытный, не знакомый с городом. Я снова выругался. И вдруг почувствовал, как что-то начало расти в этом разуме, какая-то безмолвная, бессознательная тоска, повелевающая смотреть на Солнце. Я поднял взгляд и дал телу полную волю. И в голове у меня зазвучала молитва, жалобный, стонущий крик, в котором были собраны все потерянные надежды. Сначала я проговаривал ее мысленно, но вскоре понял, что говорю вслух:

— О, Солнце, созданное Древними людьми, более древними, чем планета, внутри которой находится твой свет, ты освещаешь путь лахри и ты даешь лахри жизнь! Но нам становится холодно, это старость, от коей нет избавлений. Великая Мать сидит на троне в этом холоде, и нет уже теплоты в ее благословении. Солнце, пролей же на нее твои благотворные лучи, раз наши вопли не могут согреть ее, как не могут согреть и нас самих! О, Солнце, некогда созданное Древними...

Это была молитва, заученная наизусть. Я парил в воздухе, воздев вверх руки, и мой собственный разум наблюдал за происходящим. Призрачные обрывки тумана омывали мое тело. Мои стенания улетали в городское безмолвие. Внезапно я почувствовал, что это для меня уж слишком. Слишком много ужаса, слишком много стенаний и боли. Я изо всех сил попытался вернуть управление телом, но, боюсь, у меня ничего бы не вышло, если бы не Каррист.

— Сид! — завопил он мне в самое ухо, схватил меня и затряс, словно безумный. — Сид! Ты отдал ему управление! Так нельзя! Нам надо закончить свои дела. Нужно найти здешних правителей. И в первую очередь, как ты знаешь, Кори Старр...

Это имя оказалось тем рычагом, который забросил мой собственный разум на вершину и дал ему рычаги управления телом.

Я вздрогнул, покачал головой и взмахнул древовидной рукой, чтобы спуститься вниз. Затем повернул бледное лицо к Уиллу Кар-

ристу — точнее, низенькому, приземистому, высохшему аборигену на кривых ножках, в котором находилось сознание Карриста.

— Ты слышал эту молитву, Уилл? — прошептал я. — Она выплыла из разума этого ребенка. Это было подлинное горе и подлинное страдания, ребенок действительно чувствовал окружающий холод, надвигающуюся мглу...

Но Уилл лишь уставился на меня, и я понял, что он ничего такого не знает. Да и не мог он знать тот ужас, когда Солнце перестало быть богом, когда бог покинул свой народ... Он еще не рассматривал полученные вместе с телом сведения, инстинкты и память, да я и не хотел бы, чтобы он это сделал

Я вновь повернулся и глянул на притихший город.

— Уилл, — прошептал я, — мы должны найти их Великую Мать!

МЫ ЛЕТЕЛИ по городу. Тело, в котором находился Уилл, было телом взрослой особи, поэтому двигался он быстрее, а я отставал все больше, пока, наконец, совсем не запыхался. Тогда я заорал ругательства. Уилл вернулся ко мне.

— Я мог бы нести тебя, — простодушно предложил он.

Я бросил на него испепеляющий взгляд и двинулся дальше. Но в сознании внезапно всплыла фраза, еще больше разозлившая меня: «И только дитя поведет...»

Я натянул короткое, странно сплетенное то ли пальто, то ли накидку на подбородок и заставил себя двигаться дальше. Чем глубже мы проникали в город, тем сильнее сгушался вокруг смертоносный мрак. Здания безумно клонились и кренились над нами. И лишь когда мы почувствовали, что совершенно потерялись, мы увидели туземцев.

Это было подобно шоку. Множество фигур полетело, кружась, как сорванные листья, из верхних окон одного из зданий. И все они были детьми. Он взорвались взволнованными криками при виде меня, и полетели еще быстрее. Через секунду я уже был в такой толчее, какую никогда еще не видывал. Радостные детские крики разрывали мне барабанные перепонки. Неожиданно я зло завизжал и отшвырнул своих игривых нападающих. Те разлетелись от меня, точно облачка, и умело ухватились за деревья и высокие сорняки, чтобы не позволить себе «упасть» в небо.

И все с нарастающим ужасом уставились мне прямо в глаза.

— Это не он! — закричал внезапно один из них. — Это не он!

Остальные тоже испуганно закричали, висая на деревьях, точно неспелые яблоки. Я же испугался не меньше их, внутри у меня аж свело судорогой от ужаса.

«Я — это она! — завопил у меня в голове мысленный голосок. — Я — дитя Великой Матери!»

Я повернулся к Карристу. Его странная кожа позеленела от страха и стала какой-то липкой на вид.

— Сид, — умоляюще прошептал он, — это настоящий кошмар! Все эти люди сумасшедшие! Ты же слышал старую ведьму, не так ли? И слышал чей-то другой голос! Все они тут безумны, все до последнего ребенка!

Но я не слушал его. Я прислушивался к голоску у меня в голове: «Почему эти люди смотрят на нас? Почему они смотрят?»

И внезапно я услышал слабый шелест листьев, шепотки, доносившиеся из окружающих зданий. Я быстро осмотрелся. Мои светящиеся глаза увидели чужие светящиеся глаза, уставившиеся из темных окон. Но когда я глядел на них, они тут же исчезали.

Уилл проследил за моим взглядом.

— За нами наблюдают, — хрипло прошептал он.

— Уилл, отведи меня в Башню Тысячи Шагов, — сказал я, едва шевеля губами.

Уилл бросил на меня такой взгляд, будто я тоже спятил.

— Башня Тысячи Шагов? Но я и понятия не имею...

— Спокойно, — сказал я. — Ты знаешь, где она. Это знает разум твоего тела. Я ребенок, и опыт у меня детский. Ты же взрослый. Поэтому ты должен привести меня к Башне.

На лице у него появилось такое выражение, будто он разрывался между страхом и желанием повиноваться моей команде. Затем он протонал.

— Сид, я не могу, — прошептал он. — Я просто боюсь погрузиться в этот безумный разум...

Я прервал его взмахом крошечной руки, затем подлетел к V-образному строению, образованному двумя облокотившимися друг на друга высокими зданиями. Там я резко остановился, обхватив своими ручками маленькое, изогнутое деревце. Передо мной стоял лахри со светящимися глазами, преграждая мне путь. Я повернул в другом направлении, с Уиллом, тащившимся у меня по пятам и что-то беспомощно бормотавшим. Но и тут дорогу мне преградил другой лахри.

Мы повернули туда, откуда прибыли.

Довольно долго мы летели вперед, чувствуя себя призраками в каком-то сне. Мимо проплывали дома, стоявшие вроде бы прочно, но покосившиеся куда сильнее знаменитой Пизанской башни. Даже без подсказки тела я понял, что это были хранилища, до краев загруженные меркурианскими растениями, содержащими витамин Y, и иным продовольствием, украденным с кораблей.

А на площади посреди города мы увидели корабль последней модели, стоящий на опорах в конце длинной взлетно-посадочной полосы. Уилл со свистом выдохнул сквозь зубы, когда его взгляд скользнул по длинным, плавным обводам.

— Пиратский корабль! — прошептал он.

Я кивнул. Да, это был пиратский корабль.

Мы повернули влево, и опять нам блокировали дорогу. Но теперь я понял, что происходит. Лахри вынуждали нас куда-то идти, вот только куда?.. Мне вдруг показалось, что я уже знаю ответ. Мы продолжали лететь.

И вдруг заиграла музыка. Насмешливая музыка, коварный бой барабанов, сквозь который голосами эльфов прорывалось звучание флейт. Музыка наполнила мне голову, проникла в сознание и ввела меня в какое-то полугипнотическое состояние. Она лилась отовсюду, становясь то громче, то печально умирая, чтобы тут же воскреснуть. Я летел вперед, словно во сне. Я забыл о Карристе. Забыл, что внезапно его больше не оказалось со мной. Я смутно помнил, что слышал его оборванный вскрик, звуки ударов и, в конце, умирающий стон. А затем тишина. Я забыл это, как забыл, что Каррист был нужен Старру.

Я ПОЧТИ ничего не соображал, меня смутно, словно во сне, окружила толпа парящих лахри, она становилась все больше, лахри вылетали из зияющих проемов дверей и окон. Я был полулахри, полуземлянином, и летел к Башне Тысячи Шагов, Местом, где обретала Великая Мать, моя родительница, та, в которой текла кровь Древней расы и огонь Бога Солнца, постепенно умирающий.

Затем безумно кренившиеся здания начали расступаться, открывая большую площадь. Музыка становилась все громче. А я начал парить, поднимаясь вверх вдоль наклонной стороны огромной пирамиды, вершина которой терялась в наползающем, живом тумане. Я чувствовал в себе безмолвную тоску ребенка по своей матери, ребенка, который находился в невыразимом и непонятном ему самому ужасе.

Теперь я видел, что вокруг пирамиды собралась большая толпа лахри, держащаяся друг за друга, а передние схватились за перила, идущие вокруг основания пирамиды. И находясь, таким образом, буквально друг на друге, лахри походили на единую стаю птиц, парящих на холодном ветру.

Путь передо мной был свободен. Я поднимался наверх пирамиды, придерживаясь за направляющие перила. Медленно, очень медленно приближался я к вершине в полном одиночестве. И чем выше я поднимался, тем холоднее становился воздух. Ветер сте-

гал меня, мороз кусал сквозь плетеную хламиду, что была на мне. Солнце появилось, когда я поднялся выше слоев влажного тумана, лежащих на городе. Оно висело на мертвом небе, просто круг, едва ли живее своего фона.

Все еще звучал коварный бой барабанов, музыкальный дурман, от которого путались мысли и спирало дыхание. И внезапно с вершины Башни Тысячи Шагов со мной заговорил сладостный и одновременно невыразимо печальный голос:

— Ну, что, дитя мое в оскверненном теле, здесь дуют холодные ветры, стареет Великий Бог, и я молось Великому Богу, чтобы нагрел он остывающий дерн, но ты, прибывший из ужасно развращенного мира, что делаешь ты в моем ребенке?

Я начал искать ответ, и внезапно яркий свет взорвался в моей голове, очищая мысли. Я вспомнил, кто я такой. Я Сидни Холлмейер. У меня есть свои мысли, своя личность, и своя миссия в этом умирающем мире. Но одновременно я был дитем Великой Матери, Той, что сидит на троне в Башне Тысячи Шагов. И она была прекрасна, как для взора ее ребенка, так и для меня.

Прекрасна? Она была лахри, совершенно нагая, с кривыми, иссохшими ногами и руками. Она была низенькой, приземистой, лысой, с непропорционально широким ртом. Но были еще и ее глаза, красота которых распространялась по всему остальному телу, придавая ему божественное, эфирное очарование. У меня мучительно застучало сердце, когда я увидел страдание на ее лице, посиневшем от холода, который несли ей морозные ветры. Поскольку здесь было воистину холодно, а она сидела нагая, вознося в уме молитву Богу Солнца, моля его согреть ее тело, но если он не станет ее согревать, то она примет и эту волю божью.

Она смотрела на меня светящимися глазами, и в огорченной их глубине крылось понимание, понимание меня, Сидни Холлмейера,

А у ног ее, закутавшись в теплые одежды так, что открытым оставалось лишь его лицо, сидел маленький, почти незаметный человечек, фосфоресцирующие глаза которого горели самой порочной, ядовитой ненавистью, какую я когда-либо видел! Я смотрел на него и чувствовал, как в разуме ребенка, тело которого я занимал, поднимается отвращение и страх. И я чувствовал что-то еще, глядя в горящие ненавистью глаза. Это было странно, это было невозможно! Но эта мысль появилась в глубинах моего сознания и росла, пробиваясь на поверхность. Я весь задрожал и внезапно выкрикнул:

— Старр!

Одновременно мне захотелось закричать, что это невозможно. Что тот Старр никак не мог находиться в пирамиде, у трона Вели-

кой Матери. Но внезапно я с уверенностью понял, что это он. Еще бы теперь понять, как и зачем здесь я сам? И Уилл! Внезапно я осознал, что Уилла нет рядом со мной, вспомнил звуки борьбы. Это сделал Старр. Уилл был необходим для воплощения его плана. Без Уилла он не сможет покинуть эту планету, возможно, он вообще не умеет управлять кораблем. Но если он захватил Уилла, тогда зачем?..

Старр, находившийся в теле старика, искоса глянул на меня.

– Да, я Старр, – прошептал его хриплый голос, в то время как глаза сверкали недоброжелательностью, которая, казалось, не была обращена ни к кому лично, а ко всему окружающему миру разом. – Вы свалили дурака, Холлмейер, когда ушли и оставили меня одного. Теперь мы оба в затруднительном положении, из которого некуда деться. Ждите и наблюдайте.

– Но... Но как... – выдохнул я, совершенно забыв о Великой Матери.

И Старр ответил мне с горечью, уже по-английски:

– Я рассказал ей, кто вы такой, Холлмейер.

– Кто я такой?

– Естественно. Я сказал ей, что вы прилетели разведать, что тут к чему, а что за вами придут толпы представителей «расы грабителей», чтобы очистить здешние продуктовые склады. Я сказал, что вы лично собираетесь найти и схватить лахри, которые занимались ограблением кораблей. О, я описал вас в самых черных тонах. И пообещал ей, что я избавлю ее от вас обоих.

– Старр... – начал было я, едва сдерживаясь.

– О, не сердитесь, Холлмейер! – перебил он меня, кривя в ушмешке рот. – Я бултыхаюсь в том же рассоле. Мне нужно было проследить за вами вместо того, чтобы идти к ней и слушать ее проклятую поэтическую болтовню. Она сказала, что будет судить вас в Башне Тысячи Шагов, но здесь, в Башне, дозволено появляться только королевским телам, и я вынужден был войти в королевское тело, – Старр усмехнулся еще горше. – Вот в это тело. – И он конвульсивно содрогнулся от отвращения.

Я БРОСИЛ один-единственный взгляд на Великую Мать. И волна жалости прокатилась во мне. Велика была ее вера в Бога Солнца, но она не могла уже сдерживать дрожь, пронизывающую ее тело. Она замерзала. Еще немного, и пронзительные ветра превратят ее в сосульку. Я почувствовал горькую ненависть к Старру, по самую макушку закутанную в одежды.

Великая Мать не прерывала наш разговор, но ее огромные, прекрасные глаза беспомощно смотрели то на одного из нас, то на другого, словно пытаясь понять, о чем мы говорим.

Снова сквозь завывание ледяного ветра, бой далеких уже барабанов и звуки крошечных флейт прорвался голос Старра.

— Я, — заявил он, бросив полный отвращения взгляд на Великую Мать, — являюсь ее мужем! Можете только представить это? Но так должно быть, а старый дурак казался довольным, когда я прямо сказал ему, что вовсе не жажду занимать его грязное тело. Он кудахтал от удовольствия прямо мне в лицо, забавляясь. Я возражал Великой Матери, — кем бы она не являлась на самом деле, — что мне всего лишь нужен Уилл Каррист, а вы пусть останетесь с ней. Она ответила, что ее люди схватят Карриста и поместят его в надежное место, но, тем не менее, она хотела, чтобы я появился в Башне Тысячи Шагов в качестве свидетеля. Она также хотела послушать и вас.

Старр при этом напрягся так, что из его фосфоресцирующих глаз буквально посыпались искры.

— Но если вы скажете ей хоть слово о моем излучателе... — неистово начал он.

— Я скажу, что захочу, — огрызнулся я. — Вы старик, Старр, древняя развалина, а я полный сил ребенок. И я думаю, что в рукопашной схватке сделаю вас.

Затем я повернулся к Великой Матери и заговорил с Ней на языке лахри, заговорил нежно и уважительно, как и надлежало ребенку разговаривать с матерью. Я рассказал, как мы обнаружили, что лахри грабят корабли Земной Федерации. Рассказал, что мы поняли причины этих грабежей и далее стал говорить, что лахри действовали незаконно и что нужно незамедлительно... Но она подняла руку, прерывая меня, и в глазах ее появилась боль, когда она заговорила певучим языком, в такт странному ритму барабанов, пульсировавшему в воздухе вокруг нас.

— Бог Солнца умирает, Мать пыталась договориться с мудрецами вашего племени, но совет игнорировал ее попытки! Время летит понапрасну, а лахри вымирают.

При этом она смотрела на меня своими громадными, великолепными глазами, и я понял, о чем она говорит — она говорила то, что еще никто мне не сказал. Век назад лахри обратились к Совету Десяти и попросили помочь что-нибудь сделать с их угасающим подземным светилом. Совет проигнорировал их просьбу. Тогда лахри, страдая и умирая, в отчаянии занялись пиратством.

Сердце у меня защемило от этой короткой истории. Я уже не обращал внимание на напряженное тело Старра, его дикий взгляд, а

просто раскинул руки, гипнотически отдаваясь музыке, идущей из пирамиды. Пирамиды, которая возвышалась над покрытым туманами городом внизу.

— Великая Мать, — почтительно прошептал я, — Совет Десяти больше не игнорирует вас. Он предлагает вам спасение. Ваше солнце умирает и больше не может возродиться. Почему бы тогда не переселиться вам на другой мир, поближе к нашему богу Солнцу, который сияет ослепительно и доброжелательно в небесах и примет твой народ так же, как принял все другие народы? Я знаю такой мир, Великая Мать, он быстро обращается вокруг нашего Солнца и ждет вашего прибытия!

Я затаил дыхание, моля всем существом, чтобы она поняла мое предложение, и, поняв, приняла. Но тут же я услышал насмешливый шепот Старра.

— Вы дурак, Холлмейер. Я знаю ее ответ.

— Заткнитесь! — сказал я, направив на него всю свою ненависть, и снова обратился к Матери: — Совет предлагает вам это решение, Великая Мать, а возле тебя сидит его представитель, который уже нацелил на ваше светило ужасное оружие, что выключит его раз и навсегда, если вы не примете наше предложение.

Я был готов к нападению Старра, и он действительно напал. Он вскочил на ноги, мгновенно поняв, что я раскрыл все его планы. И его захлестнул гнев. Для него это было уж слишком, что я посмел нарушить его первоначальный план, посмел предать его. Хриплый крик вырвался из его глотки, и он ринулся на своих сухих ножонках ко мне.

Я честно встретил его, хватившись одной своей детской ручкой за перила за моей спиной, а другую вытянув навстречу ему.

Старр схватил мою руку скрюченными, как когти, пальцами. Скорость его нападения оторвала меня от перил. И мы взмыли в небо, поскольку сила тяжести в этом мире была очень мала, и повисли там, борясь за жизнь.

Мы цеплялись друг за друга, били друг друга, и лицо Старра было искажено жуткой ненавистью. Он вопил, а я проклинал его высоким, детским голосом. Мы вращались, и пару раз я увидел лицо Великой Матери. Тоска и страдание были на этом лице. Я был ее ребенком, по крайней мере, телом ее ребенка, и дрался с телом ее престарелого супруга.

Но мы не были равными по силе, как я ошибочно предположил вначале. В теле Старра оказалась жилистая, какая-то ядовитая сила, с которой он стискивал мои хрупкие кости. Я отчаянно бил левой рукой по его лысине, и внезапно увидел единственный шанс, но если расчет мой окажется неверен, то не я, а Старр получит выгоду.

Мы вертелись без остановки, как какой-то безумный вихрь. С одной стороны из тумана высовывались крыши нескольких зданий. С другой была пирамида. Если все сделать правильно, то у меня получится оторваться от Старра и вернуться в пирамиду!

Если...

Я ждал благоприятный момент, пока не окажусь внизу. Затем весь сжался и неимоверным усилием ударил вверх обоими слабыми ногами.

Сила удара была не высока, но ее оказалось достаточно. Удар оторвал Старра от меня, и он полетел прочь, дико уставившись на меня горящими глазами. Мгновение я отчаянно боялся, что тоже полечу вверх, но этого не случилось. Я поплыл в воздухе под углом к пирамиде!

А Старр плыл под таким же углом в противоположном направлении!

Поплыл прямо в небо, и в этом странном мире не было ничего, что могло бы изменить его курс. Он плыл к Центральному Светилу.

Я приземлился, отчаянно схватившись за перила, грудь моя тяжело вздымалась от недавних усилий. Вскинув голову, я взглянул на поднимающегося все выше Старра и увидел его рот, разинутый в отчаянном вопле.

— Холлмейер! Солнце! Я же поджарюсь!..

Затем его слова слились в одном нечленораздельном вопле, а тело уже превратилось в точку на фоне безжалостного, смертоносного, светящегося диска Центрального Светила. Еще много часов предстояло ему лететь с такой скоростью, а затем слабое притяжение светила проявит себя, и это будет концом Старра.

Я медленно повернулся и снова взглянул на Мать.

ОНА СМУТИЛА меня каким-то мрачным страхом в ее глазах. Она не уделила внимания Старру, бывшему в теле ее супруга. Она позволила ему плыть навстречу смерти. И я заговорил с ней, все еще задыхаясь. Я рассказал ей о плане Старра, плане, который, несомненно, возник в недрах корпорации «Сады Меркурия». Я рассказал об устройстве и о том, что оно могло сделать со светилom лахри, и, махнув рукой, обратил ее внимание туда, где в километре отсюда, возле «Бюро переноса сознания», стоял наш корабль.

Затем ее взгляд вернулся ко мне. Губы ее открылись, ужас и недоверие дрожали в ее слабом голосе.

— Пусть смерть возьмет свое, — прошептала она, — раз уж Бог нисходит теперь в могилу. И если он хочет этого, если он хочет уйти, то оружие расы грабителей не пустит ему кровь!

Пока я стоял, пытаюсь расшифровать ее слова, она сделала нечто поразительное. Она вдруг встала, воздела к солнцу свои толстые, короткие руки и испустила бессловесный стон, сотворенный самой ее душой. В этом крике была молитва, и мольба, и покорность. И в мыслях моих, вдобавок к этому воплю, добавился еще какой-то импульс. Я почувствовал, как вопль ее летит вниз, к городу могильных плит, и достигает ушей лахри, собравшихся у подножия пирамиды. И снизу в ответ прибыл вопль этой толпы. Этот был словно крик невидимых мне мертвецов. Я невольно застучал зубами от ужаса.

И еще раз Великая Мать, королева лахри, та, в жилах которой текла кровь Древней расы, обратила ко мне свои прекрасные, но полные боли и муки глаза. Тоска, написанная на ее лице, перетекла в тело ее дитя, тело, которое занимал мой разум. А затем...

— Дитя мое, которое одновременно и не мое дитя, — печально прошептала она. — По вашим же рассуждениям, нет никакой возможности исправить пузырь мир лахри, столь непохожий на звездную Вселенную. А значит, в пузыре планеты лахри больше нет никаких тяжелых проблем!

И она ушла.

Ушла? Еще полсекунды я не понял этого. Ее движения были слишком стремительны, чтобы за ними можно было проследить. Ее приземистое тело взлетело под углом к тронному залу и, точно стрела, сорвалось с вершины пирамиды, летя параллельно земле. Она летела, а я ошеломленно наблюдал, как она исчезает вдали.

Слишком поздно я понял ее намерения. Барабаны смолкли, и наступившая тишина наполнила мою опустевшую душу ужасом, но не помешала мне ясно мыслить. Я понял, куда она направляется, и каким-то образом понял, что она собирается делать.

И через секунду, собрав все оставшиеся у меня силы, я бросился в воздух в том же направлении, в каком улетела она — к нашему кораблю.

Это был медленный, фантастический полет над покровом туманов, окутавших город лахри. Я понимал, что лечу слишком медленно. Потому что, через десять минут я смог взглянуть вниз и увидел окраину города. До корабля оставалось метров пятьдесят. Я отчаянно ждал, пока угол полета не позволит мне схватиться за кровлю самого высокого здания. Секунду я висел на ней, собираясь с силами, затем швырнул свое тело к кораблю. Я летел к нему по воздуху, вытянув вперед руки. Люк был открыт. Если бы только я успел...

Я не успел. Я доплыл до корабля, уже ухватился обеими руками за край люка, когда загрохотали двигатели.

Это было самое удивительное, что произошло со мной. Ветер ударил мне в лицо, выбивая слезы, так что я не увидел исчезающий внизу город лахри. Ракета летела в разреженном воздухе с огромной скоростью, и внутри меня тоже была пустота.

Я кричал своим детским голосом, лежа животом на холодном поребрике люка. Ветер рвал на мне одежду, тело мое замерзало. Затем глаза прояснились, но власть над телом начало занимать детское сознание, и я глядел лишь на Солнце. Я молился, молился богу Солнца, поскольку знал, что он должен умереть. Я просил, чтобы он обогрел мой народ и мою мать, мою Великую Мать. Я умолял, чтобы земля вновь стала зеленая, чтобы вернулись белые облака на иссиня-черном небе, чтобы прошли нежные дожди, и чтобы лахри вновь стали великим народом, способным противостоять расе грабителей. И одновременно я радовался, что существо в моем теле, в детском теле, тоже должно умереть со мной, потому что это существо это принадлежало к расе грабителей.

Ветер пытался оторвать меня от люка, замораживал руки, грудь и израненный живот. Холод пробрался мне в голову, коварно начал замораживать мысли, и это было последнее, что я помнил...

Я УВИДЕЛ над собой испуганное лицо лахри, и тут же понял, что это Уилл Каррист. Пол подо мной дрожал от работающих двигателей.

Когда глаза мои открылись, Уилл тут же издал облегченный возглас.

— Слава Богу! Я уж думал, что ты умер, — жалобно закричал он. — Я прилетел из города с десятком лахри, следовавших за мной, и стал осматривать местность вокруг корабля лахри в поисках тебя. Затем я увидел, как наш корабль взлетел и направился к Солнцу. И ты свисал из его люка. Сид, это безумие! С чего ты вдруг...

— Ты слишком много болтаешь, Уилл, — прервал я его и, шатаясь, поднялся на ноги.

Оглядевшись, я увидел, что мы находимся в кают-компании корабля. Я попытался понять, как это может быть, и тут же вспомнил, как великая Мать направила корабль прямо на здешнее Солнце.

Ни слова больше не говоря, я проковылял в рубку управления и попытался сесть за пульт. Но я был слишком мал и не мог залезть в кресло. Тогда я неистово закричал Уиллу. Стремясь угодить, он сам сел за пульт. Корабль содрогнулся и ринулся в небо.

Пока он с ревом направлялся к местному светилу, я, напрягая глаза, осматривал тусклое небо вокруг солнца при помощи фотоусилителя. И внезапно увидел наш корабль, далеко впереди, просто крошечную точку, светящуюся отраженными лучами солнца.

— Она не должна, — прошептал я сквозь зубы, не обращая внимания на свое израненное тело. — Она не должна!

Уилл, должно быть, вначале думал, что я просто спятил, но внезапно все понял, и его челюсть просто отпала.

— Она должна, — медленно проговорил он.

Да, он был прав. И я внезапно почувствовал, как сковывающее меня напряжение порвалось, как струна. Я ощутил неимоверную усталость. Солнце. Оно гасло.

Здесьнее солнце было не очень большим, километров пятьсот в поперечнике. Но много миллионов лет оно ярко сияло и являлось богом для лахри. Но теперь этот бог умирал. Он был уже больше, чем наполовину мертв. Он был немногим горячее, чем горячая планета. Но он сохранял лахри жизнь. И какая ирония в том, что одна из лахри, сама Великая Мать, уничтожила собственного бога.

Я молча отвернулся от фотоусилителя и какое-то время сидел тихо. Затем заговорил.

— Великая Мать мертва, — сказал я. — И скоро ее народ тоже умрет. Каррист, Старр еще где-то здесь, медленно летит к солнцу. Нам нужно найти его.

Каррист так его и не нашел, хотя искал много часов в небе под тенью темнеющего солнца.

Затем мы вернулись в город лахри и приземлились возле «Бюро переноса сознания». Я в это время молча сидел в углу, размышляя и подавляя безмолвные крики ребенка Великой Матери. Я размышлял. Я понял, что произошло с Карристом, хотя он ничего мне не рассказывал. Он вырвался от своих похитителей и, считая, что я попал в тяжелое положение, похитил пиратский корабль прямо перед носом толпы лахри. В конце концов, он был способен управлять кораблем любого типа, какими бы сложными ни были средства управления. Ну, и он прилетел вовремя, чтобы спасти меня... хотя для меня сейчас это не имело значения.

Корабль приземлился почти у самых дверей в «Бюро». Мы молча вышли из корабля и минуту я постоял, приучая глаза к темноте, постепенно поглощающей город надгробных плит. Что я слышал вокруг, вопли людей, как призраки летящие через туман? Вопли погибающего народа? Я шагал к «Бюро переноса сознания», подавляя стремящийся прорваться во мне детский ужас. Войдя в дверь, я пошарил по стене в поисках выключателя.

Я даже не был рад, когда вспыхнули тусклые лампы. Хотя это и означало, что «Бюро» все еще получало энергию. Но и это меня не волновало.

Когда мы вошли, с холодного пола поднялась и встала на четвереньки потрепанная фигура и прохрипела, обращаясь к нам на какой-то смеси английского и универсального языков.

— Холлмейер! Помогите! Я умираю... кажется, я умираю... Мое тело...

— Привет, Старр, — холодно отозвался я. — Как вы попали сюда? Очень жаль, что вы не остались там, наверху.

ЗАДЫХАЯСЬ, ОН дико пополз к нам.

— Это она. Она не могла оставить меня в пустоте. Я же был телом ее супруга. Она хотела спасти его. Она сунула меня в спасательную шлюпку, велела вернуться к ее народу и сказать всем, что это она — да, она! — пиратствовала с еще несколькими лахри. Это была она, Холлмейер, Великая Мать! Она сама занималась грабежами! Не удивительно, что она сумела справиться с нашим кораблем. Понимаете? И она заставила меня показать, как включается мой излучатель.

Он был как безумец. Я заподозрил, холод его доконал, хотя из носа у него еще текла кровь. Он разбил спасательную шлюпку при посадке и, умирая, приполз сюда.

— Я подозревал, что пиратом была именно она, — сказал я.

Он вдруг резко упал ничком и замер на полу. Я с трудом перевернул его и послушал сердце. Оно не билось. Старр был мертв.

Я повернулся к Карристу.

— Если он умрет здесь, то останется в этом аду, — без всяких эмоций сказал я.

Каррист меня понял и принялся быстро действовать. Он перетащил мертвое тело лахри на стул передачи сознания, а через минуту притащил из хранилища настоящее тело Старра, привязал ко второму стулу и подключил к аппаратуре. В тускло освещенной комнате загудел ток высокого напряжения. И настоящее тело Старра шевельнулось, широко открыло глаза, а затем вдруг напряглось в ремнях. На лбу у него выступил пот.

Он посмотрел на мертвое тело лахри и задрожал.

— Боже мой, — хрипло прошептал он. — Спасибо тебе, Холлмейер! Ты вытащил меня прямо из ада!

Я развязал его и холодно произнес:

— А вы отправили в ад всех лахри своим дьявольских устройством!

Старру, вероятно, не понравилось то, что он увидел в моих глазах, но он также понял, что я нахожусь в детском теле, а кроме того, весь покрыт высыхающей кровью.

— И что, черт побери, вы думаете сейчас предпринять? — тут же прошипел он. — Если я что и ненавижу, так это сентименталь-

ность, Холлмейер, а вы до самых кишок пропитаны этой проклятой сентиментальностью!

Я сделал жест Уиллу, который тот понял, потому что чувствовал то же самое. Он подошел к Старру сзади, резко повернул его лицо к себе и нанес ему такой удар, что тот перелетел через все помещение, врезался в дальнюю стену, а затем повис в воздухе и затих.

Уилл устроил свое настоящее тело на стуле переноса, сам сел на второй. Я подковылял к пульту и включил аппаратуру. Освободившись от сознания Уилла, лахри сорвался с места, бросил на нас дикий взгляд и выскочил из здания «Бюро». Больше мы его не видели.

— Он явно не получил наслаждение от соседства с твоим сознанием, — невесело сказал я Карристу.

Он обиженно взглянул на меня и принялся привязывать меня к стулу. Пока я сидел, то погрузился в размышления и понял многое из того, что не понимал прежде. Я вспомнил последние слова Великой Матери: «В пузыре планеты лахри больше нет никаких тяжелых проблем». Значение этой загадочной фразы только сейчас дошло до меня. Никаких тяжелых проблем — никаких проблем с силой тяжести. Переселившись на любую планету, содержащую атмосферу, лахри заболеют и умрут, поскольку не привыкли к силе тяжести. Они должны оставаться в своем пузыре — внутри планеты, — где силы тяжести уравновешены. Вот почему у них такие тощие, кривые и короткие ноги. Лохри ими почти и не пользуются. По этой же причине архитекторы города построили здания, стоящие под такими сумасшедшими углами. Тут нет силы тяжести, которая их обрушила бы.

Аппаратура переноса снова загудела, и я опять прошел через странные ощущения нахождения одновременно в двух местах. А когда наши сознания вернулись на свои законные места, я увидел ребенка своими глазами, а том увидел меня своими. Это было странно, особенно когда я заметил, как страх начинает разгораться в глазах этого ребенка, когда тот, наконец, осознал, что случилось.

И когда все закончилось, ребенок, сын Великой Матери, сидел, не сводя с меня глаз. Я встал со стула. Дрожа, отстегнул ремни, привязывающие к стулу дитя лахри. Он уже не смотрел на меня, а прислушивался. И действительно, из города надгробных плит сюда донесся тонкий то ли вопль, то ли вой.

Ребенок вскочил со стула и поплыл, точно призрак, к двери. Там он остановился, с замешательством глядя во тьму. Солнце погасло. Мороз, трескучий мороз мгновенно пробрал меня до самых костей. Несмотря на это, я последовал за ребенком в темноту, уже не слыша из города никаких звуков. Единственно освещенным зданием было «Бюро», да и то его окна и дверной проем светились тускло.

Я стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони. Ребенок стоял возле дерева, воздев руки к невидимому солнцу, и мне показалось, что лицо его стали синюшно-бледным.

Я ничего не мог для него сделать. Я услышал начало молитвы, которую ребенок обращал к солнцу, молитву, выученной им наизусть. Это был тонкий, стонающий плач.

– Каррист! – задыхаясь, крикнул я. – Пора выбираться отсюда.

Он кивнул, одной рукой схватил Старра за шиворот, поставил на ноги и направился вместе с ним ко мне. Мы остановились и долго смотрели на призрачные, безумно склоненные здания, видневшиеся теперь, как тени. Из мертвого города лахри не доносилось теперь ни звука. И не было видно ребенка. Я чувствовал сердцем, что народ мира-пузыря уже мертв. Я знал, они считают, что отправляются к своим предкам, которых называли Древними. Там им будет тепло. Там они никогда не будут мерзнуть или голодать, и там им не придется бояться расы грабителей. Так было хорошо. Там было очень хорошо, в загробном мире.

Я почувствовал небольшое облегчение.

Но все равно не радовался, что был человеком.

Task to Lahri, (Planet Stories, 1942, Summer), пер. Андрей Бурцев

FALL
1945

PLANET STORIES²⁰

STRANGE ADVENTURES
ON OTHER WORLDS
—THE UNIVERSE OF
FUTURE

The BUBBLE DWELLERS

by ROSS ROCKLYNNE

JUGGERNAUT of SPACE

by RAY CUMMINGS

ОБИТАТЕЛИ ПУЗЫРЕЙ

I

ГЛЯДЯ НА нас, можно было подумать, что у нас нет вообще никаких проблем. Можно было подумать, что у нас все тип-топ. Глядя на нас, можно было подумать, что мы просто отдыхаем после сытного обеда. Уилл Каррист одной рукой подносил к губам чашку дымящегося, горячего кофе, а другой слегка придерживался за край стола, поскольку для создания силы тяжести двигателя Виттенберга раскручивали наш корабль новейшей модели вокруг оси. Я же, Сидни Холлмейер, сидя напротив него на прикрученном к полу металлическом стуле, медленно курил сигарету, с удовольствием выдыхая синеватый дымок и наслаждаясь ролью героя с железными нервами.

Таковы были мои мысли, пока корабль нес нас по космосу, как хотел, поскольку за пультом управления не было никого.

— Глядя на нас, — сказал я Уиллу, упорно стараясь выдуть одно колечко дыма через второе, — можно подумать, что мы парочка самых слабоумных дебилов по эту сторону Стрельца.

— Глядя на нас, — тут же подхватил Уилл, ставя кофейную чашку в специальное глубокое блюдо, — никто бы не подумал, что мы падаем на Солнце.

Возможно, мне стоило бы восхититься Уиллом, потому что, когда вы уверены в смерти, то не понимаете, почему не можете побыть хоть немного сентиментальными. Уилл был моим лучшим другом и входил в тройку лучших космических пилотов в Солнечной системе. Он был невысокий, с мощной грудью и шириной плеч не меньше длины его коротких, но чрезвычайно сильных рук. Он был легко возбудим, что обычно выражалось в жалобе, написанной на его лице. Но у него были воистину железные нервы. Нервы, которые и сделали его одним из лучших пилотов, он мог определить тяготение планеты до сотых долей процента и ощущал приближение метеоритов раньше, чем их засекали детекторы. Но с нервами у Уилла все было в порядке, даже теперь, когда мы падали, и он прекрасно знал, куда именно. Его короткие пальцы держали чашку с кофе так, что поверхность жидкости в ней даже не волновалась, хотя наш корабль раскачивался взад-вперед на конце огненной струи. Своими нервами он управлял лучше, чем я колечками сигаретного дыма. *Старый добрый Уилл*, сентиментально подумал я, еще несколько часов такого падения на Солнце, и мы обменяемся рукопожатием в последний раз, а затем отключим тепловые экраны Гримсона...

Тепловые экраны Гримсона были изобретены совсем недавно. И Земной Научно-исследовательский институт в первую очередь подумал обо мне, когда им потребовался специалист для трудной работы по установке Планетарной научно-исследовательской станции магнитного поля на Меркурии.

Дела у нас неважны, Сид, — усмехнулся мой начальник, как и всякий раз, с наслаждением отрывая меня от полезной, а также совершенно безопасной работы в лаборатории. — Несмотря на то, что мы летаем в космосе уже больше столетия,

мы мало что знаем о планетарных магнитных полях. Мы знаем, что они связаны с деятельностью Солнца, так почему бы не взяться за изучение магнитного поля планеты, которая находится ближе всех к Солнцу? Я имею в виду Меркурий.

— Но еще никто никогда не высаживался на Меркурий! — не выдержал я.

Начальник погрозил мне пальцем.

— Ну же, Сид. Теперь прекрасно известно о двух экспедициях, которые совершали там посадку. Разумеется, половина их членов умерла от радиоактивных излучений, но тебе это не грозит. Твой корабль будет оборудован новейшими тепловыми экранами Гримсона. Ты вернешься через месяц, установив там станцию, готовую принимать постоянный персонал. И возможно, — усмехнулся он, словно миленькой шуточке, — тебе удастся установить судьбу Эдит Дюпре. Может, она все же не упала на Солнце. — Он зачем-то полистал документы на своем столе. — Удачи тебе, Сид.

ИМЕННО ТАК и назвали наш новейший корабль — «Удача», — да еще нарисовали на его носу горсть четырехлистных клеверов. Но названия ничего не значат. Как иногда ничего не значит быть лучшим пилотом Солнечной системы... Пардон, из тройки лучших. Судьба повернулась задом к Уиллу Карристу. Любой мате-

The Bubble Dwellers

By ROSS ROCKLYNNE

The hell-planet of Vulcan had spawned a deadly menace that might entrap the civilized worlds. Only Sydney Hallmeyer could halt that force, only he could stop the fiendish Zondat—and he was the slave of the man he fought.

матик назвал бы совершенно невероятным случай, когда три метеорита и наш корабль, летящие из разных направлений, встретились в одной точке.

Уилл уклонился от первого метеорита, затем задрал хвост корабля, избегая второго, и именно в эту задранную часть врезался третий.

Мы не погибли сразу же. В целом, корабль был в порядке. Корпус цел, никаких пробоин. Энергосистема тоже в норме. Но дюзы, которые изрыгали струи огня, что и позволяло нам передвигаться в безвоздушном пространстве, удар метеорита наглухо закупорил. А, кроме того, пострадали антенны связи. Нам удалось отправить слабые сигналы SOS в сторону Венеры, находящейся в девяносто миллионов километров от нас, хотя мы понимали, что никто там не сможет их принять. Затем

мы проверили вспомогательные двигатели и убедились, что они в порядке и могут перенести нас на миллион километров — но не на тридцать миллионов, оставшихся до Меркурия. Мы решили воспользоваться ими, в крайнем случае, если вдруг встретим метеор или другое достаточно большое тело, которое могло бы унести нас от Солнца. Затем, в течение долгих часов, мы сидели и смотрели, как Солнце все увеличивается в размерах, надеялись и молились.

Затем настало время, когда мы переключили экраны Гримсона на десятую, высшую степень защиты.

И когда жар Солнца, до которого оставалось теперь лишь девять миллионов километров, начал просачиваться и через них, мы поняли, что это конец.

Каррист приготовил еду, и мы съели последний ужин приговоренных к казни. Затем выпили кофе и покурили. По крайней мере, мы умрем, как джентльмены. Когда жара станет непереносимой, мы просто отключим экраны и сгорим за долю секунды.

Я боялся потеть, но все же потел. Я весь был мокрый, как мышь. Я едва мог дышать. Мне было неудобно. Ну, что ж...

— Пора, Сид? — спросил Уилл, без всякого выражения глядя на меня.

Я сжал ему руку, секунду мы глядели друг другу в глаза, затем он встал и направился в рубку управления. А я смотрел, как он уходит, я, Сидни Холлмейер, герой с железными нервами. Затем я тоже вскочил и, гремя башмаками, бросился по коридору, потев и задыхаясь от жары и ужаса.

— Нет, Уилл! — завопил я, хватая его за руку, уже протянутую к пульту управления.

На лице Уилла появилось жалобное, потерянное выражение. Он задрожал.

— Я как раз хотел... — пробормотал он.

И тут, словно голос, возвещавший об отсрочке казни, сквозь кашель солнечных помех, забормотала наша радиостанция. Мы оставили ее включенной на прием в несбыточной надежде, что Венера все же услышит нас.

И вот сквозь помехи раздался, чему мы никак не могли поверить явный голос:

— *Говорит Эдит Дюпре. Отвечаю в десятый раз на просьбу о помощи...*

ХОТЬ НАШИ нервы и были из лучшего сорта стали, но и сталь внезапно расплавилась и растеклась, словно масло на горячей сковороде. Мы с Карристом забыли о человеческом достоинстве. Отталкивая друг друга и чуть ли не царапаясь, мы бросились к радиостанции, и хрипло выругались, когда тот же голос раздался снова, но уже не чистый и ясный, а искаженный безумными магнитными и гравитационными бурями, бушующими в пространстве вблизи Солнца. Мы затаили дыхание, прислушиваясь к прерывистому, хриплому шепоту:

— ... планета... семь миллионов километров по малой оси... тринадцать миллионов мини... Вулк... Доктор Роберто... здесь люди... — Невыносимый треск помех, затем сквозь них снова прорывался едва различимый голос: — *Вулкан... Говорит Эди... повторяю десятое сообщение... помощь... предупреждаю о телепатических импульсах...*

А затем лишь буйство помех. Боле получаса мы пресмыкались перед проклятым радиопередатчиком и, наконец, я взглянул на Уилла, чувствуя, как у меня осунулось лицо.

— Шанс есть, Уилл, — прохрипел я. — Может, сообщение прибыло и не с Меркурия. Мы не смогли бы его принять, будь источник так далеко. Но мы могли бы принять сообщение с планеты в радиусе миллиона километров. Планеты под названием Вулкан.

— Вулкан? — Уилл посмотрел на меня, как на психа. — Но ведь нет планеты с таким...

— Нет? — криво усмехнулся я. — Она назвала ее так. Эдит Дюпре. Эдит Дюпре с льняными волосами, наследница миллионов Дюпре, самая смелая девушка, какая когда-либо сунула кошке под хвост всю свою репутацию, потому что ненавидела всяческие там совещания и заседания, а хотела носить костюм космического пилота. Она не упала на Солнце, Уилл... Значит, и мы тоже не упадем!

И мы не упали на Солнце. В то время, как Уилл вперился в фотоусилитель, я принялся думать об Эдит Дюпре. Она была жестка и груба, и могла пользоваться языком не хуже, чем пистолетом. Она пролетела Систему вдоль и поперек, эта девчонка! Она была единственной женщиной-пилотом, участвовавшей в Гонках Девяти Планет, а также налетала на несколько миллионов километров больше соперников, когда ее объявили пропавшей без вести вместе с кораблем. В последнем сообщении, которое приняли на Венере (оно оказалось резко оборванным), она сказала, что попытается провести корабль через рой метеоритов, окружающих Солнце. Все поняли, что произошло. Корабль был разрушен метеоритами, и ее вместе с роем затянуло на Солнце!

Это было шесть месяцев назад — но теперь нам было бесспорно ясно, что Эдит Дюпре, дочь миллионера, производителя космических кораблей, была жива-живехонька, но находилась в какой-то ужасной опасности на мифической планете Вулкан!

И теперь Вулкан из мифического превратился вдруг в самого что ни на есть реального! Мы с Уиллом хрипло завопили, когда внезапно увидели небесное тело, черное на фоне невыносимо белого Солнца, увидели, как оно летит нам навстречу, потому что Уилл включил наши драгоценные вспомогательные двигатели. Мы промокли от пота, прежде чем вошли в тень планеты, закрывшей нас от яростного светила. Мы смотрели при помощи фотоусилителя через специальные фильтры и думали о том, какие странные тайны приготовил для нас этот темный мир.

Вскоре мы обнаружили, что у Вулкана есть атмосфера. «Удача» направилась к планете через ионосферу, и это была такая ионосфера, какой еще никогда и никто не видывал. Колоссальные плоскости аляповатого сияния развернулись перед кораблем, словно он был быком, которого мучил, размахивая мулетой, тореадор. Потoki магнитных ионов накрыли корабль столбами статического электричества по несколько метров в длину. На нас, казалось, набросилась вся ярость небес, но Уилл вел корабль недрогнувшей рукой, хотя окружавшая нас вселенная, казалось, вела себя неправильно. «Удача» пробилась сквозь верхние слои атмосферы, и ионосфера внезапно закончилась.

Но радоваться было рано! Бурные воздушные потоки загудели, подхватили корабль и понесли его прямо к земле. Уилл стиснул зубы и изо всех сил дернул на себя полукруг штурвала. Нос корабля поднялся, и все судно оказалось в равновесии. Затем оно упало на несколько метров вниз, закачалось, потом замерло.

Я обмяк в кресле и взглянул на напряженное лицо Уилла. Мы приземлились на незнакомую планету. Мы были в безопасности! Невероятно, но факт, что всего лишь несколько часов назад мы готовились изжариться на Солнце...

— Да, промахнулась эта Дюпре, когда попросила помощи у нас, — невнятно проворчал Уилл, пока мы стояли снаружи, рассматривая метеорит, ушедший глубоко в пластины брони «Удачи» на корме. — Как мы увезем ее отсюда с этого камешка?

Мы уже вернулись к норме. Уилл как всегда нервничал, а поразительное северное сияние превращало в миску неба над нашими головами в один большой, пламенеющий фонарь. На скалах вокруг нас появлялись и исчезали какие-то огненные точки. Металлические детали наших скафандров трещали от статического электричества. Горизонтом служило кольцо огненных дуг и потоков раскаленного добела пламени, словно Вулкан плавал в чайнике, полном расплавленной стали. А что уж говорить о магнитных полях. В этом отношении даже Меркурий и в подметки не годился Вулкану.

— Мы сумеем покинуть этот камешек, — пообещал я Уиллу.

Уилл уже пребывал в самом скверном своем состоянии. Да и я чувствовал, нервы натянуты до предела. Я понимал, что мы ничего не можем с этим поделать, потому что в работу нервов вмешивались внешние магнитные поля, бури и завихрения.

— И когда мы улетим с этой планеты, — спокойно добавил я, — то Эдит Дюпре будет с нами...

— А-а, космонавты, — внезапно раздался за нашими спинами пронзительный, какой-то крысиный голосок. — Полагаю, вы позволите мне сказать пару слов.

Мы с Карристом повернулись так стремительно, что, наверное, на мгновение уподобились сердечнику электродвигателя, поскольку вокруг нас заплескали потоки искр.

Каррист издал какой-то непонятный звук, словно подавился. Я почувствовал, как сердце у меня замерло, а руки и ноги мгновенно окоченели.

Позади нас стоял Сондат...

— Доктор Роберто Сондат, — прошептал я, мгновенно узнав его.

— Вы правы, — пронзительным, каким-то неприятным голосом обратился он к нам. — Я доктор Роберто Сондат. А вы кто такие? И по какому праву прилетели сюда? И что вы имели в виду, сказав, что непременно увезете отсюда Эдит? Это невозможно. Выбросьте эти мысли из головы. Космонавты, теперь вам придется остаться на этой планете!

Доктор Роберто Сондат. Костлявый и жилистый, с большим выдающимся носом и блестящими глазками, маленьким ртом и острым языком, которым он постоянно облизывал губы, трогая время от времени светлые усики. Он держал в руке оружие, совершенно не похожее на обычный пистолет. Я узнал в нем нервный поляризатор.

И направлял он это оружие прямо между нами. Голову он повернул в сторону и смотрел на нас как-то искоса, словно один глаз у него видел хуже другого. И было в нем что-то от бесстрастной гадюки.

К тому же, он был не один. Позади него стояли, выстроившись клином, еще семь человек в оборванных космических костюмах. Они беспокойно переминались с ноги на ногу, явно нервничали и горбились, не сводя с нас нетерпеливых крысиных глазок. А за ними стояли еще и иные... существа. Я разу понял, что это, должно быть, исконные обитатели Вулкана. Они были человекоподобными, но самый низкий был почти что трехметровой высоты. У планеты была низкая сила тяжести, а существует закон природы, по которому рост живых существ обратно пропорционален силе тяжести.

Не знаю уж, почему, но я сразу возненавидел Сондата и его спутников, одновременно почувствовав сострадание к вулканитам. Они стояли, точно животные, с тусклыми глазами и тупыми лицами, а их руки свисали по бокам. Набедренные повязки — единственная одежда на их огромных телах, — колыхались на прерывистом, теплом ветру, дувшем на Темной стороне Вулкана. Я сразу понял, что это рабы, рабы человека с крысиным голосом, который держал нас под прицелом.

Мне потребовалась секунда, чтобы рассмотреть все это, а также перевести дыхание.

Затем я прямо взглянул на Сондата.

— Простите, но мы не намереваемся остаться на этой планете.

НАПРЯЖЕНИЕ ВО взгляде Сондата не исчезало. Он продолжал смотреть на меня, потом глаза его как-то странно блеснули, и он скачущей, птичьей походкой двинулся вперед.

— Люди, — заверещал он пронзительным голосом, — Люди, перед нами наши смертельные враги. Они прилетели сюда, чтобы забрать Эдит. Но так не пойдет. Нет, не пойдет. Мы должны помешать им. Теперь они в наших руках. И мы, несомненно, преобразуем их. Захватите их корабль. Заберите их вещи, одежду и еду.

— Ну, уж нет! — взревел я, чувствуя рядом Уилла, тоже готового действовать.

Мы оба бросились к Сондату. И совершили ошибку. Сондат живо отскочил и нажал кнопку на своем нервном поляризаторе, раз для меня, и раз для Уилла. Этого было достаточно. Теплая, мягкая волна прокатилась по моему телу, расслабляя мускулы. Я упал на землю, перекатился и потерял сознание...

Привел меня в чувства Уилл, крича в самое ухо мое имя и тряся, как грушу по осени. Я открыл глаза. Уилл походил на робота со сгоревшими предохранителями. Я с трудом поднялся на ноги, а он продолжал сидеть на земле, трясаясь и вздевая вверх руки.

— Сид, — простонал он, — они забрали все наши припасы. Еду, одежду, оружие. Все! Этот доктор Сондат, кем бы он ни был, совершенно безумен! У нас ничего не осталось. Откуда он вообще взялся

тут? Это просто невозможно... это... Только сплошная равнина!

Я обернулся вокруг, сжимая руками раскаляющуюся голову, потом оперся на теплую опору корабля. Действительно, вокруг была только плоская земля, каменистая, с редкими, разбросанными кругом скрюченными растениями. Сондат появился из ниоткуда, словно из разреженного воздуха. Откуда же он взялся? Он просто внезапно появился у нас за спиной.

У меня кружилась голова, было трудно думать. Но я знал достаточно много о докторе Роберто Сондате.

— Возьми себя в руки, — сказал я Уиллу, затем повернулся к открытому люку и заглянул внутрь. — Эта планета — сплошной сумасшедший дом, Уилл. Наука давно доказала, что нервные импульсы имеют электромагнитную природу и зависят от изменения окружающих магнитных полей. А Вулкан находится так близко от Солнца, что орбита его проходит внутри магнитного поля нашего светила. И тут магнитное поле Вулкана постоянно сталкивается с магнитным полем Солнца. Это генерирует такие магнитные бури, что недолго и спятить. Если ты не будешь бороться с собой, то попросту свихнешься. Помнишь, каким возбужденным был Сондат и его люди? Вулкан — их убежище. А Сондат сидит тут, как ядовитый паук.

— Что значит — убежище? — недовольно проворчал Уилл. — Да кто он вообще такой?

— Потом, потом, — хрипло пробормотал я и полез в корабль.

После быстрого осмотра я обнаружил, что украдена вся еда, одежда и большинство наших инструментов. Но магнитные приборы остались нетронутыми. И хлеб. Я сел, чтобы обсудить с Уиллом план дальнейших действий.

Затем мы подняли корабль на вспомогательных двигателях, и Уилл осторожно повел его в сотне метров над растительностью, рассыпанной по плоской, пустынной равнине.

— **МНЕ КАЖЕТСЯ**, Сид, — уныло сказал Уилл, — мы делаем как раз то, чего хочет от нас Сондат.

Я как-то не подумал об этом сам. Меня прошиб холодный пот.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это же очевидно, верно? Он забирает все наши инструменты, еду и оружие. Мы не можем жить без всего этого, таким образом, должны отправиться туда, где живут обитатели здешнего мира, и где мы можем найти хоть какую-то пищу. А без инструментов мы не можем отремонтировать корабль...

— У нас осталась кислородная горелка и несколько молотков, которые они забыли, — резко сказал я.

— Этого не достаточно. Сондат считает, что мы найдем, где здесь живут местные гиганты и заставим их помочь нам выковырять метеорит из корабельной обшивки. А потом... Сид, мне кажется, Сондат знает, что мы станем делать потом! Помнишь сообщение Эдит Дюпре... Она еще упоминала о телепатическом импульсе? Ну так вот... — Уилл повернул голову от экрана и торжествующе поглядел на меня. — Я думаю, *прямо сейчас мы действуем по телепатическому приказу Сондата!*

Я так и обмяк в кресле, дрожа и шепча все ругательства, какие только пришли мне в голову. Это было невероятно, *немыслимо*, что Уилл пришел к такому заключению, хотя он вообще никогда не слышал о Сондате — фокуснике, гипнотизере, народном целителе, спиритуалисте, гадалею и великому религиозному деятелю...

— Он просто духовный бандит! — жестко закончил я вслух. — Господи, Уилл, все сходится. На Земле Сондат целых десять лет являлся одним из самых скользких руководителей секты, какого власти безуспешно пытались поймать с поличным. Он гипнотизировал целые зрительные залы и заставлял людей отдавать все свои деньги. Да, он был экстрасенсом, обладал неординарными силами. И, наконец, он совершил ошибку, когда десять самых богатых бизнесменов на Земле завещали ему все свои сбережения, а затем разом покончили жизнь самоубийством. Они сделали это под гипнозом и не владели собой. Таким образом, безопасники получили доказательства против него. Но он опередил их, сбежал в космос, и с тех пор мы впервые получили доказательства, что он все еще жив.

Лоб мой был покрыт холодным потом. Я смотрел на Уилла и видел, что он знает, о чем я сейчас думаю. Мы оба вспомнили, как блестели глазки Сондата, когда он смотрел на нас. Так мы что, загипнотизированы? Неужели его поразительные способности взяли над нами верх и контролируют наши мысли, даже сейчас управляя нами при помощи телепатических импульсов?

— Уилл, — дрожащим голосом сказал я, — нам нужно успокоиться. Мы не загипнотизированы, иначе не смогли бы подумать о том, что мы загипнотизированы, понятно?

Голос Уилла был тускл и полон безнадеги.

— А, может, Сондат, как раз и хотел, чтобы мы так думали, а, Сид? И внезапно я сорвался. Я ругался.

— Нет! — ревел я, ударяя кулаком по пульта под самым носом Уилла. — Я — это я. Я — Сидни Холлмейер! Во мне не сидит ни частички этой змеи Сондата, и, клянусь Господом, я стану продолжать в это верить. Уилл, мы не станем сидеть без дела. Мы сделаем то, что планировали. И мы покинем эту планету только вместе с Эдит Дюпре! Это я говорю, я, а не Сондат, понимаешь?

Уилл весь съежился в пилотском кресле и едва осмеливался смотреть на меня. Он вел корабль прежним курсом, но я видел, как нервно подергивалось его лицо, когда Уилл чувствовал уколы сомнений. Я знал, о чем он думает. Мы могли разглагольствовать,

бредить и клясться, что мы делаем то, что хотим сами *мы*... и одновременно действовать по телепатическим приказам Сондата.

Я вскочил с кресла, чувствуя, как голова у меня буквально рывается от борющихся в ней противоположных мыслей, ушел на корму и бросился там на койку. Все мои мышцы были до предела напряжены, пока я боролся с кошмарным, неосязаемым монстром сомнений. И лишь час спустя, когда я почувствовал, что «Удача» приземлилась, мрачные мысли мои ослабли. Я сел, взглянул на себя в зеркало, висевшее на противоположной стене, и сказал четко вслух:

— Я — Сидни Холлмейер. Я — это я!

II

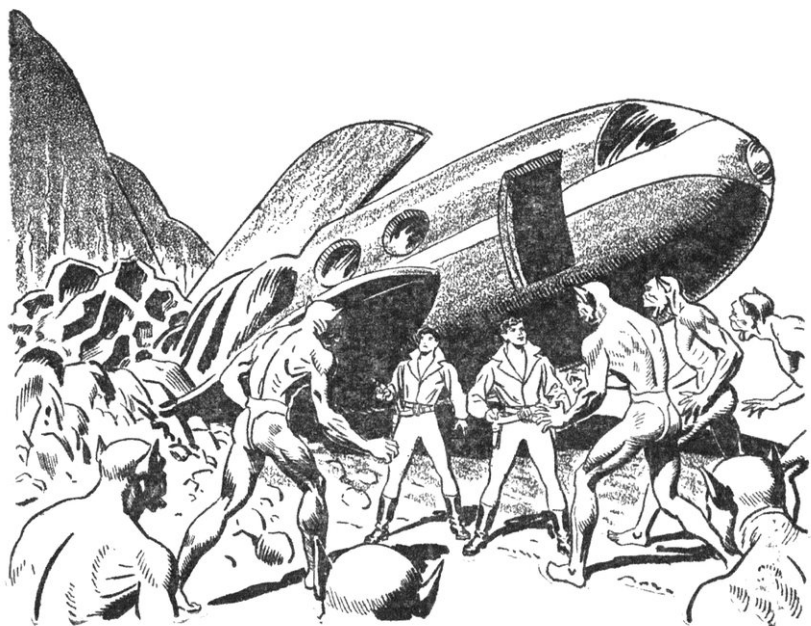
Я ОТКРЫЛ люк, и мы с Уиллом спрыгнули на землю возле поселения. В руке у каждого из нас был пистолет, который люди Сондата не забрали, потому что они были заперты в сейфе. Но мы почему-то чувствовали, что местные гиганты, образовавшие почтительный полукруг на некотором расстоянии от корабля, не хотят причинить нам вреда. Мы им, в общем-то, тоже. «Удача» стояла строго вертикально по левую сторону от хорошо протоптанной дороги, соответствующей Мэйн-стрит этого маленького поселения явно кочевного типа.

Это была иная планета, совершенно чуждый нам мир, и мы знали, что он принесет еще не один десяток сюрпризов. Вулкан, разумеется, не вращался вокруг оси. Одна его сторона была вечно обращена к Солнцу, и там все было в расплавленном состоянии. На противоположной же стороне постоянно дули теплые ветры, частенько переходящие в бури. По небу летели облака, ярко светящиеся, настолько ярко, что порой затмевали звезды. Кругом росла обильная растительность, по большей части грибы, хотя попадались и деревья. Облака отражали солнечный свет, вечно сияющий из-за горизонта.

Горизонты для баймеров являлись Адом, Волшебной страной, Ужасным Огненным Кольцом. Иными словами — геенной огненной.

Наша жизнь с баймерами началась в тот день легко и легко продолжалась. Они словно понимали с полувзгляда, что нам требовалось, эти трехметровые баймеры — поначалу мы даже и не знали, что так они называют себя. Они приблизились к нам, подняв руки вверх, и я понял это за жест мира. И переднее существо, лицо, волосы и тело которого напоминали местный гриб, составлявший их основную диету, улыбнулся, глядя на нас сверху вниз. У него был совершенно не тупой взгляд, не как у тех баймеров, что сопровождали доктора Роберто Сондата. Напротив, его глаза, в которых отражалось здешнее вечное северное сияние, светились интеллектом.

Мы улыбнулись в ответ, хотя наши улыбки и были натянуты, как и нервы, из-за бушующих вокруг магнитных бурь.

По толпе баймеров — мужчин, женщин и детей, численностью особей в шестьдесят-семьдесят — прокатился тяжелый, точно раскаты грома, смех.

Затем заговорил их гигант-лидер. Мы ничего не поняли, но произнесли в ответ обычное приветствие. Он тоже ничего не понял. Затем нам принесли еду. Фактически, они принялись готовить еду на всех прямо у корабля. За дело взялись и мужчины, и женщины. Разожгли ревущие костры, из шатров, покрытых древесной корой, притащили металлические горшки, дети, не уступающие в росте нам с Уиллом, бегали вокруг и кричали, а вскоре до наших ноздрей донеслись какие-то вкусные запахи.

Трое взрослых принесли из большого шатра раскладной стол со столешницей из той же коры. Высотой стол был почти два метра. В разложенном состоянии он оказался таким большим, что за ним уместилось все поселение. Еще минута — и мы принялись поглощать еду в лучшем смысле этого слова. Нам предложили какие-то блюда из грибов, нарезанные сладкие листья и ядра больших орехов. Были также и фрукты, и свернутые в трубочки плоские листы хлеба. Туземцы за столом о чем-то все время говорили и смеялись.

Затем три рослые даже по меркам баймеров женщины поднялись и начали танцевать с торжественными лицами, к ним тут же присоединились трое мужчин. Раздалась музыка, наигрываемая на каких-то тяжелых струнных инструментах. Музыка была громовой и тяжеловесной, как и сами баймеры, медленная, с частыми паузами,

так что порой стоял сплошной грохот, но мы с Уиллом понимали, что часть этой музыки была нам не слышна, потому что тональность ее опускалась ниже порога человеческого восприятия. Все это длилось долго, медленно, но... оказалось возбуждающим! Мы почувствовали, как сердца наши начали биться все быстрее, опережая темп музыки. Танцоры плясали тоже медленно. Это было нечто вроде пародии на яванские пляски. Постепенно, я был вовлечен в это действо и забыл об Эдит Дюпре, Сондате и Земле. Вокруг были только жители Вулкана, а мы являлись почетными гостями. Значит, жители этого поселения еще не встречались с Сондатом...

ПОТОМ ВСЕ закончилось. Мы с Карристом смогли перевести дыхание. Затем не меньше минуты хлопали танцорам и музыкантам. Баймеры были удивлены, но постепенно тоже начали хлопать в ладоши с искренним восхищением. Наверное, местных артистов никогда еще до этой ночи не приветствовали таким образом. Вулканы дико хлопали в ладоши, смеялись и глазели на нас.

Затем вождь положил этому конец. Он встал и заговорил громко и властно. Тут же поднялась суматоха. Остатки еды собрали, посуду унесли на край поселения, стол сложили и унесли его в шатер, оставив меня с Уиллом сидеть у костра, по другую сторону которого сидели три трехметровых баймера. Банкет был закончен. Любопытство было удовлетворено, церемонии соблюдены, что вполне устраивало нас. По крайней мере, меня.

Три баймера сидели лицом к нам, их колени почти касались наших. Баймер, сидящий слева от вождя, улыбнулся, глядя на нас светлыми, как у альбиноса, глазами. Затем достал откуда-то из-под набедренной повязки длинную прозрачную флягу. В ней было что-то похожее на восковые нити. Затем он другой рукой вытащил нож с явно острым лезвием.

Это было настолько внезапно, что Уилл вскрикнул и попытался вскочить, но я его удержал.

— Сиди тихо, — рявкнул я. — Они что-то хотят сделать. И эти люди явно знают, что делают. Очевидно, они хотят как-то пообщаться с нами. Возможно, это первый шаг. Во всяком случае, первым буду я.

— А я не буду вторым, — дрожащим голосом заявил Уилл. — Сид, мы должны уйти. Меня не интересует, хотят ли они нам помочь или сами просят о помощи. Я только знаю, что если ты захочешь помочь им выпутаться из затруднительного положения, то мы сами окажемся в нем.

Я огрызнулся в ответ, но при воспоминании об его словах насчет телепатического импульса, по спине у меня пробежала дрожь. Возможно — только возможно, — что все было частью того, что хотел от нас Сондат.

Баймер вежливо подождал, пока мы закончим говорить, затем сделал движение ножом, что-то говоря при этом спокойным голосом. Он указал на мое запястье и сделал режущее движение. Затем

полез в свою флягу и достал оттуда одну нить — теперь я уже видел, что это какое-то нитевидное существо, — и сделал движение, притворяясь, что это существо вонзилось в его запястье.

После этой пантомимы он потянулся к моей руке.

Это был тошнотворный момент. Я боялся ножа, но я *действительно* доверял им, и у меня была уже мысль, что значит пантомима баймера. Он хотел пересадить в мое запястье нечто вроде нерва. Поэтому я закрыл глаза и протянул ему руку. Я почувствовал, как на мое запястье что-то намазали — что-то прохладное и скользкое. А затем я перестал чувствовать руку.

Все отняло не много времени. Я даже осмелился приоткрыть один глаз, но большая рука баймера держала меня за плечо и не давала увидеть, что происходит с рукой. У Уилла были выпученные глаза и бледное лицо. Наконец, нож убрали. Рука чуть обрела чувствительность, я ощутил, как на нее снова что-то намазывают, а потом руку отпустили. Чувствительность еще не вернулась, но сквозь тонкую прозрачную пленку, служащую повязкой, я увидел тонкую красную линию сантиметров десять длиной. В общем, вся операция прошла безболезненно, и теперь все закончилось. Но каков будет эффект?

Улыбаясь, баймер повернулся с ножом к Уиллу. Уилл громко закричал на него. Баймер не стал настаивать и ушел, а затем трое сидящих обратили внимание на меня. По их широким лицам бродили отблески костра. Потом заговорил вождь, который первоначально приветствовал меня.

И я почти понял его! Эффект был такой, словно в незнакомый язык, на котором он ко мне обратился, проскальзывали английские слова... А, может, слова Универсального языка, который я тоже знал. А те слова, которые я не мог понять, были просто *искажением* знакомых!

— Нет! — охваченный волнением, воскликнул я. — Я плохо понимаю вас, вождь, но... но кое-что я все-таки понимаю. Вы сказали...

— Да, — ответил громадный вулканит. — Все слова — *что-то непонятное*... Но через несколько минут — *опять что-то непонятное* — ваши нервы будут — *снова непонятное*.

— А вы понимаете меня? — спросил я.

— ... — что-то ответил он, взволнованно улыбаясь и глядя на двух своих компаньонов. — Видите ли, мы не полностью... науку, но мы были великой расой. Пересадка нервов... у баймеров было много языков... теперь остался один. Затем мы узнали, что магнитные поля... атмосферу, так что у нас развилась стойкая нервная система, чтобы противостоять им. Но они оказались достаточно чувствительными.... Передавать телепатические импульсы... Пересадка нервов...

Еще несколько минут он говорил что-то на своем языке, но я уже понял, что он пытался мне сказать, несмотря на досадные пробы и искажение слов. Все стало ясно. В запястье мне внедрили

нерв баймера. Это создало между мной и баймерами телепатическую связь. Нерв баймера служит теперь каналом, передающим мысли баймеров в мой мозг. И их язык я воспринимал, как свой собственный.

Я также понял, что это один из немногих медицинских секретов, оставшихся от великой цивилизации, которая расцвела в далеком прошлом, а теперь уж давным-давно погибла. Когда-то баймеры были большим народом, и у них имелось много разных языков. А потом возникла технология пересадки телепатического нерва. Ну, и все языки постепенно слились в один. Вулкан стал планетой, связанной при помощи телепатии в единую нервную систему.

И мне еще предстояло узнать, сколько же здесь осталось исконных жителей.

Ну, по крайней мере, начало было положено. Я сообщил вождю о том, что нам требуется помощь для ремонта корабля, и вождь благосклонно согласился нам помочь. А затем нам показали шатер, в котором мы с Уиллом легли спать. Спать? Для меня это был суший кошмар, Эдит Дюпре, Сондат и я боролись на уступе извергающегося вулкана. Обычный вулкан и название планеты, должно быть, перемешались во сне, и мне тут же вспомнилось, что Эдит Дюпре в своем сообщении тоже говорила что-то о вулкане...

РАЗБУДИЛ МЕНЯ Уилл.

— Сид! Сид! — орал он мне в самое ухо и безжалостно тряс.

Это было два дня спустя, точнее, спустя сорок восемь часов, поскольку на Вулкане нет смены дня и ночи. Мы уже начали ремонт корабля, и основной нашей помощью был сам вождь племени баймеров. Он присоединился к нам, улыбаясь своей медлительной улыбкой и, при помощи своей гигантской силы и одного из соплеменников, вырвал огромный метеорит из смятой и покоренной обшивки.

Вождь — а звали его Оро Таркид — даже предоставил нам тяжелые металлические стержни, которые мы могли использовать в качестве ломов. Мы выпрямили вогнутые пластины обшивки и освободили дюзы двигателей. Четыре сопла оказались безнадежно покоренными, но мы с облегчением увидели, что остальные можно восстановить. Мы принялись за работу, используя единственную кислородную горелку, которую оставил нам Сондат, а также силу баймеров.

Мы работали, не спеша, целых два дня, не замечая, что происходит вокруг, и еще не знали, что это заставит нас пожалеть, что мы не поторопились и не закончили ремонт раньше. Потому что происходило что-то, чего я не мог понять. Я заметил это на второй день нашего пребывания на планете, когда мы работали над кораблем. Вождь племени баймеров Оро Таркид то и дело поднимал голову и пристально смотрел в небо.

– Боишься, что небо обрушится? – спросил я, вспомнив сказку о впадающей в панику курице, которая боялась, что ее ударит по голове падающая звезда.

Оро Таркид не улыбнулся в ответ своей улыбочкой, из-за которой он походил на громадного трехметрового ребенка.

– Нет, – встревоженно пробормотал он. – Но близится Время, мой великий друг Сид.

– Сколько времени?

Уилл вечно раздражался, когда мы вели телепатические переговоры, и он лишь понял, что сказал я. Ответ баймера был совершенно непонятным.

– Какое имеет значение, сколько времени? – пробормотал Уилл, обхватывая мощными ручищами джозу номер десять и возвращая ее на место. – Мы все равно никогда не уберемся с этой планеты.

Оро Таркид не сумел ответить на мой вопрос. Затем он озадаченно поглядел на меня, словно пытался понять смысл моих слов.

– Взгляните на небо, друг Сид, – наконец, сказал он. – Оно в Четвертой Яркости, и духи, летающие по небу, очень возбуждены. Смотрите, как они скачут и идут винтом... а из-за Края вырываются полотнища пламени. Да, близится Время.

Меня позвал Уилл, и я отправился к нему. Позже, обдумывая этот вопрос перед сном, я решил, что приближается, должно быть, какой-то ритуал. Правда, теперь, когда я глядел на небо, мне показалось, что северное сияние и носящиеся кругом вихорлики стали гораздо активнее. И я почувствовал какую-то суеверную, зловещую пульсацию. Северное сияние, возбуждаемое магнитным полем Солнца, становилось все более интенсивным – и во мне что-то сжалось в предчувствии зла. Сондат. *Сондат*, подумал я, *это ваша планета, где телепатические и психические явления находятся бок о бок, и где гипноз мчится на крыльях магнетизма. Планета, где вы, со своей дьявольской душой, могли благоденствовать. Вы, Бог этой планеты...и все это время мы с Уиллом находимся в вашей власти...* Затем я сердито выругался вслух, чтобы выкинуть эти нелепые мысли из головы, мысли, несущие ужас и безумие, и сидящие рядом баймеры перестали веселиться, пока я снова не стал улыбаться.

На второй день встревоженное выражение на лице чуткого Оро Таркида, отразилось, как в зеркале, на лицах его соплеменников – мужчин, женщин и даже детишек. Они стали задумчивыми. Исчезло веселье. Все чаще они смотрели на него – на Призрачные Картины, и видели в них раскаленных Гигантов Света, живущих за Краем, в Сказочной Стране. Я пошептался с Уиллом, чувствуя, что нервы у меня натянуты до предела, так что приходилось напрягать всю силу воли, чтобы казаться спокойным.

В этот день Оро Таркид и его люди не помогали нам с ремонтом. Они просто стояли, взволнованно глядя на небо. Оно было, по их словам, уже в Пятой Яркости.

— Скоро Время, скоро Время, — слышал я отовсюду грохочущие телепатические шепотки этих простых людей.

Повсюду в поселении люди бесцельно блуждали, тревожно рассматривая небо.

Я раздраженно оторвался от работы и поймал за руку Оро Таркида.

— Во имя Небес! — завопил я. — Вы сводите нас с ума, Оро! Мы не можем работать, не можем ничего делать, пока ваши люди маячат вокруг. Это же...

Внезапно я замолчал, посмотрел на Оро, и в душе у меня прокатилась волна жалости. Душа Оро Таркида, вождя здешних обитателей, была больна. Он умоляюще смотрел на меня большими белыми глазами, но я не понимал, о чем именно он умоляет.

— Мы вам поможем, Оро, — хрипло сказал я. — Мы поможем... только скажите, что надо делать...

Уилл бешено взглянул на меня.

— Ты совсем спятил, Сид! — рявкнул он. — Зачем ты раздаешь дикие обещания? Вспомни, это я твой друг, и у меня еще остались крошки благоразумия...

Он замолчал и безнадежно махнул рукой. Странно, но мне показалось, что, когда Уилл глядел на меня, я заметил в его глазах ужас. Он помнил о нерве, пересаженном в мою руку, нерве, сделавшем меня частично баймером... В воображении Уилла, та частичка баймера пробуждалась в то время, пока я спал, и взращивала во мне чудовищные мысли, опутывая мой мозг неосознанными щупальцами. И я не мог избавиться от нее. Она оставалась во мне все время. И она внушала мне странные мысли: *За Краем уже Шестая Яркость. Теперь ты отправишься навстречу своей судьбе, туда, Гиганты Света выпрыгивают из-за Края земли. Иди же. Иди к Шестой Яркости!*

Тут я уснул и проснулся несколько часов спустя от воплей Уилла:

— Сид! Сид! Вставай... Они покидают нас!

Я поднялся на ноги, чувствуя, что мои мозги прекратились в кристаллики льда. Я оделся, затем повернулся к Уиллу, который бесцельно махал руками, с выражением ужаса на лице.

— Знаю, — мрачно ответил я. — И, во имя Господа, их нужно остановить. Потому что они направляются прямо в ад!

Я оттолкнул Уилла в сторону, откинул полог шатра и вылез наружу, явно вовремя, потому что группа баймеров уже разбирала наш шатер. Они отвязали натянутые канаты, и шатер волшебным образом сложился. Один из баймеров вскинул его на плечи, остальные собирали постельные принадлежности и мелкие вещички. Все это они побросали на раскачивающуюся корзину с колесами, взяли за оглобли и покатали фургон.

Небо над головами ослепительно, безумно сверкало. Это наверняка была Шестая Яркость.

Я поискал Оро Таркида, но он уже уезжал во главе своего племени. Поселение сложили и увозили; его словно и не существовало тут, а были только корзины-фургоны, и баймеры с торжественными лицами, идущими вслед за гигантом, направляющим свои стопы к самому яркому, самому пламенному месту на горизонте.

— Оро Таркид! — закричал я, догнал его и, задыхаясь, пошел рядом, стараясь приспособиться к его широкому шагу.

Он посмотрел на меня с высоты своего роста и, казалось, какое-то время пытался понять, кто я такой.

Затем нежно положил руку мне на плечи.

— Время пришло, — тихо сказал он. — Мы должны идти. Это происходит каждые семнадцать лет по нашему времени. Мы всегда кочуем — к Краю. — Он приостановился, поглядел на Край, и мне показалось, что по его лицу пробежала волна страха, но страх тут же исчез, и он серьезно сказал: — Вы можете пойти с нами.

— Но вам нельзя уходить, — задыхаясь, сказал я. — Я не позволю вам. Вы просто не понимаете. На этой планете властвует дьявольская сила, заставляющая вас делать... Уж и не знаю, что. Вы идете навстречу гибели!

Он долгое время шагал, ничего не говоря. И смотрел он не на меня, а на Край. Колоссальный блеск солнечных всполохов, казалось, озарял его какой-то внутренней духовностью.

Затем он взмахнул рукой, словно приветствуя с трибуны собравшихся на митинг.

— Мы идем, — торжествующе прогремел его голос. — Мы идем — к нашей судьбе!

Я БОЛЬШЕ не мог держаться рядом с ним. Я отстал. Я сел на ближайший камень и со всхлипами вдыхал воздух, чувствуя, как в груди у меня горит огонь, словно там был ад, к которому они направлялись. Я сидел и смотрел, как они уходят, как быстро уменьшаются на фоне каскадов света на Крае.

Уилл догнал меня и схватил за плечи.

— Ты не пойдешь с ними, Сид, — хрипло прошептал он.

Он буквально потащил меня обратно к кораблю, потому что в голове у меня пульсировали ночные кошмарные мысли, и Уилл чувствовал это. На корабле Уилл чуть ли не силой влил мне в рот чашку кофе, продолжая шептать хриплым, сорванным голосом.

— Мы улетим с планеты, Сид, потому что скоро закончим ремонт корабля.

Кофе, ошпаривший мне гортань, немного меня успокоил. Я взглянул на друга, усмехнулся и похлопал его по плечу. Губы его задрожали. Вероятно, ему казалось, что я уже погиб.

— Я не баймер, Уилл, — сказал я с усмешкой, глядя ему прямо в глаза. — Но, Бога ради, когда ты научишься хоть немного галантности.

Глаза его безнадежно потускнели.

— Эдит Дюпре, — пробормотал он.

— Да, Эдит Дюпре, — кивнул я, усмехаясь, чтобы показать ему кто глава этой экспедиции. — Сейчас мы не станем заканчивать ремонт. У нас еще есть топливо во вспомогательных двигателях. Его хватит, чтобы десять раз облететь эту планету. Садись за пульт и поднимай корабль! Мы отправляемся на поиски, что бы там ни нашли...

Уилл, разумеется, был уверен, что мы действует по гипнотическому велению Сондата. Да я и сам не был убежден, что мы действуем самостоятельно, но это меня не остановило. Это нужно было сделать. А, кроме того, у нас все же оставалась еще какая-то свобода воли, поскольку я велел Уиллу лететь в направлении, противоположном тому, куда ушли баймеры. Я хотел лучше изучить пригодную для жилья сторону планеты Вулкан и посмотреть, затронуты ли этим странным желанием кочевать и другие племена баймеров.

За следующие три часа мы убедились, что кочевать отправились все. Пригодное для жизни полушарие планеты было полностью покинуто. Мы видели многочисленные кострища на местах лагерных стоянок, которые указывали, что это полушарие совсем недавно было заполнено бесчисленными племенами.

Мы летели широкими зигзагами, и в голове у меня возникла невероятная идея. Я начертил диаграмму, на которой указал расположение всех встреченных нами лагерей. Диаграмма оказалась большой и сложной. А затем мы нагнали и сами кочующие племена, бесчисленные группы которых растянулись на равнине вдалеке друг от друга. Расположение этих групп я тоже поместил на свою диаграмму.

Диаграмма показала, что каждая группа перемещалась по прямой линии, и все эти прямые сходились в одно место на горизонте. Больше я не тратил понапрасну время, выстраивая диаграммы. Уилл направил корабль вдоль линии движения одной из групп, прямо к Краю, к Волшебной Стороне. Яркость усиливалась, становилась адски интенсивной, и я уже стал опасаться, что вот-вот закрытое планетой Солнце высунет невыносимо яркий и жаркий кончик из-за Края.

Точка на Краю, к которой направлялся наш корабль, превратилась в огромный, устремленный в небо фонтан огня, обрамленного

облаками дыма. Подлетев ближе, я взглянул через фотоусилитель и внезапно все понял.

— Вулкан! Это вулкан, о котором упоминала в своем сообщении Эдит Дюпре!

Да, это действительно был вулкан, не планета, а огнедышащая гора. И на крутых склонах этой кипящей горы мы увидели три группки баймеров.

На склоне вулкана, на стороне, противоположной той, в которой шло извержение, сотни баймеров, привязав к спинам свое имущество, пробирались внутрь ужасной горы. *Внутрь вулкана!*

Уилл повел корабль обратно от ослепительного Края, а я дрожащими пальцами чертил на карте линии, отмечая кочевые пути племен баймеров. Все они сходились и заканчивались на вулкане.

— Посмотри-ка на это, — хрипло сказал я Уиллу. — Что это тебе напоминает?

Он помигал.

— Линии магнитного поля?

— Ты совершенно прав, — кивнул я. — Магнитное поле! Вулкан находится на северном магнитном полюсе. И все племена баймеров направляются к нему по *магнитным силовым линиям!*

III

ВУЛКАН БУРНО извергался. Я попросил Уилла посадить корабль на выступ склона горы, возле того места, где баймеры неуклонно вливались внутрь. У Уилла блестели на глазах слезы.

— Ты все равно ничего не можешь сделать для них, — прошептал он. — И ничего не можешь сделать для Эдит Дюпре. Да ты права не имеешь жертвовать нашими жизнями ради этого!

Руки его дрожали, но корабль опустился почти без толчка и задрожал на выступе чуть выше огромной зияющей дыры, ведущей внутрь Вулкана.

Я рассматривал гору вулкан через иллюминатор. У нее было два отделенных друг от друга кратера. Лаву какими-то судорожными, рываговыми движениями извергал дальний. Огонь, дым, пепел столбами летели ввысь, соревнуясь с полотнищами света и прочими эффектами Солнца, царящего за Краем на другом полушарии планеты. Я немного подумал и понял, что нужно сделать.

Я бросил Уиллу костюм и заставил надеть его, в то время как натягивал на себя такой же. Затем мы покинули корабль, после чего я раздвинул Лестницу Иакова, закрепленную снаружи корабля, и мы полезли по ней в кратер. Мы поднимались вдоль стены и добрались, наконец, до извилистого уступа, огибающего кратер и нисходящего внутрь него. Этим путем шли внутрь баймеры. Пепел и искры дождем проливались на нас.

— Ты... ты хочешь, чтобы я последовал за тобой туда, вниз? — спросил Уилл, показывая внутрь кратера дрожащей рукой.

— Да нет, Уилл, — усмехнулся я. — Если хочешь, то оставайся, только не спи здесь. Я спущусь и одолею его сам. Пока, пока. Я еще вернусь.

Я полез по Лестнице Иакова вниз, добрался до кромки кратера, а через минуту уже протискивался мимо флегматично плетущихся баймеров со странно-тупыми лицами. Когда я был уже в самой гуще кочевников, меня догнал, задыхаясь, Уилл. Он бросил на меня укоризненный взгляд, а я похлопал его по плечу.

Как я и подозревал, миграция внутрь вулкана всегда происходила при наступлении Шестой Яркости. Мы с Уиллом бодро шагали вниз и вскоре опередили других баймеров. Единственное освещение теперь нам давали огоньки статического электричества, вспыхивающие на острых углах вулканических пород.

Дорога, по которой мы шли, была ровная и выглядела так, словно ее высекли в лаве какими-то инструментами.

Внезапно она расширилась, под ногами захрустел сланец, и эти звуки отражала зияющая перед нами темнота. Вся планета, казалось, содрогалась время от времени.

Уилл шел позади меня, почти вплотную.

— Этот кратер, по-моему, тоже собирается начать извергаться, — пробормотал он.

Я с тревогой понюхал воздух. Резко пахло серой, словно сернистый газ, пузырящийся внутри планеты, вскоре прорвется сюда вместе с огнем. Далеко наверху слышалось гулкое эхо топота ног многочисленных баймеров. Я вдруг снова припомнил слова Уилла о Сондате — что Сондат управляет нами. И одновременно с этими воспоминаниями в голове возникла отчетливая, чужая мысль: *Идите вперед! В Шестую Яркость!* Я тут же подумал о том, что, когда Уилл разбудил меня, то мое сознание во время беспамятства могло заблокировать эту коварную команду. Но что она значила? Для чего я был нужен здесь, в период Шестой Яркости, далеко опередивший Оро Таркида и его баймеров? Я был в кратере, повинуюсь команде, отданной мне за много часов до этого!

Дрожь пробежала у меня по спине, я на мгновение остановился, пытаюсь собраться с мыслями. Мы должны вернуться. Я, Сидни Холлмейер, должен признать, что выполняю команды, отданные мне телепатически чужим разумом. Я забыл о баймерах и Эдит Дюпре... Я пошел... Я хотел доказать...

Да ничегошеньки я не хотел!

И в этот момент до меня донесся из кратера снизу пронзительный гневный крик.

— Назад, вы, адские гадины! Назад, иначе я брошусь в кратер, прежде чем буду!..

ОТВЕТОМ ЭТОМУ крику были какие-то дрожащие слова, нечленораздельные, отозвавшиеся многократным эхо, заставившие нас развернуться на широкой тропе. В мерцающем сумраке, в де-

сятке шагов ниже нас, на самом краю пропасти боролись три неясные фигуры. А снизу к ним бежали еще две, размахивая оружием.

— Вперед, Уилл! — закричал я и бросился вниз, не обращая внимания на то, что могу запнуться и рухнуть в жуткую пропасть.

Я добежал до дерущихся и оторвал одну из фигур. Пару мгновений мне пришлось бороться с тигрицей, оглашающей воздух ужасными завываниями, затем я толкнул ее назад, прямо в руки Уиллу и оказался перед нападавшими на нее. Они уже были готовы стрелять, но я сработал локтями, как поршнями, и сбил обоим прицел. Потом нанес одному удар головой, и с диким воем тот полетел в пропасть. Тем временем я схватил руку другого, держащую пистолет. Он выстрелил. Разрывная полупопала в потолок, — слава Богу, не прямо над нашими головами — и отправила полтонны камней обратно в кратер, откуда они в свое время и вышли в виде лавы.

Я бросил своего противника на спину, мельком увидел его искаженное, бородатое лицо, а затем он захрипел ударил меня ногами, и мы оба покатались по краю пропасти, стискивая друг друга в объятиях.

Позади меня ревел Уилл, борясь с моим подарком. Внезапно я остановился, лежа на спине, и увидел налитые кровью глаза Уилла. Девушка, которую он держал, лупила его коленом по животу. Затем Уилл нанес ей хорошую оплеуху, отбросившую подальше от пропасти, и повернулся к несущимся к нам еще двоим.

Я уже думал, что все кончено. В легких хрипело. Шея ужасно болела. Я чувствовал, что вот-вот упаду с края в пропасть. Булькая, я все же сумел дотянуться и схватить противника за пояс. Не знаю, как, но я, по-прежнему лежа на спине, из последних сил поднял свою ношу над собой. Так я держал его, как Геракл Антея, пока его руки не отпустили мою шею. У меня просто не было сил отбросить его. Если бы я это сделал, то не удержался бы и покатился в кратер следом за ним.

Я видел, как девушка зашевелилась, поднялась на четвереньки, обзрев живописную картину, поползла к нам, придерживаясь за стену, а когда доползла, то взмахнула ногой в тяжелом башмаке и ударила моего противника. При этом она разинула рот и душераздирающе завизжала. Противник вырвался у меня из рук и полетел следом за своим компаньоном в недра Вулкана. Уже откуда-то издалека донесся его крик... А я почувствовал, как чьи-то руки оттаскивают меня от опасного края.

Потом Уилл помог мне встать на ноги, и я, наконец, сумел сделать глубокий вдох. Потом осмотрелся. Неподалеку лежал человек, и в горле у него была большая дырка. Я взглянул на Уилла. В каждой руке у моего храброго пилота было по пистолету.

Он тоже задыхался, лицо у него было диким. Немного отдышавшись, он отдал мне один пистолет.

— Теперь мы вооружены, — тяжело дыша и вытирая рот рукавом, сказал Уилл. — Из моих один улетел в пропасть, а другой валяется

мертвый. Ладно. Давай выбираться отсюда. По крайней мере, теперь с нами Эдит Дюпре.

Только теперь я перевел взгляд на девушку. Она стояла, опираясь на стену, дрожала, грудь ее высоко вздымалась. Она смотрела на нас большими серыми глазами с длинными ресницами.

— Вы спасательная экспедиция? — вымолвила она, когда дыхание ее немного успокоилось. — Если да, то, прежде всего, нам лучше убраться отсюда, прежде чем остальные щенки страшного серого волка, очухавшись, не сбежались сюда.

Она откинула назад длинные льняные волосы и, немного повозившись, закрепила их за ушами. Потом отряхнула руки, вытерла свои испачканные брюки и снова отряхнула руки, затем, пошатнувшись, выпрямилась.

Я смотрел на нее во все глаза.

— Послушайте, — сказала она, прищурившись, — я уже видела такой же взгляд, как у вас, когда шесть месяцев назад прилетела сюда. И слышала, что сказал затем доктор Роберто Сондат... полагаю, вы будете выражаться более почтительно... по крайней мере, надеюсь.

— Послушайте, — в тон ей ответил я, — Я смотрю так на вас просто из любопытства. Я не считаю себя крепким орешком, и я слышал о вашей репутации женщины, которая способна держать на расстоянии *любого* мужчину. Я слышал...

— Вы слышали, вы слышали, — передразнила она меня, но сквозь грязь и потоки пота на ее лице пробился слабый румянец.

Она положила руки на бедра, руки, все исцарапанные и покрытые засохшей кровью.

— Я не собираюсь стоять здесь и перебрасываться комплиментами сомнительного содержания, — мрачно сказала она. — И что я должна делать теперь — спасти *вас*?

— Для начала мы спасли вас, — напомнил я ей. — А, кроме того, мы вовсе не спасательная экспедиция. Так что, подозреваю, вам придется спастись самой.

— *Что?*

Я быстренько объяснил ей все. Я сделал это с удовольствием.

— Таким образом, получается, что вы просто случайный фактор, понятно? Когда вы придете в себя, мы спустимся вниз.

Edith

ОДНИМ ВЗГЛЯДОМ я подавил в зародыше возражения и протесты Уилла.

– Видите ли, мисс Дюпре, – сказал я, глядя в ее недоверчивые глаза, – пару дней мы жили с племенем баймеров. Это хорошие, простые люди, и я не хочу увидеть, как доктор Роберто Сондат обманет их... А он их обманывает.

Она выглядела неуверенной, словно нервы, которые она до сих пор держала в узде, начали сдавать.

– С вами произошло то же, что и со мной, – хрипло сказала она. – Я это вижу. Вам в запястье вживили телепатический нерв баймеров, так что теперь вы действуете по воле Сондата.

– А вы как справились с этим? – спросил я.

Она пораженно уставилась на меня.

– Нет! Нет, я не под его контролем. Я сбросила одного из его людей в пропасть... он, *конечно же*, не пожелал бы, чтобы я сделала это...

Я почувствовал облегчение, словно мне дали отсрочку смертного приговора.

– Так что, разве вы сами не видите? – закричал я. – Вы предупредили нас в радиосообщении о телепатическом импульсе. Мы были готовы, поэтому могли бороться с ним. А вы, когда приземлились на планету, ничего об этом не знали...

Она резко сникла.

– Вы правы. Наверное. Но вы не можете полезть в это крысиное гнездо...

– Сондат там? – нетерпеливо спросил я.

Она устало закрыла глаза, а я смотрел на Эдит Дюпре и видел невероятное зрелище, какое никогда не показывали по телевидению.

Она была покрыта грязью, потом и кровью с ног до головы, блузка ее была разорвана, но она все равно была чарующе прекрасна. Эдит Дюпре, которая могла противостоять человеку или драться рядом с ним до последней капли крови, и которая могла справиться с естественными женскими слабостями. Правда, глаза ее были влажные, когда она снова взглянула на меня.

– Кажется, вы действительно собираетесь сделать это, – пробормотала она. – Вы хотите пойти туда и покончить с Сондатом и его людьми... сделать то, что должна была сделать я, – с горечью добавила она. – Но я была там, с Сондатом, который все время лапал меня, животное. Вы хотите, чтобы я вернулась туда? *Я могу* вам помочь.

– Прекрасно...

Уилл Каррист безнадежно посмотрел на нас, затем на свой пистолет, и яростно выругался.

– Тогда идемте, – проворчал он. – Вперед!

Эдит Дюпре шла между нами. Минут десять мы спускались в кратер, затем она взяла инициативу на себя, что-то шепнула и вне-

запно потащила нас за скалу, в большую пещеру, которая внезапно раздвинулась перед нами.

Эта пещера была ничем иным, как естественным пузырем, созданным вулканическими газами во время одного из извержений.

Внезапно раздался какой-то звук, словно вздохнул невероятный гигант, а пол у нас под ногами немного поднялся, но тут же опал. Я схватился за выступающий из стены камень, чтобы сохранить равновесие. Но все тут же закончилось.

— Такое происходит все время, — сказала Эдит Дюпре. — Но у Сондата есть опытный вулканолог, который утверждает, что этот кратер вулкана не склонен к извержениям. Устраивайтесь! Это мой личный пузырь... я сама нашла его. А под нами и вокруг — вообще вся территория утыкана сотнями подобных пузырей. Это и есть империя Сондата. О моем пузыре никто не знает, поэтому я смогла послать радиосообщение.

ОНА ОСТАНОВИЛАСЬ у светящегося выступа скалы, и я увидел путаницу радиоламп и прочего ультраволнового оборудования, соединенного самым безумным образом. Ультрарадиостанция!

— Я сама собрала ее, — небрежно сказала девушка. — Детали перетаскала по одной со склада Сондата, а собрала все здесь. Это мое укрытие. — Она махнула рукой на другие выступы, и мы увидели стопы консервных банок, тарелки и прочую посуду. — Иногда, — продолжала Эдит Дюпре, — мне хочется убежать хоть на время от толпы возбужденных, лапающих меня идиотов. — Она передернула плечами. — Но за мной все время таскались вооруженные парни, так что приходилось идти на всякие уловки, чтобы смыться от них.... А затем, всего лишь час назад, я обнаружила, что из этого пузыря есть естественный проход в кратер. Но там меня увидели четыре головореза Сондата и бросились в погоню за мной. Остальное вы видели. Не думаю, что Сондат уже знает о происшедшем, более чем вероятно, что он еще ничего не знает. Там что идемте дальше.

Она повела нас к противоположной стороне пузыря. Мы с Уиллом неосознанно ступали на цыпочках. Ведь внизу был Сондат!

Да, он *был* внизу. Эдит Дюпре смахнула порошкообразную лаву с пола в углу пузыря, открыв дырку величиной с глаз. Я глянул в нее, и у меня перехватило дыхание. Внизу был другой, гораздо более огромный пузырь, освещенный огоньками статических разрядов. В одной стене пузыря были вырезаны пещеры в форме комнат, и группа баймеров с тусклыми глазами работала там, выравнивая пол и полируя стены. В одной из частично завершенных комнат я увидел массу странного оборудования.

Рядом с ним сидел Сондат. Я отчетливо видел его тонкое, нервно подергивающееся лицо и язык, то и дело облизывающий светлые усики. На висках его были закреплены какие-то электроды. А руки работали с реостатом, явно настраивая какую-то схему.

Несколько человек Сондата находились рядом. Очевидно, они охраняли своего босса с его оборудованием, и одновременно следили за тем, как работают баймеры. Я отметил их странную нервность. Они не стояли на месте, а все время перемещались, странно подпрыгивая, точно птицы. И одну за другой курили сигареты. Их лица подергивались, а все движения были по-птичьи отрывистыми. Они буквально бурлили и извергали энергию точно так же, как вулкан над нами извергал лаву.

Я медленно поднялся и вопросительно взглянул на Эдит Дюпре. Она пожала плечами и невесело улыбнулась.

— Это далеко не все, Сидней Холлмейер... Наверное, я могу называть вас просто Сидни. Есть и другие пузыри, и они полны баймеров-рабов. Видите ли, баймеры являются инструментами Сондата. Сондат понимает, что ничего не вернется на Землю или любую другую обжитую планету. Поэтому он собирается создать здесь, на Вулкане, свою империю. Я думаю, его идея состоит в том, чтобы сделать меня своей королевой... а, может, он станет называть меня как-то по-другому, уж и не знаю. Королева Эдит, — задумчиво протянула она и усмехнулась.

И, кажется, впервые я испытал какие-то чувства к этой странной девушке. Что-то сжало мне горло, а голова слегка закружилась. Должно быть, она заметила что-то в моих глазах. Между нами проскочила какая-то искра, к которой не имели никакого отношения бующие здесь магнитные бури. И когда ее щеки слегка зарделись, я знал, что это не от гнева, а от удовольствия, которое она безуспешно пыталась скрыть.

— Это у него там телепатическая машина, — сказала она, отрывая меня от странных мыслей о волшебной стране, в которой живет Эдит.

— Телепатическая... — начал было я и тут же замолчал.

Конечно же! Ни один человек не может владеть такой силой, чтобы «обратить» посредством гипноза в свою лживую религию тысячи мужчин и женщин. Не может... без помощи техники.

— Так значит, он использовал телепатическую машину и на Земле, — медленно проговорил я.

Эдит небрежно кивнула.

— Ловкий парень этот Роберто Сондат. У Земли, как и у Вулкана, есть магнитное поле. Только у Земли оно гораздо слабее. Люди, находящиеся под влиянием машины Сондата, усиливающей его телепатические и гипнотические способности, могут выполнять любые приказы, вплоть до самоубийства. Сондат же работал рука об руку с профессором Борджем. Бордж тоже здесь. Он и изобрел эту машину.

— А на Вулкане машина, вероятно, работает лучше, — вставил я.

— Разумеется. Сондат знает, что Вулкан рано или поздно будет открыт косморазведчиками, поэтому хочет увести под землю все местное население и заставить их строить свою пузырьковую им-

перью. И сами видите, баймеры не могут этому сопротивляться, и все, сломя голову, бегут к вулкану Сондата. Я знаю баймеров, я жила с ними несколько месяцев до того, как Сондат включил свою дьявольскую машину. Всякий раз, как начиналась Шестая Яркость, они снимались с места и кочевали. Баймеры хороший народ, — закончила она.

До сих пор молчавший Уилл резко повернулся к ней.

— Этот вулкан стоит на северном магнитном полюсе планеты, — сказал он. — А телепатические волны распространяются вдоль магнитных силовых линий.

Эдит улыбнулась ему.

— Все верно, проф. В некотором смысле, баймеры являются живыми магнитными полями. Но не как железные опилки, потому что баймеры передвигаются по телепатическим силовым линиям. А сейчас эти линии ведут их в вулкан!

Я снова взглянул на дырку в полу. Эдит Дюпре разочаровала меня. Ей наверняка приходили в голову мысли выстрелить в эту дырку. Но дырка была слишком мала. Пуля застряла бы в ней, а не попала в Сондата. А после выстрела ее пузырь быстро нашли бы и...

К тому же, мне мешали думать ее слова, которые повергли меня в шок. Император Сондат. Постепенно, с невероятными усилиями, я очистил свою голову от лишних мыслей. Еще во время разговора с Эдит Дюпре я заметил, что нервы ее столь же напряжены, как и у людей Сондата. Она постоянно стискивала и отпускала свои руки. Только силой воли она держалась спокойно. Я ничего не сказал ей. Но она прожила на этой планете шесть месяцев, а нервы...

Ну, мы с Уиллом тоже находились на грани. Не так, конечно, как Эдит, но все же вполне достаточно. А если мы останемся здесь на полгода?.. И тут в голове у меня проскользнула одна мысль. А почему баймеры, постоянно живущие на этой планете, не испытывают такую же нервную историю? Что дает им иммунитет? Нужно это выяснить.

Голос Эдит Дюпре вернул меня к действительности.

— У вас уже есть план действий, Сидни? Мое единственное предложение — мы должны захватить телепатический передатчик. Не считая этого, вы берете инициативу на себя. Если бы я была в здравом рассудке, то не стала бы возвращаться сюда с вами.

— Но ведь вы некоторое время жили с баймерами, — сказал я. — Вы знаете, что они простодушные — и щедрые.

Она криво усмехнулась.

— Ладно, можете считать меня тряпкой и мямлей. Мне все равно. Я пойду с вами. Я покажу вам, как пробраться вниз, к пузырям. Возможно, если я раздобуду по пути пистолет, то пристрелю кого-нибудь из людей Сондата, и мы сможем пробиться к телепатическому передатчику силой. Идемте!

Она пошла первой, а Уилл нервно шагал за мной. Мы пробирались вниз по какой-то узкой, зубастой щели, в которую едва смогли протиснуться. Вспышки статического электричества бросались буквально нам в лица. Наконец, мы оказались внизу, в маленьком пузыре. Девушка шикнула, и мы с Уиллом прижались к стенам. Метрах в пятидесяти впереди три десятка баймеров орудовали при свете факелов лопатами и тачками. Они расчищали пузыри, создавая из них годные для жилья помещения. Я мельком подумал, что инструменты у Сондата оставляют желать лучшего. Если бы у него были все достоинства развитой цивилизации, то требовался бы минимум физической силы. Но здесь, на далекой планете, механические устройства заменяла грубая сила.

Баймеры двигались, как животные, громко шлепая большими ступнями, и на их физиономиях цвета местных грибов не отражалось никакой работы мысли. Чуть поодаль их стерегли двое людей Сондата.

Я шепотом отдал команду Уиллу. Он умоляюще посмотрел на меня, но я повелительно махнул рукой. Мы с Эдит Дюпре разошлись в противоположных направлениях.

Я чувствовал в душе твердую уверенность. Девушке предстояло одержать победу над двумя головорезами, а затем проложить себе путь в следующий пузырь, где располагались покои Сондата. Цель ее была вся на виду.

Может, даже слишком на виду!

Я услышал позади себя какой-то шорох и, стараясь преодолеть панику, хотел резко повернуться. Но нога у меня попала на щебенку и я скатился вниз вместе с полусотней килограммов камней, надевавших достаточно много шума. Я тут же вскочил на ноги, но противник налетел на меня и ударом в лицо отправил меня еще ниже, на самое дно пузыря, покрытое щебенкой. Я хотел подняться, но надо мной пролетела рука с пистолетом, рукоятка пистолета ударила меня по голове и Вселенная погасла у меня в глазах, даже не сверкнув звездочками...

Я ОЧНУЛСЯ. Сел. Затем вскочил на ноги и бессмысленно пошел вдоль стены квадратного помещения, придерживаясь за нее, чтобы не терять равновесие. Потом ноги подкосились, и я со стоном опустился на каменный пол, повернулся и увидел Уилла. Он лежал на полу, и голова у него была в засохшей крови. Я пополз к нему, хрипло выкрикивая его имя. Я боялся, что он мертв. Несколько минут он и лежал как мертвый, но затем застонал, зашевелился, открыл глаза и увидел меня.

— Мы у них в плену, — прохрипел я и махнул рукой на решетку, встроенную в лавовую стену. — Мы пленники Сондата. И Бог знает, что произошло с девушкой.

Уилл с трудом поднялся и, весь дрожа, прошелся по комнатке с каменными стенами, как до него сделал я. Затем молча сел, уста-

вившись тусклыми глазами в стену. Он ничего не говорил, но я чувствовал, что он во всем винит меня, и не знал, что сказать на его безмолвные обвинения. Он был прав. Мы просто идиоты, раз думали, что умнее Сондата. Вероятно, он все это время знал, что мы делали... как и говорил Уилл. Еще пара марионеток на ниточках в руках Сондата.

Я обессиленно уснул... и проснулся от яростных воплей. Кто-то, подняв меня на ноги, ревел мне прямо в лицо и бил по щекам. Я вырвался, но стражник Сондата тут же направил на меня пистолет.

— Эй, вы оба! — орал он, и отблески света играли на его мутных глазах. — Док хочет видеть вас. Шевелитесь!

Пинками он отправил нас через открытую дверь решетки. Мы пошли, шатаясь, минув пузырь за пузырем, по коротким туннелям — два оборванца, грязных, покрытых коркой засохшей крови. А голворез позади нас все время выкрикивал всякие эпитеты и оскорбительные сравнения. Время от времени он пинал нас в качестве развлечения, сбивая с ног.

Мы проходили мимо групп рабочих-баймеров. Их охранники тоже не упускали случая ударить или пнуть нас. Они ржали, как лошади, и окружающие стены отзывались многократным эхом.

Они невротики, повторял я себе. Просто нервноболезные, раздраженные скоты. На них действуют бушующие на планете чудовищные магнитные бури. Вот они и пользуются любой возможностью, чтобы сбросить излишки нервного напряжения. Проявлением этого является их скотское обращение с нами.

И ничего не изменилось, когда мы предстали, наконец, пред лицом доктора Роберто Сондата. Открылась дверь из красного дерева, и сияние статического электричества осветило, должно быть, недешевую обстановку, напоминающую кабинет в современном столичном городе. Сондат, очевидно, сделал все возможное, чтобы изолировать этот кабинет от магнитных бурь. Но успеха так и не добился.

Он вскочил на ноги, когда мы остановились перед его столом с пластигласовой крышкой. В руках у него был длинный мундштук с зажатой сигаретой, от которой поднимался дымок.

— А, космонавты! — закричал он пронзительным голосом. — Так-так!.. И что вы хотели сделать? Уничтожить моих людей? Убить их всех? Как вы попали в тот пузырь? Прокрались с толпой рабов? Нет, это невозможно. Я требую, ответа!..

— Да не знаю я, — спокойно ответил я. — Я ничего не помню. Мы были с баймерами. Потом почему-то оказались одни. Заблудились. Я даже не знаю, откуда у нас появились пистолеты. Все это походит на сон. Ничего не понимаю...

Уилл хранил на лице глупое выражение, но по его дыханию я слышал, что он разгадал природу моего блефа. Я пытался что-нибудь узнать от них, ничего не рассказывая о себе. Но вот вопрос — сколько они вообще знают?

– Я... я не понимаю, что происходит, – продолжал бормотать я.
– С тех пор, как...

Сондат взвинченно прошелся – почти пробежался – взад-вперед перед нами.

– Вы лжете! – заорал он, ударил меня по лицу, тут же отскочил, не спуская с меня глаз, бросил сигарету на пол и раздавил ее каблуком. – Вы должны сказать мне, что происходит. Я заставлю вас работать в десять раз больше любого баймера, если не будете говорить мне правду. Мне даже не нужно будет вас пытаться. Я вас загипнотизирую и...

– О, Боже, док, – раздался позади нас чей-то голос. – Да в таком нервном состоянии вы и блоху не загипнотизируете.

Я даже не дрогнул, чтобы не дать ни малейшего повода заподозрить, что я узнал этот голос.

– **КАКОЕ ПРАВО** ты имеешь входить в мой кабинет без разрешения, Эдит! – заорал Сондат. – Почему ты прерываешь меня? Ты же знаешь, что не смеешь меня отрывать... К тому же, я отправил своих людей на Венеру за новым лекарством от нервом. Вот привезут его, и все проблемы будут решены.

– Чушь собачья! Вы уже пробовали это лекарство. Вы не вылечите ни себя, ни меня – вообще никого даже за миллион лет, если мы не уберемся с этой планеты.

Эдит Дюпре оказалась в поле нашего зрения, прошла по кабинету и растянулась в мягком кресле, скрестив свои длинные ноги. Она была видением чистой красоты – грязь и засохшая кровь куда-то исчезли, волосы аккуратно заколоты сзади, на лицо наложена косметика. Холодные, с длинными ресницами глаза без всякого интереса скользнули по мне и Уиллу.

– Стоит ли расходовать вашу нервную энергию на этих тупиц? – продолжала она. – Они выглядят такими же глупыми, как баймеры. Что бы они ни сделали, они находились все время под вашим контролем.

– Вот это и непонятно! – продолжал бушевать Сондат.

Дрожащими руками он зажег сигарету. Бешено швырнул на пол сгоревшую спичку. И в этот момент комната затряслась и на миг расплылась перед глазами. Сондат ухватился за стол. Мы с Уиллом старались остаться на ногах. К счастью, землетрясение было небольшим.

Человек, сидевший в гостевом кресле, вскочил, когда это произошло, его толстое лицо побледнело.

Сондат повернулся к нему, весь кипя.

– Болван! Ты же заверял меня, что бояться нечего!

Темные глаза вулканолога сверкнули на Сондату с неожиданной ненавистью, но выражение его лица не изменилось.

– Бояться по-прежнему нечего, – спокойно сказал он и опустился обратно в кресло. – Двойной вулкан – редкое явление в любом мире.

Я уже объяснял это раньше. Мы прозондировали этот кратер на много километров вглубь. Сейсмографические исследования окончательно показали, что этот кратер никогда не будет извергаться. Он мертв. Вам нечего опасаться.

Сондат вскинул руки и вцепился себе в волосы.

— Нечего опасаться? — заорал он. — В то время, как земля скачет у нас под ногами?

Вулканолог не сводил пристального взгляда с Сондата.

— Умеренные подземные толчки возникают во втором кратере. Этим пузырям уже сотни тысяч лет. Я выстроил диаграмму их обвалов за этот период. Они были незначительные. Это не планета трескается, доктор Сондат, а ваши нервы.

Сондат затрясся, но взгляд вулканолога его уgomонил. Он опустился в свое кресло позади стола, поставил локти на полированную столешницу и опустил на нее лоб.

— Вы правы, — сказал он внезапно спокойно. — Нам нужно как можно быстрее найти лекарство от нервов. — Он говорил, не поднимая головы. — Охрана, отведите этих космонавтов к баймерам. Проследите, чтобы они там поели и поспали. А потом пусть работают вместе с баймерами. Убирайтесь!

Мы с Уиллом вышли из кабинета, причем краешком глаза я увидел, как Эдит Дюпре прикуривает сигарету, полуприкрыв глаза, причем делает так, что это больше похоже на подмигивание. Затем она небрежно стряхнула пепел на ковер.

Как мы узнали позже, причудливый кабинет доктора Роберто Сондата был последним проблеском роскоши, которую мы увидели за последующий месяц. Мы занимались физически тяжелой, монотонной работой. Как животные. Мы и оступели, как животные. Мы так уставали, что, когда наступал период сна, наши лица были такими же тупыми, как и у окружающих баймеров. Вместе с ними мы плелись в огромный пузырь, в котором размещались тысячи поработанных баймеров и буквально падали на лежанки, погружаясь в тяжелый, без сновидений, сон. Мне было ужасно жаль Уилла Карриста. Он был прав во всем. Я не имел никакого права втягивать его во все это. И пока тянулись ужасные, пустые, монотонные дни, во мне крепла уверенность, что мы так и умрем здесь рабами Сондата, под поверхностью планеты, само существование которой, по мнению ученых, являлось мифом. Француз в первой половине девятнадцатого века сообщил о наблюдении транс-меркурианской планеты, промелькнувшей на фоне Солнца. Более поздние исследователи ничего не обнаружили и пришли к заключению, что мелькнувшей точкой могло быть очередное солнечное пятно. Могло пройти еще много лет до того, как люди вновь откроют Вулкан.

МЫ ТРУДИЛИСЬ, как лошади. Сондат был занят преобразованием гигантской, сложной сети пещер-пузырей в подземный город. Сначала выравнивали и очищали пол пузырей. Мы вкалывали по

четырнадцать часов в день, перевоза на ручных тележках камни и лавовую крошку из одного пузыря в другой. Сила тяжести на Вулкане едва ли достигала четверти земной, но все же работа была изнуряющая.

Время от времени нам удавалось увидеть законченные помещения. Очевидно, люди Сондата совершали постоянные полеты на другие планеты и привозили оттуда инструменты, продовольствие, сантехнику, кондиционеры и все такое прочее. Законченные комнаты были уже оборудованы, стояла мебель, висели зеркала. Работали кухни, расположенные в центре. Тепло для них перекачивалось из второй половины этого двойного вулкана.

— Но все это не для баймеров, — сказал мне вполголоса Уилл, когда, задыхаясь, тащился позади со своей тележкой. — Они как были, так и останутся рабами. Сондат соберет здесь преступников со всех концов Солнечной системы. Это и будет население города.

Мне уже приходили в голову подобные мысли. «Империя» Сондата выстраивалась, как пиратской государство, члены которого станут грабить и разрушать торговые корабли и одинокие заставы.

Время от времени происходили незначительные землетрясения. Иногда даже достаточно мощные, издающие грозовой гул. Но пузыри оставались невредимыми, как простояли уже сотни тысяч лет. И я был уверен, что простоят они хоть миллион...

Первые три недели наших мучений прошли без инцидентов. А на четвертую? Ну, на четвертую неделю, поскольку мы были людьми и могли проявлять инициативу, в отличие от баймеров, нам выдали специальные факелы. Внешне они мало чем отличались от обычных кислородных факелов, но испускали невидимые лучи, бомбардирующие лаву крошечными частичками, чисто обрезая торчащие выступы. Работая под наблюдением охраны, мы обрабатывали углы комнат. Утомительная работа, но все же лучше, чем таскать тачки.

На этой неделе для нас произошли и другие перемены. Оро Таркид! Я уже устроился на ночь, когда увидел гигантскую фигуру, появившуюся в пузыре, вмещавшему тысячи баймеров. Она показалась мне знакомой. Я тихонько подошел к нему и подтолкнул так, что он опустил свою громадную голову и увидел меня.

— Оро Таркид! — зашептал я. — Это я, Сидни Холлмейер! Ты же не забыл меня...

Неужели он все забыл? Я почувствовал укол жалости к нему и жгучую ненависть к Сондату, бесчеловечная машина которого держала в телепатическом рабстве Оро и тысячи других баймеров. Но я продолжал звать его по имени, пытаюсь пробиться сквозь его жуткий транс. И глаза его замигали.

— Я... помню, — медленно проговорил он. — Мой великий друг Сидни.

— У нас обоих большие проблемы, — зашептал я. — Вспомни, Оро Таркид, вспомни все, потому что грядет время, когда твой народ должен освободиться.

— У нас большие проблемы, — тупо повторил он. — Мы зачем-то ушли с наших земель. Я... я не понимаю...

В десятке шагах впереди появился охранник, сверля нас нервным, беспощадным взглядом.

Я торопливо шепнул Оро Таркиду:

— Мы будем бороться с ужасным злом, одолевшим нас, Оро Таркид! Запомни мои слова! Будь наготове! Будь наготове! Не забывай меня!

Я опустил голову, когда мы подошли к раздаче еды. Взял миску безвкусного супа, хлеб и поел без всякого удовольствия. Затем вернулся в угол пузыря, где спали мы с Уиллом, и взволнованно рассказал шепотом Уиллу о встрече с вождем баймеров.

Уилл сидел, согнув колени и положив на них голову. Когда я закончил рассказ, он посмотрел на меня какими-то больными глазами, затем дернул плечом.

— Это все бесполезно, — пробормотал он.

— Ты что, уже сдался? — спросил я.

ОН РЕЗКО повернулся ко мне и заговорил неистово, хотя и по-прежнему шепотом:

— Сдался? Сид, ты что, окончательно спятил? Ты не понимаешь, что мы уже мертвы? Мы не сможем долго так выдержать. Еще месяца три — и мы умрем. Некоторые баймеры уже умерли от голода и переутомления. Я слышал, как охранники говорили об этом — эти сумасшедшие психи с манией убийства! Сид, — шептал он, задыхаясь, — я не собираюсь оставаться здесь. Я хочу убежать, и убегу, даже если ты не пойдешь со мной. Это по твоей вине...

— Тише! — рявкнул я и сам испугался, услышав, что голос мой нервно дрожит так же, как и его. — Тебе все равно не удастся сбежать, — добавил я сквозь зубы.

— Не удастся? — Он злобно рассмеялся. — Каждый день мы проходим мимо трещины, ведущей в пузырь девушки. Я могу юркнуть туда, и никто не заметит. Потом я поднимусь из кратера...

— Пробираясь через толпу баймеров, идущих вниз? Это ты называешь незаметным?

— Нет, — настаивал он. — Шестая Яркость уже миновала. Можешь сам просить у баймеров. Они мигрируют только во время Шестой и Седьмой Яркости, во время самых больших магнитных бурь. Когда Вулкан подходит ближе всего к Солнцу.

Я понял, что он прав. Сейчас была только Третья Яркость. Вулкан находился в четыре-пять миллионов километров от Солнца. Но летел все ближе и ближе. Эдит Дюпре дала нам подсказку в своем ультраволновом сообщении. Она, хоть и обрывочно, рассказала об орбите. Год планеты составлял где-то семь-восемь дней. В ближайшей точке орбиты, в трех миллионах километров от Солнца, магнитное поле планеты становилось таким интенсивным, что силовые магнитные линии могли переносить телепатические волны,

генерируемые машиной Сондата, переносить точно так же, как электроток бежит по медным проводам. И эти силовые линии заставляли при Шестой и Седьмой Яркости мигрировать баймеров.

Все это мы уже знали.

В течение долгой секунды я смотрел в глаза Уилла, и он смотрел на меня в ответ.

— Ты снова распустил нервы, — жестко сказал я.

— Распустил нервы? — Он снова издал противный, скрежещущий смехок. — А как с этим дела у тебя? А у всех нас здесь? Даже у баймеров? Посмотри на них. Они не могут спать. Они дергаются, что-то бормочут. Они встают и бесцельно слоняются, пока охрана не смотрит. Ты наблюдал за баймерами, с которыми мы работали сегодня? У них словно муравьи под кожей бегали. Лица постоянно подергиваются. Да, они все находятся под телепатическим контролем здесь, где машина может работать в полную силу, независимо от магнитных токов. Но машина не может помешать этим токам играть на нервах адскую музыку. Вон даже Сондат не может найти лекарство, которое успокоило бы нервы у него и его людей! — Он застонал, отвернулся и приглушенно добавил: — Рано или поздно здесь все сойдут с ума.

Я ничего не ответил. Я был ошеломлен тем, что Уилл собирается оставить меня и бежать в одиночку. Это означало, что Уилл больше не был Уиллом. Он стал кем-то другим, каким-то меланхоличным и одновременно нервным типом. Возможно, он скоро забудет меня, забудет все и сбежит. Я закусил губу, потому что эта боль была лучше душевной. Уилл бросит меня...

Я не мог уснуть. Я наблюдал за тысячами баймеров, толпящихся вокруг. Они притащили на себе все свои пожитки. Я видел их тенты с кровлей из древесной коры, большие металлические горшки и прочую посуду, валявшиеся вокруг музыкальные инструменты, к которым никто не прикасался. Некоторые баймеры, вероятно, были новичками, прибывшими недавно, как Оро Таркид и его племя. Наверное, им понадобилось три миграции, чтобы добраться до вулкана. Три недели. Я видел, как новички спокойно засыпали. В то время, как те, кто прожил здесь недели и месяцы, уснуть не могли — слишком взбудоражены были их нервы. *Но почему?*

ЭТА МЫСЛЬ не давала мне покоя.

Почему баймеры, остававшиеся на поверхности планеты, не проявляли никаких признаков нервного расстройства. Что давало им иммунитет? Оро Таркид говорил что-то об этом, что-то о структуре их нервной системы, адаптирующейся к этой планете. Но они же по-прежнему на планете, и нервная система у них все та же.

Была какая-то грань в их повседневной жизни, может, пища, может, ритуалы, унаследованные от предков, что делало их неуязвимыми от ужасных нервных расстройств, так беспощадно обрушив-

шихся на Сондата и его команду, а также на Эдит Дюпре, Уилла и меня самого... Но чего не хватало здесь?

Я почти додумался до ответа! Он ворочался где-то в подсознании, и я понимал, что огромное значение имеет, сумею ли я вытащить его на поверхность. Я почти ухватил его за хвост, но никак не мог облечь в материальную форму. Это все равно, что вы пытаетесь припомнить какое-то имя и не можете, пока не перестаете думать о нем. Наконец, я постарался выкинуть из головы все мысли и лег спать на теплом, лавовом полу. Уснул я мгновенно.

Миновали еще два периода работы. На третий, впервые с тех пор, как я начал влачить рабское существование, я увидел Эдит Дюпре. Она шла, легко ступая по гладкому, уже очищенному полу пузыря, где работал я, вместе с Сондатом, крупным, неповоротливым человеком – я предположил, что это и есть Бурже, ученый, – и несколькими крысами из охраны. Мне захотелось провалиться сквозь пол, потому что я был оборванным, грязным существом с ввалившимися глазами. Казалось богохульством даже глядеть на Эдит, и я опустил глаза в пол. Она была очаровательной, редким цветком в отвратительном окружении.

Ее холодный, пристальный взгляд небрежно пробежал по мне.

Сондат о чем-то горячо спорил с Бурже, а охранники прошли вперед, расчищая дорогу, поэтому никто не заметил, как она, энергично покачивая руками, выпустила из пальцев маленький белый квадратик, упавший прямо к моим ногам. Не переставая помахивать руками, она тут же прошла по туннелю в другой пузырь.

Я поставил ноги на белый квадратик и энергичнее заработал своим факелом-резаком. При первой же возможности я наклонился, поднял квадратик и сунул его в карман. Я не знал, что это такое, пока не наступил очередной период сна. Только тогда я достал из кармана найденное. Это был листок бумаги, сложенный во много раз, пока из него не получился трехсантиметровый квадрат, и туго обернутый резинкой. Я лихорадочно расстелил его на полу, прикрывая своим телом от нервного охранника.

Уилл устало следил за мной.

– Это записка от Эдит Дюпре, – шепнул я ему и прочитал:

«Сидни, вулкан готовится к извержению. В любую минуту, может, сейчас, а, может, через неделю. Это точные сведения. Мне рассказал об этом вулканолог Чемберлен. Он всегда имел зуб на Сондата, поэтому кормит его неверными сведениями. Чемберлен хочет, чтобы я сбежала с ним в более спокойный район, обещает лелеять меня. Я отказалась, но обещала ему ничего не говорить Сондату. Чемберлен ненадежный какой-то. Может, я не права, но я хочу остаться здесь и помочь вам с баймерами. Вы же тоже не хотите убежать и бросить их в беде? Если так, то на обратной стороне записки инструкция по управлению телепатическим передатчиком. Если вы сумеете захватить его, то половина ваших проблем будет решена.

На другой половине двойного вулкана происходит что-то нехорошее, что-то такое, чего Чемберлен не предвидел. Оба кратера разделяет относительно тонкая перегородка. И теперь на ней появляются трещины. Трещины становятся все больше. Если не сейчас, то на следующей неделе перегородку прорвет — и тогда конец пузырям. Конец вообще всему. Так что, не пора ли баймерам снова начать играть музыку? Я, со своей стороны, сделаю все, что могу, чтобы помочь вам.

Эдит».

Когда я заканчивал чтение, голос у меня совершенно охрип.

Я чувствовал, что Уилл глядит на меня во все глаза.

— Ну, что? — сказал он. — Ты ей веришь?

Я перевернул листок, но набросанная Эдит Дюпре схема расплылась у меня перед глазами. Я долго молчал, наконец, заговорил, не глядя на Уилла.

— Уилл, можешь делать то, что хочешь. Ты знаешь положение вещей. В любую минуту из второго кратера могут прорваться сюда огонь и раскаленная лава. Я не стану удерживать тебя, если ты не захочешь рисковать. Но я сам... Ну, я собираюсь остаться. У меня появилась — по крайней мере, мне так кажется, — идея... вот прямо сейчас она собирается прорваться в сознание.

— Прямо как извержение вулкана, — сказал Уилл с сарказмом в голосе, затем он не выдержал: — Сид... — умоляюще протянул он, но голос его сорвался, и он не смог продолжать.

Он весь дрожал. Он испугался до смерти, и я понимал, что больше всего ему хочется вскочить и убежать. Убежать куда угодно, лишь бы подальше от надвигающейся угрозы, которая моет ворваться к нам в любую минуту.

И я чувствовал себя не лучше. Но я держался за соломинку, держащую меня на плаву, и надеялся, что доберусь до берега. Эдит, Уилл и я... мы могли, наверное, проникнуть к телепатическому передатчику через пузырь Эдит, сломать его и сбежать прежде, чем в этот кратер хлынет раскаленная лава.

Но глубоко во мне шептал голосок совести, что тогда бы мы бросили баймеров на произвол судьбы... слабый такой голосок, но упорный.

Sydney Hallmeyer

Все, что я мог сейчас сделать, так это заставить себя выучить схему управления телепатическим передатчиком. И я учил ее, пока в глазах не потемнело. Выучил назубок все кнопки, тумблеры и рычажки, которыми управлялись реостаты. И я уже знал, что скажу в микрофон этого передатчика.

Затем я порвал бумажку, закопал обрывки пол лавовую крошку и попытался уснуть. Но спать я не мог, как не мог спать Уилл, а также тысячи беспокойно толкущихся вокруг баймеров. Я пытался поймать за хвостик одну мысль... мыслишку, на которую натолкнула меня записка Эдит Дюпре. И внезапно она пришла, с такой ослепительной ясностью, что я даже вскочил на ноги и разинул рот в беззвучном крике.

Не пора ли баймерам снова начать играть музыку ...

И теперь слово завеса слетела с моего сознания.

— **ТАРКИД! — ОТЧАЯННО** прошептал я.

Это было уже на следующий «день». Работа закончилась. Мы поели и готовы были лечь спать. Я пробирался среди бесцельно слоняющихся баймеров, молясь, чтобы меня не заметили охранники. До кучковавшегося вместе племя Таркида я добрался без происшествий. Они не разбрелись по сторонам, а словно инстинктивно толпились возле своего вождя.

От прежнего их привычного, приподнятого настроения и искреннего веселья не осталось и следа. Когда мы с Уиллом два дня жили вместе с ними, вулканыты каждый «вечер» играли свою примитивную, успокаивающую музыку.

— Оро Таркид! — закричал я и прорвался, наконец, к нему, стоящему в окружении своих ближайших сподвижников.

Я схватил его гигантскую руку и тряс ее, пока в его глазах не забрезжил пробуждаемый свет разума.

— Мой великий друг, — медленно проговорил он. — Это хорошо. Побудь с нами. Мы все в большой беде.

Я снова затряс его руку.

— Нет! — закричал я, хотя и опасался привлечь внимание охранников. — Оро Таркид! Ты и все твоё племя стали рабами злого существа. Ты должен начать думать. Вы все должны начать думать самостоятельно и разорвать чары, держащие вас здесь. Сейчас! Время настало! Надвигаются большие перемены. Мы все, должны бороться. Оро Таркид, не молчи! Скажи же свое слово! Скажи, что разум твой борется — и что ты стремишься освободить его от оков!

По толпе собравшихся вокруг членов племени Таркида пронесся жуткий стон.

— Говори! — дико вскричал я.

Словно какое-то могучее существо, долго пребывавшее под землей, раздвигало вековые завалы, чтобы вырваться наружу, так и разум Оро Таркида стремился прорваться ко мне.

— Я сделаю, как ты говоришь, мой великий друг Сид, — пробормотал он. — Если Время настало, то пусть будет так. Направляй же меня.

— А теперь прикажи, — сказал я, — чтобы твои танцоры начали свой танец. Прикажи музыкантам играть. Пусть звучит музыка!

— Да будет так! — взревел Таркид. — Танцоры — танцуйте! Музыканты, берите свои инструменты. Играйте музыку, которую завещали вам предки!

Оро Таркид распрямился во весь свой огромный рост. Лицо его вспыхнуло странным светом. Его приказам племя повиновалось, как единый человек. Все раздвинулись в стороны, дав пространство танцорам, которые вышли из толпы, уныло опустив плечи и свесив руки. Девять музыкантов тем временем подобрали валявшиеся на земле инструменты, сели, скрестив ноги, и застывшими, непонимающими глазами уставились на свои инструменты.

— А теперь пусть заиграет музыка, Оро Таркид! — умоляюще прошептал я.

— *Играйте!* — прогремел повелительный голос Таркида.

В нем вновь послышались железные нотки.

Наступила тишина, затем в воздухе пронеслась одна дрожащая нота. Она потрясла меня до глубины души, так же, как и каждого находившегося в пещере баймера. Не успел этот звук затихнуть, как его поддержала другая волшебная струна — словно в пещере одновременно разбились хрустальные кубки.

Танцоры шевельнулись, словно оживая, и воздели руки вверх.

Потом разом топнули ногами, и топот их встряхнул всю землю. Гигантские пальцы ударили по барабанам, и дробь его словно проделала дырки в окружающем планету эфире. Присоединились еще четыре музыканта, и тяжелые раскаты музыки разнеслись под сводами пузыря. Пара секунд, и девять музыкантов заиграли с таким неожиданным рвением, что планета Вулкан заколебалась на своей орбите. Темп ускорялся, и вот уже вся Солнечная система завертелась быстрее. Два барабана начали соперничать друг с другом, и Вселенная превратилась в сплошную круговерть звезд. Музыка насмеялась над такими мелочами, как жизнь и смерть, начало и конец, добро и зло, добродетели и пороки. Музыка преобладала над ВСЕМ!

И тут встрепенулись танцоры. Они танцевали, сначала медленно, но затем все быстрее. И в душах окружающих словно зазвучали хрустальные колокольчики.

— Играйте! — закричали гиганты из племени Оро Таркида. — Танцуйте!

ПЕЩЕРА СЛОВНО очнулась. Все пришло в движение. Могучие волны тел присоединялись к всеобщему племенному ритуалу.

— *Играйте!* — ревели уже тысячи могучих голосов баймеров.

Я стоял возле Оро Таркида. Я видел, как жизнь возвращается в его раскрасневшееся лицо. Видел, как тупость, словно чистой водой, смывается глаз его людей. Все вокруг потрясали воздетыми вверх руками, умоляя богов, которых не знали земляне. Я повернулся и, с колотящимся сердцем, стал пробиваться через толпу туда, где стоял, разинув рот, Уилл, и широкая грудь его поднималась и опадала так, словно он задыхался.

Он судорожно вцепился рукой мне в плечо.

— Сид! — простонал он. — Они играют. Эта музыка!.. Она что-то делает со всеми. Они... они взбунтовались!

— Нет, — быстро ответил я. — Это не бунт. Они не могут бунтовать, пока находятся под контролем телепатической машины. Они просто слушают музыку. Они не могут не слушать ее. И музыка заставляет их вспомнить, что она является частью их жизни. Необходимой частью. Они сейчас проходят этап Возрождения.

Да, жизнь возрождалась. Весь гигантский пузырь наполнился движением. Тысячи баймеров топали так, что с потолка пузыря летели мелкие камешки. Они отдались всей душой этому ритму. Они сгрудились как можно теснее, и время от времени, когда музыкальные инструменты делали паузу, кричали мощными голосами:

— *Играйте! Танцуйте!*

Могла ли остановить их охрана? Я огляделся. Охранников было человек пятнадцать у входов в гигантский пузырь. Сначала они перестали ходить взад-вперед и замерли, держа пистолеты наготове.

Потом стали переговариваться. Затем группками направились к границе толпы баймеров.

Мы с Уиллом смотрели, как они остановились на почтительном расстоянии от гигантских туземцев. Потом один из охранников прошел еще пару шагов. Я услышал его неуверенный, дрожащий голос:

— Эй, вы, назад! Возвращайтесь по своим местам! Разойтись!

Они не расходились. Я сомневаюсь, что они вообще слышали его. Охранники нервно топтались поодаль от толпы, переговаривались, сердито ругались. Потом в пещеру ворвались еще люди Сондата, осмотрелись, остановились, закурили и стали наблюдать за происходящим, время от времени свистом подбадривая охранников. Охранники рассерженно огрызались.

— Работает, Уилл! — напряженно прошептал я. — Работает?

— Что работает? — не понял он.

— Сейчас увидишь, — пообещал я. — Лед тронулся!

Часа через полтора такого веселья музыка прекратилась, сама собой, а не из-за приказов охраны. Фактически, охранники давно уже сдались. Они вернулись на свои посты у выходов из пузыря, и стояли там, сначала напряженно, потом — расслабленно.

Расслабленно! Это же было и с двумя-тремя десятками людей Сондата, привлеченных шумом. Они прислонились к стенам, курили, молчали и слушали музыку. Облегчение все сильнее просту-

пало на их лицах. Сами охранники уже не расхаживали взад-вперед и не дергались, а просто слушали музыку, слушали так же внимательно, как и любой баймер.

Уилл тоже слушал, сев и положив руки на колени. Музыка кончилась, медленно, так же медленно, как спускающееся за западный горизонт Солнце. Баймеры разошлись по местам, отыскивали свои циновки, легли – и мгновенно уснули.

А через несколько секунд лег и уснул Уилл.

Я же некоторое время еще бодрствовал в странной тишине, охватившей пещеру. В ней не было никакого движения, не считая мерцающих огоньков статического электричества. Охранники стояли неподвижно, как статуи. Люди Сондата ушли к себе. Я почувствовал, как пол подо мной слегка дрогнул, словно намекая на то, что извержение близится. Но на душе у меня был полный покой. Сегодня было много что сделано. Лишь бы извержение не произошло еще хотя бы пару «дней».

С этой мыслью я и уснул.

V

ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ рабочий период я наблюдал за Уиллом Карристом, который старался держаться подальше от меня. Я уверял себя, что ему просто дали другую работу, но в душе чувствовал, что это не так. Когда рабочий период закончился, все тело мое было словно налито свинцом, и я побрел к нашим спальным местам. Но Уилла там не оказалось.

Я вспомнил, что мы проходили мимо трещины, ведущий к тайному пузырю Эдит Дюпре.

Значит, Уилл сбежал. Сбежал и оставил меня одного.

Удар от предательства друга был сильным. Я сел, закрыл руками лицо, и чуть не заплакал. Мне хотелось махнуть на все рукой, все бросить и ни о чем больше не думать. Из этого состояния меня вырвала музыка баймеров.

Да, они начали играть! Сами, без всяких приказов и уговоров.

Я пошел к ним, слушал и смотрел. Этот был точно бальзам, пролитый на мои обнаженные нервы. А когда после гроыхающих аккордов настала пауза, я услышал крики людей.

В пузыре появились люди Сондата. Их было больше, чем в прошлую ночь. Они столпились у главного входа, прислонились к стенам и замерли. Они пришли сюда, привлеченные музыкой!

Охранники ничего не сказали. Они стояли неподвижно, но поглощали каждую ноту, каждую вибрацию, доходившую даже не через барабанные перепонки, а по костям, плоти и нервам.

Я молча стоял, зная, что, в итоге, случится.

И случился Сондат.

Он ворвался в пузырь из главного входа и остановился. Его глаза буквально метали молнии. Он разинул рот, и я подумал, что сейчас

услышу его визгливые вопли. Но нет, он просто подозревал капитана охранников и что-то принялся ему втолковывать, безумно размахивая руками. Капитан возвышался над ним с потемневшим лицом, потом заорал в ответ.

Тяжело дыша, снова заговорил Сондат, взволнованно, угрожающе. Он принялся бегать взад-вперед, крича на охранников. Те молча сносили его оскорбления.

Но никто не шевельнулся, чтобы прекратить музыку баймеров.

Сондат оставил их в покое, но не перестал бесцельно бегать, что-то бормоча, затем подошел к своим людям. Я мог лишь предположить, что он уговаривает их разойтись по своим квартирам. Он разглагольствовал, ругался, но его слушали вполуха. Все больше прислушивались к музыке баймеров.

Затем появилась Эдит Дюпре. Она неторопливо подошла к Сондату, и он заорал на нее. Я видел, как шевельнулись ее губы, что-то отвечая ему. Затем Сондат задергал головой из стороны в сторону странными, резкими, птичьими движениями, глядя на толпу баймеров. Затем принялся медленно расхаживать, кусая губы. Он слушал музыку баймеров!

Я поднялся на ноги, сердце мое мучительно колотилось в ребра. *Пора?*

Я увидел, как Эдит Дюпре стала медленно поворачивать голову, явно ища кого-то. Я поймал ее взгляд и сделал незаметный вопросительный жест. *Пора?* Грудь ее стала часто вздыматься, и она согласно прикрыла глаза. Я тут же бросился к ближайшему выходу из пузыря. Перед ним стоял охранник, но не обращал на меня внимания. Возможно, он и вообще не видел меня. Его лицо было обращено к музыкантам-баймерам. Он купался в волнах их музыки. Его руки безвольно свисали по бокам, а на лице было то блаженное, отрешенное выражение, какое можно увидеть в соборах у молящихся.

Музыка баймеров ударила громче. И одновременно ударил мой кулак. Охранник рухнул на пол. Я потащил его в туннель. Он принялся вяло отбиваться, и я дважды ударил его головой о лавовый пол. Он обмяк и затих. Возможно, я убил его. Этого я уже никогда не узнаю. Я забрал у него пистолет, нервный парализатор и наплечную кобуру. Он был космической крысой, одетой так, как одевались все подобные крысы, но все же его одежда была опрятней моей. Я надел на себя его фуражку и обменял его куртку на мою. Затем надел его пояс и кобуру. Потом нагреб на него кучу камней и лавовой пыли, и пошел дальше.

В туннеле гремели тысячи голосов баймеров:

— *Играйте! Танцуйте!*

Я не играл и не танцевал. Я шел выполнить серьезное дело.

Я МЕДЛЕННО прошел в следующий пузырь и осмотрел его стены. Отсюда вело много входов в пузырь баймеров, и через короткие туннели было видно, как люди Сондата подпирают там

стены. Пока я смотрел, к ним присоединилось еще несколько желающих послушать музыку.

— Прекрасно, Сидней, — внезапно раздался позади меня чей-то голос.

Я резко повернулся, беря наизготовку пистолет. Ко мне, посмеиваясь, направлялась Эдит Дюпре. Но ее серые глаза глядели на меня не насмешливо, а с уважением.

— У вас прекрасная реакция, Сидней. Вы придумали, как убраться из этой огненной ловушки?

Она подошла ко мне вплотную и взяла мою руку. Я почувствовал, что она вся дрожит. Ее льняные волосы касались моего подбородка. И в этот момент мир пьяно пошатнулся. Толчок отбросил нас к стене туннеля. Мы замерли, сердце билось буквально у меня во рту. Музыка баймеров смолкла!

Я тяжело дышал. Земля снова дрогнула. Я услышал бормотание людей Сондата.

Эдит Дюпре прижалась ко мне.

— Пожалуйста, пусть они играют, — прошептала она.

Я понял, что обращалась она не ко мне. Это была молитва. И на ее молитву ответили.

— *Играйте!* — раздался слаженный хор мощных голосов баймеров.

Музыка опять загремела, возвышаясь к грозовому крещендо.

Я повернул побелевшее лицо к Эдит Дюпре и понял, что тоже дрожу. Я обнял ее, чувствуя, как утекают драгоценные секунды, но

одновременно зная, что никогда не пожалею об этом. Я привлек ее к себе и поцеловал, прижимая трепещущее тело, и она ответила на поцелуй. Есть особое опьянение в первом поцелуе любви – опьянение, созданное комбинацией звуков, ароматов, прикосновений, и все это вместе рвет вам душу невыразимыми эмоциями. Возможно, все на самом деле гораздо глубже, но это уже не имеет значения.

На глазах у нее стояли слезы, когда я ее отпустил.

– Мы оба жестокие люди, Эдит, – хрипло сказал я. – Но уверен, что это было настоящее.

Она кашлянула.

– Я... я думаю так же, Сидней. И я рада.

– Прекрасно, – улыбнулся я ей. – Ну, а теперь нам нужно сосредоточиться. Сколько людей Сондата слушает музыку?

– Я думаю, все. Может, кроме нескольких человек.

– Прекрасно, – повторил я. – Тогда идем.

И мы пошли. Мы пересекли этот пузырь, прошли по нескольким туннелям. Эдит Дюпре вела меня. Внезапно раздалися шаги и нам навстречу вышли двое.

Их крысиные глазки скользнули по мне и замерли на Эдит. Мы стояли, не зная, что предпринять.

Те осмотрели Эдит, затем козырнули и прошли мимо нас. Мы прошли два шага, затем я повернулся. Мой пистолет сухо щелкнул.

Я попал охраннику в спину, и разрывная пуля разворотила ему грудь. Второй бросил руку к бедру, но тут же упал, лишившись половины лица.

Я забрал у них пистолеты, один отдал Эдит и толкнул ее вперед. Она было остановилась, но я повелительно рявкнул на нее. Тогда она с усилием взяла себя в руки.

Еще раз мы наткнулись на сопротивление. Я намеренно неторопливо поднял руку с пистолетом, и парень кинулся на меня. Когда я выстрелил, земля под ногами снова вздрогнула, но не сильно. Мы с Эдит перешагнули через упавшее тело, прошли еще два небольших пузыря и попали в большой, одна стена которого открывалась в серию трехстенных комнатушек. В этом пузыре и было телепатическое оборудование, которое я видел в дырку этажом выше.

Я нетерпеливо осмотрел комнатушки. Они оказались пусты. Эдит Дюпре остановила меня.

– Двое охранников стоят вон там, – шепнула она. – У входа. Мы должны избавиться от них.

– Я заколебался, затем помотал головой.

Нет, – сказал я. – Что, если еще одно землетрясение остановит музыку прежде, чем мы закончим?

И словно в ответ на это пол пузыря закачался у нас под ногами. Раз, и другой.

– Я не видела еще столько толчков подряд, – слабым голосом сказала Эдит Дюпре. – Как ты думаешь, уже начинается?

– Не знаю, – пропыхтел я в ответ.

Я сам взмок от страха. Когда бросился в ковшеобразное кресло перед телепатическим оборудованием Сондата. Зачем-то я взял с пульта наушники и надел их. Эдит Дюпре тут же в страхе сорвала их с меня. Я вдруг почувствовал, что из головы улетучились все ее заученные схемы.

– Открой машину! – закричала она. – Там две альтернативные катушки с записями, заставляющими баймеров подчиняться Сондату. Да ты и сам хочешь подчиняться Сондату...

Я ОБЛИВАЛСЯ потом. Тогда она сама открыла корпус аппарата.

Там действительно были две вращающиеся катушки. Когда одна доходила до конца, рычаг тут же включал вторую, а первую перематывал на начало. Эдит Дюпре выключила воспроизведение, переключила аппаратуру на трансляцию и прикрепила к моим вискам два электрода. Затем сунула мне в руки микрофон. Я застыл от ужаса, словно меня ждала многомиллионная аудитория.

Но долго это не продлилось. Когда очередной толчок ударил мне в подошвы ног, я встрепенулся, стиснул микрофон и заговорил с баймерами.

– *Баймеры!* – крикнул я. – *Хватит играть музыку! Вы больше не подчиняетесь Сондату. Бросьтесь на землян, которые держат вас в неволе. Убейте! Растопчите их. Убейте всех! Пусть ни один не уйдет!*

Коротко и ясно.

Позади меня раздался сухой щелчок пистолетного выстрела. Я повернулся и увидел Эдит Дюпре, уставившейся на человека, валившегося на полу, точно мешок с дерьмом.

Я повторил свою телепатическую команду. Снова, снова и снова. Затем добавил:

– *Убивайте! Убивайте! Оставьте свое имущество. Бегите из кратера. Убейте всех землян и бегите! Быстрее. Убивайте всех, кого встретите по пути!*

Голос мой охрип, и мне вдруг показалось, что я слышу еще чей-то крик. Это явно разыгралось воображение. Опять сухо щелкнул пистолет Эдит Дюпре. Но я не стал поворачиваться к ней. Теперь, теперь или никогда, баймеры должны смести Сондата и его людей. Должны уничтожить их, не щадя своих жизней. Они будут слушать только приказы, поступавшие в их головы извне, и обращать свою гигантскую силу против поработителей.

Теперь или никогда. И в эту секунду девушка схватила меня за руку и закричала:

– Сидней! Они идут! Я уже слышу их крики!

Ее оружие снова заговорило, раз, другой. Теперь я действительно услышал голоса, вопли, полный ужаса. Я сорвал с головы электроды, схватил оба пистолета. В пузырь вбежали трое охранников Сондата с искаженными лицами. А за ними по пятам вылилась ла-

вина баймеров. Они догнали этих троих, окружили их и растерянно посмотрели на нас. Все они были залиты кровью.

Что-то было в лицах баймеров, потому что Эдит истошно закричала. И тут я вспомнил. «Уничтожайте всех землян, кто встретится вам на пути», — только что отдавал я им телепатический приказ.

А ведь мы тоже были землянами, людьми!

Баймеры ринулись к нам. Я действовал четко и отточено, словно много тренировался. Я выстрелил — но не в баймеров, а в сердце телепатической машины Сондата. Гудение, доносившееся из ее нутра, тут же замерло, лампы замигали и погасли. Баймеры остановились, замерли, с изумлением на их широких лицах.

— Мы ваши друзья! — тут же закричал я. — Я знаю, где выход из кратера! Идите туда! — и я махнул рукой в нужном направлении.

Они пошли. Мы с Эдит бежали за ними, пытаюсь не отстать, потлился у меня по лицу, но бежать было легко, может быть, потому что я чувствовал громадное облегчение, и в душе у меня все пело.

Внезапно позади нас началась стрельба. Разрывная пуля просвистела мимо моего уха, ударилась в стену пузыря и взметнула в воздух тучу камней. Я закричал, разворачиваясь, и вскинул пистолет. Но тут же получил ужасный удар, словно меня по руке треснул какой-то гигант. Пистолет вылетел у меня из руки. Я отчаянно потянулся к поясу за вторым, но меня остановил пронзительный, яростный голос:

— *Я бы не стал этого делать, космонавт!*

Я застыл на месте. Сондат! Сквозь пыль я увидел его. Он стоял меньше, чем в десяти шагах от нас, и трясся от ярости весь, с головы до ног. Только пистолет в его руке не дрожал.

А около него стоял Бурже, ученый с тяжелой челюстью.

— Вы нарушили все наши планы, Эдит, — с каким-то даже огорчением прогудел он.

— Сейчас ты умрешь, Эдит! — завизжал Сондат. — Ты предала меня! Ты разрушила мои мечты об империи! Поэтому ты умрешь!

И он выстрелил в Эдит.

Даже у Судьбы, я думаю, есть альтернативы, между которыми ей приходится выбирать. *Статус-кво* — самый простой путь для выбора. Я ждал смерти. Ждал, что Эдит умрет. Что же еще могло произойти?

Ничего, если не помнить о тоннах лавы, копившейся где-то над пузырями, если не обращать внимания на все учащающиеся толчки. Теперь я могу предполагать, что эти толчки и были последней соломинкой, сломавшей спину верблюду. Иначе нет никакого объяснения, почему перегородка, разделявшая два кратера, решила прорваться именно в этот миг. Но так уж случилось, перегородка лопнула, и яростный адский огонь ринулся в образовавшиеся трещины.

ПОЛ ВОКРУГ нас вспучился, а потолок прогнулся вниз. Меня швырнуло, как пушинку, снесенную ураганом. Ударило об пол. Кровь залила мое лицо. Я закричал, перевернулся на спину и увидел какую-то фигуру, несущуюся ко мне. Сондат. Я пнул его. Он исчез, а на меня буквально упала другая фигура. Эдит. Я подхватил ее. Она обмякла. Я затряс ее, точно сумасшедший, и потащил за собой куда-то наугад. Затем встал, опираясь о стену. Поднял Эдит на руки. Она была обмякшей и безжизненной. Я зарыдал.

Вокруг все гудело и стучало, точно мы были внутри самого большого в мире барабана. Я оглянулся назад и увидел алую, ослепительную массу пламени. Она дохнула на меня жаром. И я побежал от нее. Земля раскачивалась и била в подошвы. Туннели закрывались позади меня, точно глотки, сжимающиеся в судороге. Я упал и покатился куда-то, как мне показалось, вверх. Яркие огни статического электричества освещали мне путь, и я снова встал и очутился в широком туннеле, похожем на Бродвей. Затем каким-то образом сумел дойти до большого пузыря, раскачивающегося, точно люстра. Пузырь был заполнен баймерами, которые кричали и тыкались друг в друга, топчась на месте. Там я увидел Оро Таркида.

— Оро Таркид! — заорал я, стараясь перекрыть царивший вокруг адский шум. — Прикажи твоим людям идти за мной!

Дальше был какой-то пробел в воспоминаниях. Я нес Эдит и шел все вверх и вверх. Причем я был не один. Впереди меня маячили две какие-то фигуры. Одна небольшая, другая высоченная и грузная. Я тащился за ними, даже не знаю, сколько времени. Я не смел остановиться передохнуть. Кругом во все стороны тянулись туннели. Мы шли по той части империи Сондата, которую я еще не видел. А передо мной шел сам император Сондат! Сондат и Бурже!

У меня на руках лежала мертвая девушка. По крайней мере, казавшаяся мертвой. Эдит Дюпре, самая грубая, самая жесткая девушка, из когда-либо носивших космические сапоги. Но если она такая грубая и непреклонная, то почему не идет своими ногами? Я поставил ее на пол и велел идти, но она тут же упала на меня. Я затряс ее. Тогда она открыла глаза, и сначала эти глаза были переполнены страданием, а потом они начали становиться осмысленными.

— Вы можете идти? — крикнул я.

— Да, Сидни, — ответила она.

ПОЗАДИ НАС с топотом появился Оро Таркид. А за ним, по два, по три в ряд, если это позволяла ширина туннеля, шли сотни баймеров. Я как Орфей, мелькнуло в голове, Орфей, Орфей, который спустился в Ад, Орфей, зачаровавший музыкой всю природу, Орфей, который пришел за своей Эвридикой и почти вывел ее в верхний мир. Но я не стал оглядываться на Ад, как это сделала Эвридика, боясь потерять и Эдит, и жизнь. Реальность и воображение тесно сплелись в моей голове, пока я шел за вакханками — Сонда-

том и Бурже, — потому что они одни знали безопасный путь наружу, хотя и покушались на мою жизнь.

Нас постепенно догонял Оро Таркид со своим племенем. Я побаивался, что эти гиганты растопчут меня или размажут по стенам туннеля. Поэтому упрямо шагал вперед, держа за руку Эдит Дюпре. Туннель постепенно сужался, превращаясь в горловину. Земля время от времени содрогалась. Сзади накатывали волны перегретого воздуха, грозя поджарить нас. Но я почему-то знал, что мы вне опасности.

— Сондат! — закричала внезапно Эдит.

Я вскинул голову. Он стоял вверху, глядя на нас. И Бурже был вместе с ним. Он стоял спокойно и неподвижно, как статуя. Оружия не было видно. Затем Бурже куда-то исчез. И внезапно сверху по туннелю покатился огромный яйцеобразный валун. Мы едва успели прижаться к стенам. Валун прокатился мимо, но за ним последовал другой. Немного меньших размеров. И еще один. Мы увернулись и от них. Сондат по прежнему стоял, бледный, и пялился на нас. Затем появился Бурже, катя к краю огромный валун. Он был такой большой, что один бы Бурже не справился, и Сондату пришлось помогать ему. Валун был слишком огромный, чтобы мы могли от него увернуться в достаточно узком туннеле. Он уже подкатывался к самому краю...

Я обнял Эдит за талию. Я был готов к смерти. Но вдруг Бурже, неизвестно почему, пошатнулся и, стремясь сохранить равновесие, схватился за плечо Сондата. Сондат завопил, замахал руками и покатился вниз по склону. Он врезался в меня на полной скорости, сбил с ног, оказался сверху и вцепился обеими руками мне в шею, сдавив ее так, что у меня глаза полезли из орбит.

— *Сид!*

Голос Уилла!

Я слышал наверху какую-то возню. Глаза были полны слез, но мне казалось, что валун на краю дрожит. Потом я увидел Бурже и Уилла Карриста, схватившихся за выступы валуна и толкавших каждый в свою сторону. Затем появилось лицо Эдит, склонившейся над Сондатом. Мелькнули ее руки. Сондат всхлипнул, выпустил меня и откатился в сторону. Я тут же развернулся и бросился на него сверху. Что-то ярко блеснуло в его руке. Нож! И я упал на него грудью.

Боли я не почувствовал. Держа тело Сондата, я поднялся на ноги и ударил его спиной о колено так, как ломают толстый сук. Миг его сверкающие газа смотрели на меня. Он даже успел пробормотать что-то о милосердии, но я еще раз ударил его о колено. Раздался громкий треск, как ломается полено, и Сондат, Великий Маг, самозванный Император Вулкана, полетел на пол... а я упал поверх его трупa, орошая его своей кровью, красной, как вулканический огонь. Жизнь моя утекала через дырку в груди, и я плыл по нежным волнам навстречу смерти...

НО НЕ ДОПЛЫЛ, хотя целая неделя выпала у меня из жизни. Затем я открыл глаза и увидел кровлю из древесной коры шатра баймеров. Скрестив ноги, у моей лежанки сидел один из помощников Оро Таркида, тот самый, что вживил мне в руку телепатический нерв. Грудь моя была обнажена, и он водил по ране нежными пальцами. Я почуял острый запах какой-то мази. Баймер слегка улыбнулся, и я уснул.

Когда я снова проснулся, рядом были Эдит и Уилл.

Эдит сидела возле меня и часто мигала.

— Вы чуть было не умерли, Сидней, — заявила она сердитым тоном учительными, отчитывающей нерадивого ученика, и даже фыркнула от возмущения.

Уилл стоял рядом и громко хрустел пальцами.

— Наверное, ты думаешь, что я бросил тебя, Сид, — смущенно сказал он. — Но это не так. Я просто подумал, что пора кому-нибудь из нас проявить здравый смысл. Если кратер готовится к извержению, то, что будет с нашим кораблем? Мы же застрянем здесь на долгие годы... если не навсегда. И у меня появилась идея! У Сондата должен быть какой-то другой путь на поверхность. Помнишь, как мы высадились на эту планету? Мы стояли на равнине, на сотни метров вокруг не было ни души, и вдруг появился Сондат со своими людьми! Вот я и подумал, что возле корабля должна быть трещина или туннель, ведущий вниз, к пузырям. И я оказался прав! Я спустился вниз, по дороге убил восемь охранников, забрал их пушки и потом шел много часов подряд. Пока не почувствовал, что воздух становится горячим. — Рассказывая, Уилл весь обливался потом, и голос у него был какой-то оловянный. — Я понял, что извержение началось! И побежал. А потом чуть не натолкнулся на Бурже и Сондата и увидел, что они делают. Я пинком откинул Сондата, затем стал бороться с Бурже за валун.

— Но Бурже мертв, — со вздохом сказала Эдит.

Я похлопал Уилла по колену, стараясь не встречаться с ним взглядом. Он и так чувствовал себя крайне неловко.

— По крайней мере, — пробормотал Уилл, — большинство баймеров спасено. Они спаслись, Сид. А ты стал героем. Сид — герой! Так им сказал Оро Таркид, и пояснил, как ты спас баймеров. Как заставил их играть музыку баймеров... как заманил всех людей Сондата в большой пузырь, и, пока они там слушали музыку, пробрался до передатчика... И еще как я при помощи пистолета с разрывными пулями расширил горловину туннеля, чтобы баймеры могли пройти....

— *Тихо!*

ЭДИТ ДЮПРЕ поднесла указательный палец к своим прелестным губам. И тогда я услышал. Звук музыки баймеров. Правда, это была только одна струна, тянущая единственную ноту.

Да, подумал я про себя, даже ты, Оро Таркид, не знаешь всей правды. Ты не знаешь, с какой целью твои предки придумали эту музыку и передали ее последующим поколениям. Музыка, необходимую для жизни на планете, которую терзают невероятные по силе магнитные бури, генерируемые магнитным полем слишком близкого Солнца. Музыка как лекарство. Лекарство для психики и нервов. В музыке, Оро Таркид, есть нечто успокаивающее получше всех медикаментозных средств. На моей планете знают об этом уже несколько веков. Так что вас спасла ваша музыка, а вовсе не я.

Эдит Дюпре лежала, положив мне на колени голову. Уилл куда-то делся. Очевидно, решил, что нужно оставить нас вдвоем.

Затем Эдит поняла голову, в ее прелестных глазах стояли слезы.

— Сидней... — сказала она и откашлялась. — Вы... вы тоже ложитесь...

Губы ее дрожали.

— Это я и собирался сделать, — сказал я и привлек ее к себе. — Это и собирался.

И я поцеловал ее... Ну, почти поцеловал, но она вдруг отпрянула.

— Сидни, — сказала она, преодолев, наконец, спазмы в горле. — Я... я никогда не д-думала... что встречу другого такого же, как я... Ну, крепкого орешка. Парня, который не любит мямлить. Парня, который запросто бросил кошке под хвост свою жизнь лишь для того, чтобы спасти кого-то другого...

Я немного подумал и мрачно сказал:

— Наверное, вы его встретили. Но и я тоже, Эдит. Долой всяких там угнетателей! Вот наш девиз. Твой и мой.

Я снова прижал ее к себе. И на этот раз она не отпрянула.

The bubble dwellers, (Planet Stories, 1945, Fall), пер. Андрей Бурцев

PLANET STORIES

STRANGE ADVENTURES ON OTHER
WORLDS—THE UNIVERSE OF
FUTURE CENTURIES

MAY, 1943

ALCATRAZ OF THE STARWAYS

NO ESCAPE BUT DEATH FROM THE
PRISON-HELL OF PARADIM

A STIRRING NOVEL
by HASSE & DE PINA

A LEIGH BRACKETT NOVELET

THE BLUE BEHEMOTH!

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС

I

ДВОЕ ШЛИ по западному концу обширного, накрытого Куполом, города Марсопорт, шли легким шагом обитателей пустыни. Это был район трущоб, где купол, загибаясь, продолжался под землей. Движения воздуха почти не было, поскольку воздушная волна, которую неустанно гнали гигантские городские вентиляторы, обигала Кривую стороной. Но никого это не волновало. Бедные привыкли к затхлому воздуху и плохим условиям жизни, а богатые мирно спали в своих домах в отгороженном стеклянными стенами центре Купола, где искусственный ветер дул регулярно неся свежесть и кислород.

Эти двое, передвигавшиеся в тени зловонного переулочка, разумеется, не афишировали своей одеждой, что привыкли к окружающей их бедности, подчеркнутой рядами обветшалых домов, грязью и запустением, царившими вокруг. Оба они недавно покинули подмостки марсианского Королевского Театра, где жизнь изображалась с иного, искаженного до неузнаваемости ракурса. Но театр бурлил у них в крови. Их всегда интересовали богатые, но не из желания подражать таковым, а из стремления наблюдать и учиться. Возможно, в их действиях нынешним вечером можно было отыскать параллель с действиями песчаных псов, животных, специфичных для марсианских пустынь, которые способны перемещаться с огромной скоростью на большие расстояния в поисках ядовитых крыс — главного источника их пищи.

Более высокий из двух безупречно одетых мужчин был как раз и известен под этим именем — Песчаный Пес. Его жертвами были ядовитые крысы, охотящиеся на незащищенных людей. В театре он повидал немало знаменитостей, и среди них Дориана Мокера, сегодого, тонкогубого производителя стекла, который, при помощи своего предприятия «Марсианский Стеклодув, Инк» держал железной хваткой весь Марсопорт.

Песчаный Пес много знал о Мокере такого, чего тот поклялся держать в секрете. Но Песчаный Пес, этот странный персонаж, которого знал весь Марс, был известен еще и тем, что секреты хранились в нем, как в могиле. Он знал, например, что Мокер владел всего лишь сорока девятью процентами акций «Марсианского Стеклодува, Инк». Знал он, также, что, невзирая на это, Мокер управлял голосованиями в корпорации, диктовал ее политику, а по-

THE SANDHOUND

By ROSS ROCKLYNNE

The key to a world-empire lay in a tiny vial of glittering sand. Death waited in dark shadows to wrest the key from a slender girl. And in other shadows stood a rakish freebooter, the Sandhound—ready to exterminate the human rats that infested Mars' rusty sands.

Illustration by Harry Leydenfrost

тому, фактически, правил жизнями рабочих-стеклодувов и их семей, ставших, если уж говорить на чистоту, его рабами.

Песчаный Пес подозревал, что настанет день, когда его знание позорных секретов Мокера заставит этого великого человека рухнуть с недостижимых высот, и этого дня Пес ждал с нетерпением и уверенностью, поскольку именно таких, как Мокер, Песчаный Пес был полон решимости истребить в своей тайной и беспощадной борьбе против угнетателей Марса.

Пес шел широким шагом, легонько помахивая тросточкой из бронзово-красного деревянного тростника, но подошвы его не издавали ни звука по бульжной мостовой. Его лицо, опаленное горячим солнцем пустынь и ставшее бронзово-красным, как сами пустыни, состоящие из железных окислов, казалось расслабленным и беззаботным. Но на самом деле, любое его малейшее движение было продумано наперед, а серые глаза, окруженные сеточкой мелких морщин, которые появились отнюдь не от одних удовольствий, не упускали ни малейшей тени в нишах стен, уши улавливали малейшие звуки, а нос анализировал все ароматы, которыми был пропитан переулочек. Опыт давно научил Пса, что за ним постоянно следует опасность и внезапная смерть, которая покарает любое пренебрежение малейшими изменениями окружающей среды, поскольку вечно он шел по самой грани, разделяющей закон и беззаконие.

Спутник его был ниже ростом и непропорционально широк в плечах. Ступал он так же тихо, как Песчаный Пес. Нос его был с горбинкой по самой середке, если верить рассказам, от полученного в пьяной драке перелома. Еще полдюжины шрамов на угловатой, несимметричной физиономии намекали, что такие драки, которые трудно назвать иначе, чем смертельными поединками, происходили в его жизни часто и даже регулярно. Но все же по угрюмому недовольству, таившемуся в уголках его губ, равно как и по сонно полуприкрытым глазам, трудно было предположить, что он способен в любой момент защитить себя даже от превосходящих сил противника.

Sand rose in billowing clouds from the Sandhound's ruptured space-suit—and Mocker came hurtling forward, his face snarling in triumph.

Эти двое медленно шли вперед без всякой цели, а только ждали — ждали, когда что-нибудь произойдет.

Тот, что пониже, которому давно уже дали имя Тупой Придурок, наконец, заговорил, причем голос его не разнесся дальше ушей Песчаного Пса.

— Я отдал бы всех «орлов»*, что у меня есть, за кровать. И добавил бы к ним наш корабль. А остаток жизни я вручил бы за две недели непрерывного сна. Я спать хочу. Я мертвецки хочу спать. Если я не посплю хоть немного, то умру.

Песчаный Пес давно уже привык к его вечному нытью.

— Ты спал вчера, — напомнил он.

— Я хочу поспать по-настоящему. Хочу проспять целую неделю, — сказал Придурок, а глаза его аж загорелись от вожделения. — Я хочу лечь, оставить мир за кормой и не просыпаться, пока вокруг не начнется настоящая суматоха. Ты ничего не понимаешь во сне. Это вовсе не пустая трата времени. Это защита от монотонности бытия. Я хочу спать, когда нечего делать. А когда появляются какие-то дела, я просыпаюсь. Вот так я стремлюсь жить. Помню, как на Плутоне, когда я потерял твой след... я проспал тогда целую неделю. Затем встал, что-то там съел и пропал еще неделю. После проснулся, съел хороший обед и отправился обратно....

Песчаный Пес привык ко всей этой болтовне.

— Вторую неделю ты не спал, — чуть улыбнулся он.

Глаза Придурка засветились.

— Правильно! — воскликнул он, взмахнул возле своего кривого носа сложенной чашечкой рукой и раздавил летящего мимо жука.

— Правильно! Я проснулся, так как понял, что тебе на Земле приходится трудно, вот мне и пришлось лететь туда как можно быстрее.

— Ничего ты не понял, а просто получил мое телепатическое сообщение.

По испещренному шрамами лицу Придурка промелькнуло презрение.

— Что? Телепатия? Да это просто чухня! Рассказни старых бабок. Суеверие. Ты ждешь, что бы я поверил в телепатию, шеф? Так вот — не дождешься! Это была просто догадка... Просто я понял, что ты в беде... И нечего говорить мне о какой-то там телепатии! Ну, а той ночью, когда парнишки из нарко-синдиката бросили тебя, связанного, на туманном берегу на Юпитере, а я тебя отыскал, это что могло быть, как не догадка? Тоже, скажешь, телепатия? Может, ты хочешь, чтобы я поверил в заклинания мумбо-юмбо?

— Тише, — осадил его Песчаный Пес. — Мы все-таки в городе, полном бандитов. Богатые душат бедных и беспомощных. Другими словами, не те здесь места, чтобы безнаказанно шлаться по ночам. Ты что-нибудь слышишь?

— Ничего, — по-прежнему угрюмо проворчал Придурок.

* «Орел» — старинная золотая монета достоинством 10 долл.
(прим. перев.)

Они пошли дальше. Песчаный Пес развлекался созерцанием физиономии Придурка. Он давно привык к нему, первоклассному скептику, который мог бы видеть, как все мертвые пророки спускаются на землю по Лестнице Иакова и все равно спокойно сидеть не берегу Миссури. Но Песчаный Пес хорошо знал специфические способности Придурка, даже те, в которых не верил тот сам. Поэтому он и наблюдал за его лицом.

Глаза у Придурка были сонными. Он с трудом подавил зевок. Он практически спал на ходу... но вдруг все изменилось. Глаза Придурка широко распахнулись. Губы сжались. Лицо стало твердым, как камень.

Он замер посреди шага.

— О-о... — прошептал он.

Песчаный Пес схватил его и на всякий случай задвинул в тень.

В тишине темного, пустынного переулка приглушенный щелчок предохранителя лучевого пистолета прозвучал особенно устрашающе. И почти тут же раздался короткий женский вскрик. А после снова наступила тишина.

Придурок изобразил на своей физиономии бодрящую улыбку.

— Я уже проснулся, — прошептал он.

Песчаный Пес быстро и бесшумно побежал пол переулку, острый слух его вел к маленькой ветхой лачуге так уверенно, словно она была отмечена фонарем. Затем из темноты, почти полной, непроницаемой темноты, в которой едва ли можно было что-либо разглядеть и на пять шагов, на него бросилась какая-то неясная фигура. Только природная гибкость позволила Псу сохранить равновесие.

Он мгновенно повернулся боком к лачуге и нападавшему, если нападавший вообще был. Затем Песчаный Пес услышал удаляющиеся шаги и мельком увидел человеческую фигуру, прежде чем та исчезла в лабиринте переулков. Песчаный пес нахмурился и повернулся к облупленной двери лачуги.

ОН ПОВЕРНУЛ ручку двери, чувствуя, как ее придерживают изнутри, распахнул дверь и шагнул к девушке, которая тоже шагнула ему навстречу. Обе ее напудренные руки были прижаты к груди элегантно, шелковой белой блузки, открытый в замешательстве рот образовывал букву «О». В одной руке, ясно видимой всезамечающим взглядом песчаного Пса, она держала крошечный прозрачный пузырек с молочно-белым песком, а в другой сжимала яркую трубку лучевого пистолета.

Мелькнуло ее золотое ожерелье, на медальоне которого были буквы В.К.А.

Песчаный Пес не успел задержать ее руку, метнувшуюся к выключателю. Свет погас, а девушка отскочила назад с придушенным вскриком.

— Стойте, где стоите, — шепнула она из темноты, и Песчаный Пес прыгнул влево как раз вовремя, чтобы уйти от мертвенно-бледного шлейфа пламени, промчавшегося по комнате. Песчаный Пес резким ударом захлопнул дверь, и комната погрузилась в темноту, нарушаемую лишь слабыми отсветами из незашторенного окна. Но он отчетливо слышал дыхание, которое пыталась скрыть девушка — а также почти бесшумные шаги Тупого Придурка.

— Уберите свою игрушку, — велел Песчаный Пес.

— Не раньше, чем я поджарю вас, — истерично шепнула она. — Вас... и второго... отправили они. Но я не доверяю никому из вас и не дамся вам в...

Она резко замолчала. Послышались слабые звуки борьбы. Песчаный Пес небрежно прошел к выключателю.

— Попалась, — усмехнулся Придурок, когда темноту комнаты озарил яркий свет.

— Хорошая работа, — сказал Песчаный Пес, подошел к девушке и взял из ее пальцев пузырек с белым песком.

Она забилась в лапах Придурка, на глазах становясь пунцовой от гнева, и попыталась закричать, но широкая ладонь Придурка плотно зажимала ей рот. Внимание ее было сосредоточено на пузырьке с песком, который Пес небрежно вертел в пальцах.

— Кристаллический песок, — рассеянно пробормотал Песчаный Пес. — Девственный.

— Аррх! — как-то утробно прорычал Придурок. — Нет на Марсе никакого девственного белого песка, уж вам ли это не знать.

Наблюдая за девушкой, Пес заметил какое-то странное выражение, мелькнувшее по ее почти что классическим чертам лица. Она снова принялась отбиваться. Пес задумчиво взвесил пузырек на ладони и сделал короткий знак Придурку. Тот отпустил девушку.

Она набросилась на песчаного Пса, как торнадо, пытаясь схватить пузырек, а с губ ее при этом срывались какие-то хнычущие звуки. Пес уклонился, шагнул в сторону, а когда она снова рванулась к нему, протянул ей пузырек. Она остановилась, словно ударившись о стену, и молча глядела на пузырек, словно не веря, что ей возвращают его. Затем издала вскрик, схватила пузырек и словно на крыльях полетела к двери.

Но у двери уже стоял Придурок, улыбаясь спокойно, но убедительно. Девушка остановилась перед ним, дрожа, сжимая и разжимая кулачки.

Песчаный Пес больше не обращал на нее внимания. Он быстро осмотрел комнату – шатающийся стул, покошенный стол, кушетка – и внутренняя дверь. Он прошел к этой двери и, уже взявшись за ручку, обернулся назад. Девушка снова билась в объятиях Придурка. Затем повернула голову к Псу.

– Отойдите отсюда! – задыхаясь, выкрикнула она. – Не смейте дотрагиваться до той двери. Уходите, слышите? – Ужас и отчаяние смешались в ее ставших такими привлекательными карих глазах.

– Отойду, – сказал ей Пес, насмешливо улыбаясь, – поскольку считаю, что в истинной красоте не может быть скотских качеств.

Девушка сверкнула глазами.

– А у истинного зла не может быть никаких достоинств – я считаю так! – Ответила она.

Ее полные губы дрожали, глаз она не опускала, но горячая слеза бежала по ее щеке.

Песчаный Пес с достоинством поклонился.

– Возможно, вы перепутали нас обоих с кем-то другим, – сказал он девушке и, без дальнейших церемоний открыл дверь.

За дверью лежал гротескно изогнутый покойник. Крошечная, опаленная дырочка на его лбу свидетельствовала о его внезапной кончине. Песчаный Пес опустил на колено и провел рукой по безукоризненно выбритому подбородку мертвеца. Нынешним вечером в марсианском Королевском Театре этот человек был жив и здоров. Он сидел в ложе позади великого Дориана Мокера, но, казалось, даже не глядел на сцену. Когда пьеса достигла кульминации, и всеобщее внимание было обращено на сцену, он внезапно исчез. А через пять минут ушел и Мокер.

С безмолвным пониманием, которое иногда устанавливается между людьми, Придурок глянул со своего места на мертвеца и радостно заявил:

– Смотрите-ка, это тот самый парень! Маленький, расфуфыренный крысеныш!

Девушка внезапно разразилась рыданиями, отскочила от Придурка и рухнула на стул, закрыв руками лицо.

Придурок помялся с ноги на ногу, покачивая головой.

– Хороший был выстрел! – с восхищением сказал он. – И чего вы плачете?

Он взвесил на ладони ее лучевой пистолетик и умоляюще взглянул на Песчаного Пса.

Песчаный Пес подавил улыбку, глядя, как мается Придурок в присутствии плачущей женщины. Он присел на край стола и ждал, когда девушка хоть немного успокоится. Затем заговорил, мягко, легонько покачивая тросточкой, а мертвец Лэрэнс Спезэнс, – Пра-

вая рука Дориана Мокера, — лежащий за дальней дверью, уставил невидящий взгляд в покрытый паутиной потолок.

— Мы не подручные Мокера, если это вас беспокоит, — серьезно сказал Пес, глядя на девушку спокойными серыми глазами. — Давайте, расскажите нам, что тут происходит.

Девушка вскинула голову. Ее лицо с полными губами, круглое, молодое, здоровое, полное какой-то природной красоты, выглядело сейчас измученным. Но она явно поверила Песчаному Псу.

— Я не могу вам сказать, — тихо сказала она, — все бесполезно. Я прячусь с тех пор, как вошла на корабль, направляющийся на Марс, но они и тут нашли меня. Они убьют Томми, а потом и меня. — Из глаз ее снова потекли слезы, медленные, крупные слезинки, которые она просто не могла удержать. — Я не могу ничего рассказать вам, — приглушенно выдавила она, — потому что никто не сможет мне помочь.

— Ладно, — сказал Песчаный Пес, — если вы не говорите мне, то я сам расскажу вам. Томми, о котором вы упомянули, это Томми Дуэйн. А Томми Дуэйн давно уже странствует по Марсу в поисках потерянной долины кристаллического песка, о которой говорили разведчики Марса, которые совершили первую высадку на Марс. И Томми нашел долину, но Мокер узнал об этом. Теперь он хочет получить над ней контроль. Но Томми не стал бы ее продавать. Так что теперь Томми где-то у Мокера и, как вы правильно считаете, его наверняка подвергают пыткам, чтобы узнать, где находится долина. Так, где они держат Томми?

Грудь девушки поднялась и опала. Она уставилась на Пса широко раскрытыми глазами.

— Как вы узнали все это?

Песчаный Пес молча пожал плечами.

— Не знаю я, где его держат, — сказала девушка, едва удерживаясь от слез.

— Вы знаете, где находится долина?

Ее пальцы сильнее стиснули пузырек с белым песком.

— Нет, — сказала она.

— Понятно, — сказал Пес и кивнул на тело Лэренса Спевэнса. — Мокер отправил его к вам. А вы застрелили его в пределах самообороны.

Девушка резко кивнула.

— Я вообще впервые воспользовалась оружием... Вы понимаете, впервые? Я не хотела убивать его. Но когда увидела, что он умер, то перетащила его в заднюю комнату, а затем пошла в... — Она прикусила губу и замолчала.

Песчаный Пес поднялся и прошелся по комнате с таким видом, будто что-то высматривал. Слева от дверного косяка он увидел треугольную дырку в стене, образовавшуюся, когда девушка выстрелила в него и промахнулась. Он удовлетворенно кивнул.

Девушка, и до этого не бодрая, теперь окончательно лишилась сил.

Песчаный Пес успокаивающе улыбнулся ей.

— Так дело не пойдет. Сейчас нельзя сдаваться, моя дорогая. Нужно еще много чего сделать. Я не хочу, чтобы вы оставались здесь, когда Мокер обнаружит, что его наемник не вернулся, и направит сюда полицию. То, что вы застрелили Спевэнса для самообороны, не прокатит на суде присяжных, который, разумеется, будет подстроен. Вас посадят. Как вас зовут?

Она немного поколебалась, но потом устало сказала:

— Энн... Энн Каррутерс.

— Вас будут искать, — сказал Песчаный пес, — так что нужно придумать вам псевдоним. Идите в отель «Арес» и зарегистрируйтесь там под именем Виктория Кэтрин Адамс.

Она так и подпрыгнула.

— Это же мое настоящее имя! — воскликнула она, раскрыв от изумления полные губы. — Да кто же вы?

В этот момент Песчаный Пес, на которого всегда производила впечатление женская красота, остро позавидовал Томми Дуэйну.

— Сейчас не важно, кто я. Некто, кто читает газеты, моя дорогая, а в них пропавшая наследница является главной новостью. Вас так же можно легко опознать по инициалам на медальоне.

Девушка сделала конвульсивное движение, чтобы прикрыть ладонью медальон, но тут же поникла.

— Я сделаю, как вы говорите, — кротко сказала она. — А вы позаботитесь о... теле?

Тупой Придуток усмехнулся широкой ухмылкой, показывая все свои гнилые зубы.

— Не волнуйтесь, — проговорил он. — Если мы за что-то беремся, то делаем это на совесть. Понимаете?

И он открыл выходную дверь. Девушка секунду стояла, хмурясь, затем быстро прошла по комнате, собирая личные вещи. Приостановилась в дверном проеме, озадаченно подняла бровь, бросила пристальный взгляд на Песчаного Пса и растворилась в ночи.

II

ПРИДУТОК БЫСТРО закрыл за ней дверь.

— И что теперь, босс? — спросил он и внезапно напрягся. — Нужно действовать быстро. Мы не можем доверять дамочке Адамс.

Песчаный Пес опустился на колени и еще раз осмотрел дырочку во лбу мертвеца. Лицо его было задумчивым. Пес мало разбирался в стекле, но слышал, что марсианский хрусталь идет на других планетах по фантастически громадным суммам. На Марсе было много стеклодувных комбинатов, где работали земные специалисты и марсианские туземцы, которые еще лучше справлялись со своими обязанностями, потому что мастерство стеклодувов было у них в крови. «Марсианский Стеклодув, Инк» была самым мощным и крупнейшим стеклопроизводительным объединением.

Начиная с постройки первых стекольных заводов на Марсе, железная окись в песке была для производителей сущим бедствием и наказанием божьим. Оксиды железа придавали здешним пустыням красный оттенок. Но они же мешали производить качественное стекло. Оксиды приходилось удалять, и процесс этот был весьма дорогостоящий. Иногда он оставался, придавая стеклу коричневый оттенок, и из такого стекла изготавливали пивные бутылки.

Целая же долина песка, свободного от железных окислов, была легендой и грезой для стеклодувов в течение уже многих лет. Но до последнего времени она так и оставалась мечтой. И вот теперь, наконец, была найдена эта долина, свободная от железа, девственно-чистым песком. И, разумеется, Дориан Мокер жаждал завладеть ею. Любыми грязными средствами. Кроме того, рассматривая мертвое лицо, Песчаный Пес уже понимал, что Мокер, с характерной для него эффективностью, попытается убить одним выстрелом двух уток.

Он энергично поднялся на ноги, глаза его искрились от волнения.

— Ты знаешь, что делать с трупом, Придурок, — мрачно сказал он. — А у меня тем временем будет другая работа. Встретимся потом на обычном месте.

— Хорошо, босс. Я все понял.

Они вдвоем работали в очень тесной гармонии, гармонии, возможной благодаря особенностям восприятия Придурка, которые тот начисто отрицал, хотя постоянно ими пользовался, так что Пес знал, что Придурок все сделает в лучшем виде. Они занимались опасной работой, которой буквально наслаждались. Они постоянно ходили по краю бритвы, действовали на грани закона, и сообразительность вкупе с предвидением были необходимыми компонентами, если они хотели остаться с головами на плечах и достичь своей цели.

Песчаный Пес остановил свою колымагу у маленькой хижинки, захлопнул дверцу и быстро пошел к ярким огням центральной авеню, кварталы которой виднелись невдалеке. На ходу он не-

брежно покачивал тросточкой и свистом подозвал первый же встретившийся ему гиromобиль.

Через пару секунд он уже развалился на сидении, поставив тросточку между коленей. Одноколесный автомобильчик, приводимый в движение атомарным двигателем, ринулся в беспорядочную мешанину пешеходов, машин и редких туземцев-марсиан из богатых каст. Крыша Купола поднималась все выше и вскоре совсем исчезла из виду, когда водитель, воодушевленный полдесятком золотых «орлов», попер, в нарушение законов, на другую сторону Купола прямо через его центр. Но все, для водителя, сошло хорошо, и вскоре автомобильчик остановился перед впечатляющим, украшенным горгульями зданием. Песчаный Пес вышел, велел водителю гиromобиля ждать.

Здание было похоронным бюро, занимающимся сопровождением марсианских туземцев к Берегам Бесконечного Озера, бывших для марсиан синонимом Небес. Песчаный Пес открыл дверь этого мрачного заведения и оказался во внешнем помещении, наполненном какой-то мусорной вонью. Сорогастер сидел за столом. Он явно только что кончил есть, поскольку его голова – а точнее, желудок, – распухли вдвое больше обычной величины. Глаза этого создания располагались на середине его тела, примерно на уровне пояса. Сорогастеры были исконными туземцами Марса, идеально приспособленными для песчаной среды. Они были отнюдь не животными и ходили на ногах, слегка напоминая людей. Но на самом деле они являлись растениями, которые могли укорениться где угодно и тянуть пищу из почвы. Чтобы укореняться, они просто садились, поскольку корневые щупальца были у них расположены сзади.

Они не вдыхали кислород, а выдыхали его, вдыхали же углекислый газ, так что их присутствие в Марсопорте было очень даже полезным. Именно они сохраняли атмосферный баланс, необходимый для жизни людей. Благодаря им в Марсопорте не требовались преобразователи воздуха, распространенные на космических кораблях. Так же сорогастеры поддерживали в городе чистоту. Весь мусор из сточных вод стекал к их кварталам, поскольку они считали эту еду весьма питательной. Таким образом, люди и разумные растения образовали некое симбиотическое сообщество, полезное для обеих сторон.

КОГДА СОРОГАСТЕР, хозяин этого похоронного бюро, заметил Песчаного Пса, то сразу поднялся, издавая тонкий писк. Звуки выходили не из гортани, поскольку таковой эти существа не имели,

но были тропизмом, возникающим при виде друга, и производимым трением клеток тела одна о другую.

Пес сделал жест, говорящий, что хочет поговорить, но спешит. Сорогастер, стремящийся понравиться этому человеку, который был повсюду известен, как друг его народа, поспешно повернулся и вытащил из шкафчика доску для бесед. Он положил доску на пол, Пес снял обувь и встал на один конец доски. Сорогастер взгромоздился на другой. Подошвы его беспалых ног производили колебания, которые, собственно, и были его речью.

Он разговаривал, стоя на доске, колебания которой улавливали подошвы ног Песчаного Пса. А отвечал Пес, постукивая пальцами ног по доске. Это была неуклюжая «речь», но все лучше, чем ничего.

Эволюция в разреженной атмосфере Марса поместила «губы» и «уши» сорогастеров в ноги. Но последовавший разговор был понятен обоим. Песчаный Пес велел готовиться к похоронам – дорогим похоронам.

– Нужно много топтунов и полсотни плакальщиков, – выстукали на доске ноги Пса. – Не беспокойтесь о теле. Я доставлю его позже.

Пес заплатил сорогастеру золотыми «орлами», затем покинул похоронное бюро.

Сев в гиромобиль, он назвал водителю следующий адрес.

Водитель явно стремился поскорее покинуть этот особенно «благоухающий» район города. Так что машинка мчалась весьма энергично. Через десять минут она уже была в богатой, чистой части города. Здесь царила атмосфера респектабельности. Воздух был чистым и свежим, на широких улицах повсюду росли раскидистые клены, скрывавшие от вульгарных глаз ряды величественных особняков, в которых обитала элита. Роскошный особняк Дориана Мокера занимал полквартала. Песчаный Пес снова велел водителю ждать, и пошел по авеню.

Дом Мокера ограждала высокая стена. Песчаный Пес прошел вдоль нее по улице, свернул за угол в короткий переулок, огляделся, нет ли вокруг посторонних глаз, и запрыгнул на нижнюю ветку ближайшего могучего клена – такие упражнения были в порядке вещей для Пса, развитые мышцы которого вкуче со слабой марсианской гравитацией были способны еще и не на такие фокусы.

Он быстро залез на верхушку дерева, шагнул с нее на вершину стены и повис на руках. Затем отпустил пальцы и спрыгнул на мягкий перегной сада Мокера.

Было темно. Песчаный Пес легким шагом пошел вперед, раскинув руки, как антенны.

— Ладно, босс, — раздался совсем рядом тихий голос. — И что теперь?

— Откуда ты узнал, что я буду здесь, Придурок? — усмехнулся Песчаный Пес.

— Да просто догадался, — небрежно ответил Придурок. — Пойдемте, я покажу вам, где вход в этот сарай.

Пес последовал за ним вдоль стены дома. Единственными звуками было их едва слышимое дыхание.

— Девочка внутри, босс, — неприязненным тоном шепнул Придурок. — Я видел, как она вошла туда пять минут назад. Она собирается все разболтать. Мы ведь здесь затем, чтобы остановить ее?

Песчаный Пес нахмурился. Он подозревал подобное, потому и спешил. Было бы серьезной неудачей, если бы он прибыл слишком поздно.

Они добрались до задней части дома. Глаза Пса уже привыкли к темноте, и он увидел, как Придурок тычет рукой в сторону приоткрытого окна. Придурок пошел первым, сунул внутрь голову, затем исчез весь. Пес последовал за ним, и легонько спрыгнул на пол подвала.

Придурок уже был где-то в глубине.

— Тут лестница, — донесся его шепот.

Они поднялись по лестнице на цокольный этаж дома, где Пес увидел кухонную девицу, которую уже обработал Придурок — руки и ноги ее были связаны, она с трудом дышала.

— Гм, — хмыкнул Пес, — ты вставил слишком тугой кляп, Придурок. Тихо-тихо, моя хорошая, — он ослабил кляп девицы, чтобы та могла дышать. — Только не вздумай шуметь.

Они пошли на второй этаж.

Теперь Пес шел впереди. Он осторожно открыл дверь, за которой услышал голос Виктории, потом закрыл ее, а Придурок тем временем направил свой пистолет на Дориана Мокера.

Выпуклые голубые глаза Мокера, тоже продукт роскошной жизни, еще сильнее вышли из орбит, а челюсть слегка отвисла.

— Что это тут... — сердито начал он.

Песчаный Пес сделал несколько шагов вперед и вырвал из руки Мокера пузырек с кристаллическим песком. Затем отступил, убрал пузырек в карман и улыбнулся Виктории.

— Никогда не пытайтесь договориться с волком, мой дорогая, — укоризненно произнес он. — Если вы рассчитывали заключить какое-то соглашение с Мокером, то уверяю вас, совершенно напрасно. Он никогда не выполняет своих обещаний.

Мокер издал какой-то сдавленный звук, в котором так и клекотал гнев.

— Вы... Вы бандиты! — выдавил он, наконец, и лицо его стало мертвенно-бледным. — Как вы проникли в мой дом? Зачем угрожаете мне оружием? Немедленно верните мне пузырек!

— И не подумаю, — покачал головой Песчаный Пес и бросил укоризненный взгляд на Викторию.

Щеки ее начали розоветь, она сделала глубокий вдох. Стиснула губы. Затем совсем раскраснелась от гнева.

— Я не просила, чтобы вы совали нос в мои частные дела! — рывкнула она. — Я сама могу позаботиться о себе. Я отдала мистеру Мокеру пузырек на сохранение. — Она бросилась вперед, намереваясь силой отнять у Песчаного Пса треклятый пузырек. Пес перестал улыбаться и одной рукой схватил ее за горло. Она укусила его за запястье и завизжала. Пес оттолкнул ее так, что она отлетела и приземлилась на пол у дальней стены.

— Там и оставайтесь, — холодно сказал Пес, — иначе получите еще. Я здесь не для того, чтобы смотреть, как вы выставлете себя полной дурой. А теперь вы, Мокер.

Песчаный Пес резко преобразился. Он стал, как холодный клинок, твердый, острый и угрожающий, а глаза его сделались серыми точками. Он поднял тросточку перпендикулярно телу и нажал на скрытый рычажок. На конце тросточки появилась маленькая, красная иголочка. Мокер побледнел, как смерть, и отшатнулся.

— Вам, может быть интересно узнать, — мрачно сказал Пес, — что меня многие такие, как вы, знают под именем Песчаного Пса. И, как у настоящего Песчаного Пса, у меня тоже есть ядовитые клыки. Яд этот не смертельный, он просто парализует жертву, а потом Пес может не спеша обглодать ее косточки. Ну, как, мистер Мокер?

Мокер облизнул враз пересохшие губы, не сводя глаз с кроваво-красной иглы. Он знал все это о марсианских животных, которых звали песчаными псами.

— Вы не сделаете этого! — хрипло выдавил он.

Песчаный Пес поднес конец тросточки поближе к нему и тихо рассмеялся.

— Не смогу? Может быть... если вы скажете мне, где Томми Дуэйн.

Мокер оглядел их маленькую группку — Викторию, Придурка, самого Пса. И внезапно в его глазах заблестело какое-то скрытое торжество.

— А вы знаете, — медленно сказал он, — что, как только выйдете отсюда, то не сможете покинуть город?

Песчаный Пес нахмурился.

— Вы еще не правите полицией, охраняющей воздушные шлюзы, Мокер, — сказал он.

Мокер усмехнулся, презрительно, слишком уж уверенно.

— Да это мне и не надо, — мрачно сказал он и бросил взгляд на Викторию, бледную, прижавшуюся к стене. — Вы убили моего помощника, Лэренса Спевэнса. Я могу это доказать, потому что знаю, где его тело.

Виктория, казалось, вот-вот грохнется в обморок.

— Не говори ничего, — рявкнул ей Пес.

— Вы оба являетесь ее сообщниками, — торжествующе продолжал Мокер.

Взгляд Песчаного Пса стал еще тверже.

— Я мог бы спросить вас, — отчеканил он, — откуда вам вообще все это известно, но не стану беспокоиться.

Он сунул иглу еще ближе к Мокеру, и тот, без дальнейших отступлений, быстро проговорил:

— Двадцать миль отсюда, в заброшенной стеклянной иглу, построенной сорогастерами. Это возле оазиса Мэйсона. Но вам не добраться до нее.

Песчаный Пес поднял взгляд.

— Хорошо. Вот теперь вы говорите правду. — Иголка убралась обратно в тросточку, и Пес слегка взмахнул ею. — Ладно, идите вперед. Как только мы окажемся на улице, вы можете быть свободным. — И Пес рассмеялся.

Мокер охотно повернулся и стал спускаться по лестнице во главе маленькой компании. Они вышли из дома, Мокер открыл дверь в стене и выпустил их на улицу.

— Счастливого пути, — глумливо сказал он. — Уже через час вы все трое будете в полиции.

ДВЕ МИНУТЫ спустя, когда они сидели в гиромобиле, Придурок захихикал.

— В полиции, да? Не знает он нас. Поехали, приятель! Нам еще нужно успеть на похороны!

— Откуда ты это узнал? — спросил Песчаный Пес, рассеянно глядя на Викторию, забившуюся в уголок такси.

— Что узнал? — не понял Придурок. — А-а! Догадался, босс, просто догадался.

Песчаный Пес повернулся к Виктории и обнял ее рукой жестом, как она и поняла, чисто дружественным, поскольку она не отбросила его руку.

— Вам, наверное, любопытно, откуда я столько знаю о вас и Томми, — сказал Песчаный Пес.

Девушка вяло подала плечами.

— Конечно. Но все это не важно, — в голосе ее звучала горечь. — Вы же слышали, что сказал Мокер. Он остановит нас. Мы даже не выберемся из города. Он обвинит меня в убийстве независимо от того, куда вы спрячете тело. Труп рано или поздно найдут, и Мокер получит над нами весомое преимущество. Если бы вы не вмешались, я бы договорилась, Мокер выпустил бы Томми, мы бы вернулись на Землю, и плевать на нее. На эту проклятую долину. У меня хватит денег на вас обоих.

— Нет у вас никаких денег, пока вам не исполнится двадцать один год, — негромко напомнил ей Пес. — А ваши родители против Томми... что и послужило причиной того, что вы сбежали тайком, чтобы выйти за Томми. А, кроме того, насколько я знаю Томми Дуййна, он не стал бы жить на ваши деньги. Он слишком долго бродил по Марсу, чтобы почувствовать себя независимым ни от кого, особенно от девушки, которую любит. Он законченный первопроходец. И зачем дарить Мокеру долину песка, за которую любой производитель стекла на Марсе отдал бы душу? Оставайтесь с нами, дорогая, и у вас с Томми будет целая долина драгоценного чистого марсианского песка. Вы станете продавать на Земле стеклянную посуду в десять раз дешевле, чем ту, что делают из песка с железными окислами.

Она подняла на Пса прозрачные, неуверенные глаза.

— А зачем Мокер сказал нам, где Томми?

— Он посчитал, что это для него безопасно. Если нам удастся выбраться из города, он станет поджидать нас там.

— А мы выберемся из города?

Глаза Песчаного Пса весело вспыхнули.

— Мы, — сказал он, удобно откинувшись на сидение, — как раз и едем на собственные похороны.

Двадцать минут спустя на улицах Марсопорта появилась одна из странных, но все же весьма частых кавалькад — марсианская похоронная процессия.

Это были явно похороны марсианина из высшей касты, поскольку процессия растянулась на полквартала. Началась она в далеко нецеломудренной туземной секции города, секции бизнеса и шоу, и любопытные тут же заполонили улицы, хохоча, вопя и создавая неимоверную толчею, глядя на выходы скорбящих плакальщиц. Плакальщицы тоже создавали шум, но это был шум иного рода — вибрация, передаваемая по земле и воспринимаемая лишь ногами других марсиан. Топтуны высоко подпрыгивали, и корни их волочились позади, как зонтики, когда они опускались на мощеные тротуары. Скорбящие по обе стороны от гробов быстро передвигались вперед, в одеждах всех оттенков пустыни. Три марсианина

взволнованно бегали вдоль процессии, махая длинными палками сира над головами плакальщиц, топтунов и скорбящих, а также над гробами. Палки сира, как известно, создавали воздушные потоки, отгоняющие мучимых вечной жаждой злых духов.

Во главе процессии шел главный топтун. Большую часть времени он шел бесшумно, но иногда чувствовал необходимость немного потопать.

Главный топтун провел процессию через весь город к западному воздушному шлюзу. Здесь купол изгибался вниз, превращаясь в «обтекатель». Дверь шлюза как раз и была в этом «обтекателе», а рядом находилось отделение полиции шлюзов.

Капитан этого отделения однажды уже остановил марсианские похороны и был за это понижен в должности. Марсиане, ввиду ряда необычных свойств организмов, были превосходными стеклодухами. Когда прибыло распоряжение открыть гробы для досмотра, Дориан Мокер на своих стекольных фабриках оказался перед лицом охватившей весь город забастовки марсиан. С тех пор в Марсопорте больше никогда не препятствовали марсианским похоронам.

Поэтому, когда процессия приблизилась, полицейский капитан велел открыть шлюз. Через него прошел первый гроб, покоившийся на спинах разумных растений. Капитан полиции кивнул. Он давно уже разбирался в марсианских похоронах. В первом гробе возлежала душа покойного. Во втором его разум. В третьем — тело. Если же у вас не было денег, вы просто закапывали тело, надеясь, что душа и разум пойдут за ним по пятам.

Процессия набилась в камеру шлюза. Закрылась внутренняя дверь. Началось десятиминутное ожидание, пока давление воздуха в камере уменьшалось так, что сорогастеры могли снова привыкнуть к родной атмосфере. Затем открылась внешняя дверь, и процессия вылилась наружу.

На этом все и закончилось. Процессия направилась дальше, а капитан велел запереть врата, и стал надеяться, что именно на его долю выпадет вознаграждение за поимку троих человек, о котором несколько минут назад объявил Дориан Мокер.

III

СТОЯЛА НОЧЬ, и Песчаный Пес потел в своем гробу. Но он не мог ничего изменить, поскольку являлся трупом. На нем был скафандр, и он безуспешно пытался отрегулировать влажность. Однако, несмотря на все эти неудобства, он был доволен. Процессия уже прошла через шлюз, и его предусмотрительность вновь оправдала себя.

В десяти милях от города процессия остановилась, крышку гроба открыли. Песчаный Пес вышел из него на землю. К нему от своего гроба подбежала Виктория. Ее лицо выглядело страшеньким, искаженное стеклом шлема. Но она смеялась.

— Успокойтесь! — рявкнул Песчаный Пес.

Девушка с трудом подавила истерический смех.

«Плакальщицы», топтуны и скорбящие столпились вокруг них, и животы, заменяющие им головы, качались взад-вперед, что было эквивалентом их смеха. Песчаный Пес поискал взглядом главного топтуна и расплатился с ним, закрывая сделку.

Придурок чуть ли не подпрыгивал от желания действовать.

— Ну, пойдемте, шеф, тут неуютно. Да и некогда нам. Мне что-то кажется, что они там неласково обходятся с молодым парнем.

Песчаный Пес ожег его взглядом, затем взмахом руки велел Придурку заткнуться. Но Виктория уже услышала его слова. Ее глаза наполнились слезами, но подбородок упрямо выдвинулся вперед. Песчаный Пес обвел взглядом свою маленькую команду.

Они пошлепали по песку к мощеной дороге, которая вела к оазису Мэйсона. А похоронная процессия двинулась дальше к одному из тайных марсианских кладбищ, чтобы полиция, если вздумает проследить за нею, ничего не заподозрила.

Люди быстро шли по вздымающимся, как застывшие волны, песчаным холмам, и Песчаный Пес, как всегда, наслаждался окружающей средой, стараясь получить все до последней крошки наслаждение от этой прогулки. Волшебство марсианской ночи действовало, как бальзам, на воспаленные нервы. При каждом шаге в воздух вздымалось миниатюрное облачко тонкого, как пыль, песка, и повисало в разреженной атмосфере. Черное небо было расцвечено аккуратными разноцветными точками бесчисленных звезд. Под ноги все время попадались пустынные растения, через которые приходилось перешагивать или огибать их. Тут были и импортированные с земли кактусы окотилло, «кнуты кучера», а также вездесущая юкка.

Наконец, они вышли на дорогу и ускорили шаг. При меньшей силе тяжести скорость их передвижения равнялась легкой пробежке на Земле.

Песчаный Пес нес в затянутой перчаткой руке неременную тросточку.

Через полтора часа они вышли к южной окраине оазиса Мэйсона, на котором стояло поселение с разрозненными, герметически запечатанными домами, в которых жили люди. Деревья сира, подняв свои ветви, точно мечи стражники, охраняющие драгоценную

воду, плотно прижимались друг к другу и ясно вырисовывались на фоне горизонта.

Придурок шел теперь впереди, его покрытая шрамами физия была взволнована.

Примерно через милю за пределами оазиса они наткнулись на стеклянную иглу. Она стояла на вершине дюны, куполообразное строение, сделанное из стеклянных блоков. Давным-давно, группы бродячих сорогастеров, чувствуя приближение песчаной бури, использовали свои врожденные способности, создавая такие вот иглу в качестве защиты. В их волокнистых руках была кислота, заставляющая песок течь, как стекло, без применения высокой температуры. Получающееся стекло было плохого качества, коричневым, неровным, полным воздушных пузырьков. Но с тех пор по всему Марсу стоят тысячи таких вот иглу. И будут стоять еще много веков. Песчаные изыскатели, мужчины с обгоревшими на солнце лицами, которые проводят жизнь в марсианских пустынях, ища сокровища, используют их для ночлега, а некоторые даже постоянно живут. Такие иглу можно без труда герметично изолировать, а компрессоры могут поднять внутри давление воздуха до уровня Земли.

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС остановил своих товарищей метров за пятьдесят до иглу и задумался. Над иглу висела нехорошая аура. Аура угрозы. Она была снабжена воздушным шлюзом для входа и выхода друзей хозяина иглу. Но вряд ли это касалось и друзей Томми Дуэйна.

Пока они стояли, из-за иглу медленно вышел человек в скафандре. Песчаный Пес тут же толкнул компаньонов за группу окотилло. Часовой скрылся за углом. Губы Пса мрачно скривились. Он сделал какой-то знак Придурку.

— Ладно, босс, — с довольным видом шепнул Придурок.

И тут же растворился в темноте. Потом они на миг увидели его, исчезающего за иглу.

Затем оттуда донеслись звуки какой-то возни. Песчаный Пес жестом велел Виктории оставаться за кактусом, а сам, со стремительной уверенностью создания, чье имя взял себе, метнулся к иглу. Обогнув стоящее на четырнадцати опорах строение, он как раз увидел, как Придурок, под угрозой пистолета часового, поднимает руки.

— Ладно-ладно, — проворчал Придурок. — Ваша взяла. Я ищу Томми Дуэйна. Вы ведь держите его внутри, да?

— Ищешь Томми Дуэйна, — издевательски рассмеялся часовой. — Что-то ты делаешь это достаточно неуклюже.

— Ну, я не всегда такой неуклюжий, — буркнул Придурок, прикрывая веки. — Я приятель Томми...

— Ты уже не будешь ничьим приятелем, когда босс узнает, зачем ты тут рыскал вокруг, — пообещал часовой.

Не отводя оружия от Придурка, он двинулся к двери в иглу, которая составляла единое целое со стеной. Как Пес и подозревал, у иглу был воздушный шлюз для входа и выхода, и он увидел, как часовой постучал в дверь особым образом. Почти сразу же внешняя дверь начала открываться.

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС тут же возник за спиной часового и торцом трости ударил его сзади в выпуклый скафандр у основания шеи. Часовой обмяк и упал, Придурок мгновенно наклонился схватил часового за ногу и отволоч на полдесятка шагов. Часовой лежал молча и не шевелился.

Песчаный Пес поднял его игольник и передал Придурку, и Придурок первым вошел в шлюз, а Пес за ним. Там он молча остановился, прищурившись.

Внешняя дверь шлюза закрылась за ними. Перед ними была стальная стенка, прорезающая иглу до самого выпуклого потолка. Она обеспечивала сохранность воздуха внутри. За стеной кто-то стоял, Пес явно слышал дыхание человека. Потом засипел уравниватель давления.

Потом оттуда донесся скрипучий голос:

— Чего там у тебя?

— Шпион, — отозвался Пес, надеясь, что искаженный шлемом голос будет нельзя опознать. — Говорит, приятель Томми Дуэйна.

— А, да просто пристрелили его, — раздался другой, грубый, раздраженный голос. — Чего внутрь-то тащить? У нас тут и так достаточно народа. Так что Дуэйн не скучает.

— Здесь я отдаю приказы, Винсон, — холодно сказал первый голос. — Ладно, давление выровнялось. Открываю внутреннюю дверь. Подвинься.

Сипение уравнивателя смолкло. Люк начал открываться внутрь камеры, навстречу Песчаному Псу и его «пленнику».

У входа в шлюз иглу стоял огромный человек с неровной бородой и торчащей изо рта сигаретой. Он без всякого интереса провел взглядом по стоящему впереди Придурку, затем глаза его уставились на Песчаного Пса.

Челюсть бородача отвисла.

— А ты еще кто?.. — начал было он.

Ему понадобилась целая секунды, чтобы понять, что происходит. Затем его рука метнулась к пистолету в кобуре, он даже успел вы-

тащить его, но тут Придурок вышиб у него пистолет почти невидимым взмахом ноги. Продолжая то же движение, требующее точное чувство равновесия, Придурок сделал выпад вперед и попал кулаком прямо в челюсть бородача. Здоровяк отлетел и рухнул на спину.

Двое других вскочили на ноги, хватаясь за оружие. Придурок мгновенно разоружил одного и сцепился с другим. Разоруженный отлетел к Песчаному Псу, который просто поднял свою трость, и летевший напоролся на нее животом. Зрачки нападавшего мгновенно превратились в точки, поскольку он был парализован ядом из кроваво-красной иглы на конце тросточки Пса, ядом, действующим с исключительной быстротой. Человек упал, пару раз дернулся и замер неподвижно. Песчаный Пес плотоядно усмехнулся.

Придурок же в это время испытывал затруднение. Он лежал на спине, а нападавший колотил рукояткой пистолета по стеклу шлема Придурка, очевидно, решив добавить еще парочку шрамов к его украшениям на лице.

Пес поймал его руку болевым приемом, развернул нападавшего лицом к себе и его кулак, затянутый в перчатку скафандра, пронесся, как молния. Затем Пес стоял и холодно наблюдал, как нападавший, который уж ни на кого не нападал, медленно падает навзничь, безнадежно мертвый.

Придурок, пошатываясь, поднялся на ноги. Взгляд его был встревоженным. Песчаный Пес резко взглянул на него.

— Что еще случилось?

Придурок смущенно помялся.

— Лучше бы нам поторопиться, — пробормотал он. — Тут у меня догадочка возникла...

Пес все прочел по лицу Придурка и быстро осмотрел иглу. Твердый песчаный пол был усыпан сигаретными окурками. Имелась цистерна с водой, а также кладовая с припасами.

У дальней стены купола стояли три сорогастера. Похитившие Томми Дуэйна люди прихватили с собой соргастеров, чтобы те обновляли им воздух. Сорогастеров же, имевших безразличные характеры растений, не волновало, что делают люди друг с другом.

У сорогастеров лежал связанный по рукам и ногам Томми Дуэйн. Лицо его было мертвенно-белым, голова повернута набок. Он был без сознания. Придурок начал негромко, но яростно ругаться, увидев испещренные ожогами руки Томми, а так же окровавленные пальцы, потому что из-под ногтей торчали мелкие щепки.

Песчаный Пес стиснул зубы, глаза его запылали холодным огнем. Но времени на допрос оставшегося в живых не оставалось. пытки не просто лишили Томми Дуэйна сил. Он был в шоке. И он был холоднее ночи, окутавшей эту половину планеты.

Песчаный Пес нашел несколько одеял и завернул в них рыже-волосого молодого изыскателя. Потом перевернул стул и положил на него ноги Дуэйна, чтобы они были повыше. А затем торцами ладоней стал ритмично надавливать Дуэйну на живот, где набухшая аорта пульсировала, точно второе сердце. Кровь, собравшаяся в желудке Дуэйна, волной прокатилась по верхней части его тела. Его бледное лицо начало розоветь. Он шевельнулся головой, застонал и открыл глаза.

– Присматривай за ним, – бросил Пес Придурку и направился к воздушному шлюзу.

Придурок нервно побежал за ним.

– Лучше мне пойти с вами за девочкой, босс, – бормотал он на бегу. – У меня тут догадочка...

– Дориан Мокер? – нахмурившись, рявкнул Пес.

Придурок беспомощно остановился. Он не знал, что сказать.

– Оставайся здесь, – отрезал Пес и закрыл за собой внутреннюю дверь шлюза. Оставшись внутри, Придурок нажал кнопки, открывавшие внешний люк.

Снаружи висела ночь, тихая, холодная и задумчивая. Часовой лежал там же, где бросил его Придурок. Поднимая ногами облачка красного песка, Песчаный Пес быстро направился к кактусу око-тилло, за которым он велел оставаться Виктории Адамс. В его руке был игольник часового. Тут все и произошло.

Из-за кактуса выдвинулся сам Дориан Мокер и тут же выстрелил. Мертвенно-бледный, тонкий луч пламени пролетел через сотню шагов.

IV

РЕФЛЕКСЫ ПЕСЧАНОГО Пса сработали с безупречной точностью. Едва только щелкнул спускаемый курок пистолета Мокера, как Пес выстрелил в ответ. Но фигура Мокера внезапно стала расплываться. Причина была ясна: луч Мокера не попал в цель, но проделал в правой стороне его выпуклого скафандра две дырки – входную и выходную. Воздух мгновенно улетучился, а вместе с ним упало и давление. Эффект был примерно таким же, как если бы Пса внезапно перенесли с уровня моря на вершину самой высокой горы. У него началось раздвоение зрения. И быстро исчезала способность управлять собственным телом.

Одновременно он почувствовал, как кровь ринулась из легких, из мозга, из каждого кровеносного сосуда и артерии. Кровь полилась из ушей и носа, начала выдавливаться из всех пор тела. В ушах нарастал звон, предшествующий потери сознания, что отдаст его в руки Мокера. Скафандр опадал, точно проколотый шарик.

Пока Пес стоял, пытаясь бороться с головокружением, то увидел, как Мокер с ликующим выражением лица направляет в его сторону пистолет. Пес не сомневался, что на этот раз негодяй не промахнется. Тогда он бросился ничком на песок, но не просто так, а в надежде спасти ситуацию. Одновременно он нащупал рычажок, управляющий подачей воздуха в скафандр, и толкнул его до предела, пустив внутрь струю кислорода из баллона за спиной.

На какие-то секунды нормальное давление воздуха в скафандре восстановилось. Но что более важно, воздух стал вырываться из дырок в скафандре Пса с силой гидравлического сверла. Две эти струи ударили в песок, подняли и закружили огромные облака, через которые не мог пробиться даже всепроникающий свет звезд. Это было совершеннее дымовой завесы. Облака тончайшего песка окутали и Мокера, и Песчаного Пса.

Пес криво усмехнулся и покатился вбок, уклоняясь от жгучего огненного луча, посланного в него Мокером. Разумеется, тот промахнулся, потому что уже ничего не видел. Чувствуя, что давление в скафандре дошло до нормы, Пес вскочил на ноги.

Долю секунды он постоял, пытаясь сориентироваться, затем услышал шумное дыхание Мокера. Мокер бросился в том направлении, а воздух хлестал из его скафандра назад и вперед, как из взбесившейся ракеты. Пес налетел на Мокера и обхватил, прижимая его руки к бокам.

МОКЕР БЕШЕНО заорал какие-то ругательства. Пес прогнул его назад, ударил спиной о согнутое колено и отбросил на десяток шагов, затем бросился в том же направлении, выскочил из песчаного облака, и, тяжело дыша, навис над Мокером, готовый продолжать схватку. Но этого уже не потребовалось. Мокер лежал неподвижно, как мертвый. Песчаный Пес подхватил его на руки и понес к иглу, когда навстречу вылетел Придурок.

Придурок с облегчением вздохнул, единым взглядом охватив всю сцену, затем бросился за массивный кактус и появился оттуда, неся Викторию Адамс. Она слабо шевелилась, начиная приходить в сознание. Очевидно, Мокер подкрался к ней сзади и ударил по шее.

В иглу Томми Дуэйн уже открывал им шлюз, куда с трудом протиснулись Пес и Придурок. Томми издал придушенный крик и взял у Придурка Викторию.

Когда они всей толпой ввалились через внутреннюю дверь, Песчаный Пес, улыбаясь, первым делом занялся починкой проколото-го скафандра. К тому времени, как он заклеил дырки резиновыми заплатами, Мокер зашевелился. Дуэйн подскочил к нему, яростно ощерившись. Но Песчаный Пес остановил его.

— Он получит, что заслужил, — пообещал Пес. — А тем временем...

Он расстегнул скафандр на боку, полез в карман одежды и достал оттуда пузырек с кристаллическим песком. Дуэйн нетерпеливо схватил его. Затем озабоченно взглянул на Пса.

— Я ведь где-то уже встречал вас, — сказал он. — В Сэттерфилд-сити, не так ли? Вас ведь зовут Джонс.

— Или Смит, — серьезно ответил ему Пес.

Дуэйн с бледным после пережитого лицом вдруг усмехнулся.

— Ну, ладно, если вы так хотите. Но все равно спасибо. — Он обнял рукой Викторию Адамс, а та взглянула прямо в глаза Песчаного Пса.

— Еще ведь не все кончилось, верно? — спросила она. — На мне по-прежнему висит убийство?

— Убийство?! — воскликнул Дуэйн.

Виктория быстро пересказала ему события этой ночи, насколько их знала.

— Наверное, вы знали, что карта местоположения долины спрятана в пузырьке с песком, — смущенно закончила она, обращаясь к Песчаному Псу.

Пес пождал плечами и повернулся к Мокеру. Толкнул его ногой. Седовласый негодяй перевернулся на спину и приподнялся на локтях. Глаза его расширились, когда он увидел игольник, а губы скривились от ярости и беспомощности.

— Вы все за это попадете в тюрьму, дурачье! — заворчал он, но кровь мгновенно отхлынула у него от лица, когда он увидел, как Песчаный Пес поднял свою трость, и из нее высунулся кончик маленькой кроваво-красной иглы. — Что вы делаете?

— Я собираюсь оставить вас тут в виду подарка полиции, когда она доберется сюда из Марсопорта, — холодно заявил Песчаный Пес. — Но не волнуйтесь, у них есть противоядие даже от укуса Песчаного Пса. Но вот у них нет средства оживить мертвеца. Мертвеца, которого убили вы.

— Убил он?.. — эхом отозвалась Виктория Адамс, затем резко повернулась к Псу. — Но ведь я...

— Вы выстрелили в него и промахнулись, — спокойно ответил Пес. — Мокер же выстрелил одновременно с вами через окно — и не промазал. Он убил Спевэнса игольником. Во лбу у Спевэнса была круглая дырка. А ваше оружие проделало бы там треугольную. Мокер не знал, что у вас есть карта с координатами долины. Но он сказал Спевэнсу, что есть. Затем Мокер проследил за Спевэнсом и убил его. После этого он собирался вызвать полицию в лачугу, где оставались вы с трудом. Вам бы пришили убийство Спевэнса, а сам

Мокер оставался бы чистеньким, аки младенец. К счастью, мы с Придурком появились там вовремя и смешали ему карты.

На лице Виктории появилось явное облегчение.

— Вы буквально вернули меня к жизни, — призналась она. — Но зачем Мокер убил...

— Да все очень просто, — махнул рукой пес. — Спевэнс последнее время начал обманывать Мокера. Видите ли, у Мокера было лишь сорок девять процентов акций «Марсианского Стеклодува, Инк». Однако он единолично управлял корпорацией, поскольку у его правой руки Спевэнса были недостающие два процента акций. А Спевэнс голосовал так, как хотел Мокер. Так они удерживали контроль. Но в последнее время Спевэнс стал надувать Мокера. Он спелся с другими акционерами, которые платили ему, чтобы он голосовал в их пользу. Мокер терял контроль над корпорацией, которую привык считать единолично своей. Поэтому он должен был избавиться от Спевэнса. У них изначально было подписан документ, что в случае смерти Спевэнса его акции переходят к Мокеру. Собственно, они и принадлежали Мокеру, тот продал их Спевэнсу лишь фиктивно.

Пот ручьями тек по лицу Мокера, а в глазах его рос испуг.

— Да кто вы такой? — прохрипел он. — Вы сам дьявол! Вы не могли знать всего этого!

— Но я знаю все, — отрезал Пес. — Полиция обнаружит все необходимые документы, когда найдет труп Спевэнса в одном из ваших помещений на верхнем этаже особняка. Попробуйте-ка тогда вернуться...

— На верхнем этаже! — в ужасе воскликнул Мокер и даже вскочил на ноги. — Но там не может быть тела Спевэнса!

— Однако, оно там, — печально ответил Песчаный Пес. — Там-там, не сомневайтесь.

Лицо Мокера исказило отчаяние. Он ринулся вперед, но Песчаный Пес выставил тросточку, и Мокер налетел на нее. Виктория негромко вскрикнула и прижалась к Томми Дуэйну, когда стеклянный властелин Марса рухнул на пол.

Песчаный Пес широко улыбнулся, глаза его искрились от удовлетворения.

— Вот теперь точно все, — сказал он. — Мокер сам решил завершить свою игру, а вы двое свободны идти своим путем... И с небольшим состоянием в виде бесценной долины.

ТРИ ЧАСА спустя два безупречно одетых мужчины, явно скупающих этим вечером, неспешно прогуливались по деловым кварталам Бельвиля, в полусотне километров от Марсопорта. Лица у

них были, как у людей, завершивших выполнение трудной задачи и получивших полное удовлетворение. Еще в оазисе Мэйсона Песчаный Пес сделал анонимный звонок в полицию Марсопорта и сообщил о трупе в доме Мокера, а также сделал предположение, где полицейские смогут найти убийцу, добавив еще несколько важных подробностей, которые должны завершить падение Мокера. Викторину Адамс и Томми Дуэйна они оставили в отеле для землян там же в оазисе, а наутро арендовали для них планетомобиль до Бельвиля.

Прогуливаясь, Песчаный Пес посвятил себя изучению живописной физиономии Тупого Придурка. На лице самого Пса было написано разочарование, так как Придурок все время зевал, причем так громко, что прохожие оборачивались на него. Придурок зевал, полуприкрыв глаза, и выглядел очень, очень усталым.

– Я такой сонный, – бормотал он при этом. – Я дал бы все, что угодно, чтобы поспать. Я умираю, так хочу спать. Мне был только добраться до отеля и кровати – вот и все, чего я хочу. На неделю. Всего лишь на недельку... – В глазах его плавал экстаз желания.

Серые глаза Песчаного Пса искрились радостью человека, который в полной мере наслаждается жизнью. Небрежно помахивая тросточкой, он повел Придурка по улице к отелю.

The Sandhound, (Planet Stories, 1943 № 5), пер. Андрей Бурцев

SPRING
1940

PLANET STORIES

FRINGE ADVENTURES
OTHER WORLDS
THE UNIVERSE OF
FUTURE CENTURIES

20¢

THE SILVER PLAGUE

FROM NOWHERE CAME
THE HORROR OF THE
GLITTERING DEATH...
A NOVELET OF TIMES
TO COME ——— By

ALBERT De PINA

*An Amazing
Novelet*

The **VANISHING
VENUSTANS**

By Leigh Brackett

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС НАНОСИТ НОВЫЙ УДАР

I

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС был сегодня один, хотя и знал, что это опасно. Он шел по Пути Марсиан, знаменитой авеню, пронизывающей Сэттерфильд-сити, как ось, на которой вращается вся жизнь. Вокруг текла мелкая аристократия, состоявшая из завсегдатаев марсианских кафе. По обеим сторонам улицы сплошняком тянулись яркие рекламные плакаты и вывески, театры, торговые центры. Усыпанные драгоценностями женщины, разодетые в сверкающие стеклянные шубы, буквально висели на руках деревенских парней. Но опасность для Пса представляли не они. Опасность крылась в человеке, который следовал за Песчаным Псом.

Песчаный Пес шел, казалось, расслабленным шагом, хотя все его мышцы были напряжены, а на лице то и дело появлялась усмешка человека, приветствовавшего любую честную опасность. Его преследователь был явно новичком в этой игре, слишком уж неуклюже он следовал за Псом по пятам. Но Песчаный Пес знал, что настоящая опасность исходит от Клея Мерибрука, промышленного царька Сэттерфильд-сити. Клея Мерибрука, заклятого врага Песчаного пса. Клей Мерибрук, занимал все мысли Пса, особенно его терзал вопрос: был он или не был замешан в убийстве сорогастера в среду ночью.

И Мерибрук ли послал того, кто следовал сейчас за Псом? Казалось, можно было не сомневаться, что за всем этим стоит именно Мерибрук.

Песчаный Пес был столь же осторожен, как быстр и гибок — точно обитатели железно-окислых пустынь, в честь которых он и дал себе прозвище. Он дождался момента, когда пошел мимо черного как вход в пещеру переулка, и, повернувшись боком, мгновенно исчез в его непроглядной тьме. Там он бесшумно пробежал сотню шагов, затем остановился, прижавшись спиной к стене. Тросточка, которую он постоянно держал в руках, была не просто тросточкой. Глаза Пса блеснули, когда он подумал о маленькой игле со смертоносным ядом, которую можно легко выпустить из ее конца.

Но даже песчаный пес, быстрый, как ветер, зверь, может допустить ошибку в расчетах и получить фатальную царапину от крыс, являющихся источником его пищи.

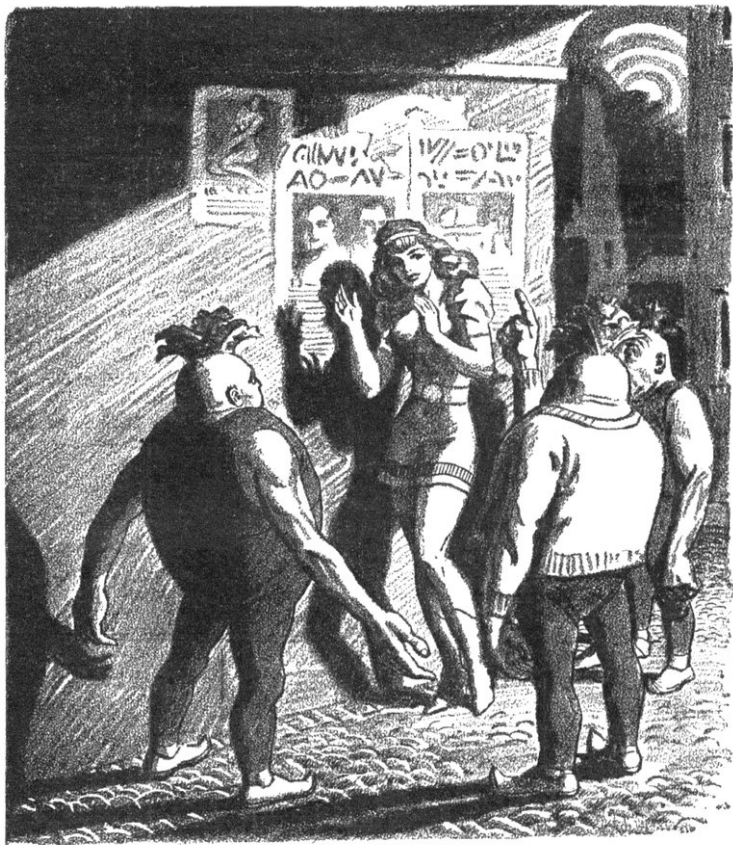
The Sandhound Strikes

By ROSS ROCKLYNNE

Once again the Sandhound, that rakish freebooter of the spaceways, was stalking the rusty sands of Mars. He was searching for the answer to a dread enigma, risking his life—to save a hot-headed lovely girl who hated his guts.

Так и Песчаный Пес допустил ошибку. Слишком поздно услышал он осторожные шаги спереди, а резкий удар, сотрясший его голову, отправил его еще в беспросветную тьму.

В ДРУГОМ РАЙОНЕ Сэттерфильд-сити именно в этот момент

некто укладывался под шелковое одеяло на кровати отеля. У него было неуклюжее, слишком широкоплечее для небольшого роста

тело, перевитое узлами мощных мышц, как у того, кто большую часть жизни провел на планетах с повышенной силой тяжести. Лицо его было покрыто шрамами, повествующими о жестоких боях. Кривой, смотрящий в бок нос тоже был таковым не по милости природы. Устроившись в удобной кровати, этот человек уснул мгновенно и без всяких переходов и снова, что было подобно смерти. Звали его Тупой Придурок.

И в тот момент — точно в ту же секунду, когда Песчаного Пса ударили по голове, — Спящий внезапно облился потом и весь затрясся. Еще оставаясь во сне, он приподнялся на одно колено, его искалеченное лицо передернулось, словно от судороги, затем медленно открылись веки.

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС очнулся. Открыл глаза. И увидел перед собой лицо Клея Мерибрука.

Пес напряг мышцы, проверяя прочность цепей, которыми был прикован к полу в распростертой позе.

— Улыбнись, — медленно проговорил Клей Мерибрук, — и твое лицо останется таковым на память потомкам, пока окончательно не сгниет.

Рука его, на которой сверкали кольца, медленно покачала тросточку Пса, из которой высовывалась темно-красная игла с ядом, взятым как раз у одноименных обитателей пустыни.

Человек, так многозначительно помахивающий тросточкой, был крупным, с выдающейся квадрат-

Illustration by DOOLIN

ной челюстью. У него был цветущий цвет лица, как у тех, кто бережно заботится о собственном здоровье. Его немигающие, бездонные глаза намекали, скорее, даже не на агрессию, а на подлинный фанатизм.

И Пес действительно дерзко улыбнулся ему в лицо. Но с самого момента пробуждения он искоса осматривал помещение, ища возможности для побега. Лежал он на толстом ковре, кругом стояла роскошная мебель. Он явно находился в библиотеке своего врага, об этом свидетельствовали запахи печатной бумаги и дорогих кожаных переплетов. Была здесь дверь, было широкое окно, открывавшееся на балкон, за которым виднелись лишь слабые отсветы городских огней.

— Вы просили меня не соваться в Сэттерфильд, Мерибрук, но мне хватило безрассудства приехать сюда, — пробормотал, наконец, Пес. — Думаю, вы имеете некоторое моральное право использовать сейчас тросточку, но знайте, что у меня есть друзья, которые не станут долго раздумывать. Особенно если узнают, что я расследовал убийство сорогастера.

Частично кровь отхлынула от лица Мерибрука. Но низкий голос его оставался спокойным.

— Другими словами, вы хотите уверить меня, что не собираетесь соваться в мои дела? На Земле вы были моим непримиримым врагом, но и этого вам показалось мало, так что когда я улетел на Юпитер, вы последовали за мной и напакостили мне и там. Это было несколько лет назад, — в голосе его послышалась горечь, — но ведь память остается навсегда. Когда я завладел контрольным пакетом акций корпорации «Стекло и Песок» в Сэттерфильд-сити, вы использовали ваше влияние на сорогастеров, заставив их уйти с моих фабрик, которые после этого начали приходить в запустение. К счастью, я воспользовался одной лазейкой в законе, который позволил мне, технически, стать сорогастером — псевдотуземцем Марса, и это сделало невозможной мою выдачу Земле или Юпитеру. Вы помните это?

Песчаный Пес прекрасно все помнил. По-своему, это было забавно. Клей Мерибрук, в отчаянном усилии сохранить свою стеклопроизводственную компанию, обратился непосредственно к Ссер-Ссп, Главному Ламе, владыке всех сорогастеров этого района Марса, а потом напечатал во всех газетах, что теперь он является

The Sandhound

сорогастером со стороны супруги. Ссер-Ссп прекратил забастовку. Предприятия Мерибрука вновь ожили, и он, торжествующий, послал песчаному Псу ультиматум: *не возвращайся сюда!*

— И зачем мне теперь отпускать вас, — ухмыляясь, продолжал Мерибрук, — вместо того, чтобы использовать в качестве корма для моих рабочих или закинуть на какой-нибудь тюремный астероид? Я знаю не хуже вас, зачем вы появились в Сэттерфильде... а, возможно, вам известно о моих предприятиях даже лучше меня самого. Но в любом случае, если я оставлю вас где-нибудь в камере, месяцев через шесть — в крайнем случае, через год, — вы станете совершенно безопасны для меня. Тюрьма способна нарушить деятельность даже таких умных мозгов, как ваши. Таким образом...

Песчаного Пса никогда не оставляла надежда, пока еще действительно могла существовать. Но теперь он серьезно смотрел на кончик своей тросточки, которой Мерибрук с последними словами ткнул в него, и даже подсознательно вздрогнул от боли при уколе иглой...

Вот только боли не было, как не было и самого укола. А был знакомый голос, раздавшийся из внезапно распахнувшейся двери.

— Бросьте трость, — скомандовал Тупой Придурок. — Бросайте ее, Мерибрук, не то я...

ГУБЫ МЕРИБРУКА беззвучно зашевелились.

Потом плечи его опустились. Прекрасный, здоровый румянец исчез со щек. Он выронил тросточку, затем повернулся, уже возобновляя железный контроль над своими эмоциями.

— Кто вы такой? — проскрипел он. — Как вы попали в мой дом?

— Меня зовут Придурок, — сказал Придурок, — и в дом я попал через парадную дверь. А теперь, если не хотите, чтобы я проделал в вас аккуратную треугольную дырочку этим пистолетом, немедленно расстегните цепи. Босс, — усмехнулся Придурок, обнажая свои гнилые зубы, — я, разумеется, спал, но теперь я проснулся.

Песчаный Пес кивнул.

— Я так и подумал, что эти маленькие неприятности разбудят тебя, — сухо сказал он.

Мерибрук оцепенело опустился на колени. Щелкнули застёжки, зазвенели цепи. Песчаный Пес одним гибким движением оказался на ногах и с облегчением подхватил с пола свою тросточку. Но едва он успел выпрямиться, как увидел, что ситуация принимает другой забавный поворот. В дверях позади придурка появился второй злоумышленник. Пока Песчаный Пес ошеломленно глядел на него, злоумышленник — а им неожиданно оказалась девушка, — сильно, с явным намерением причинить боль, ткнула Придурка стволом пистолета между лопатками.

Придурок что-то удивленно проворчал.

– Бросай оружие! – рывкнула девушка.

Все ее тело и напряженная поза говорили о том, что она способна и вполне готова воспользоваться своим пистолетом. Придурок бросил игольник, заскрипел зубами и жалобно взглянул на Песчаного Пса.

– Не бывает никакой телепатии, – тоном страдальца заявил он. – Вы постоянно убеждаете меня, босс, что я прирожденный телепат, но когда я начинаю полагаться на эту вымышленную телепатию, она тут же подводит меня. Я понятия не имел, что девчонка Мерибрука следует за мной по пятам.

– Хорошо, папа, – коротко и холодно сказала девушка. – Собери оружие. Он прав. Я действительно проследовала за ним до дому после того, как увидела, как он лезет через ограду. Кто это такие? Взломщики?

– Гораздо хуже, – проворчал Мерибрук, поднял с пола игольник Придурка, затем обыскал самого Придурка.

Песчаный Пес, подняв руки вверх, бравируя, подмигнул Придурку.

– Ты проспал целую неделю, – напомнил он. – Но в ту же минуту, когда я попал в неприятности, ты проснулся и последовал за мной. Как ты все это объяснишь?

– А, *это*?.. Да это была просто догадка. Мне вдруг ударило в голову, когда я только что проснулся. Я догадался, например, где эти бродяги настигли тебя в переулке. – Он нахмурился и встревоженно глянул на Мерибрука. – Сейчас я докажу тебе, что я просто сложил два и два и получил...

Песчаный Пес рассмеялся и повернулся к девушке и ее отцу. Он всегда готов был восторгаться женской красотой, так что брови его невольно поднялись вверх. Он восхищался ее прелестными губами и глазами, похожими на земной рассвет, даже несмотря на то, что эти глазки и губки выражали сейчас крайнюю степень неприязни. Это девушка была красива, прекрасна до совершенства, которое достигалось, также, и умелым употреблением косметики, да и ножки у нее были не хуже всего остального.

Песчаный Пес не дал Мерибруку сказать ни слова, хотя Мерибрук, вроде бы, снова владел ситуацией.

– Очень рад познакомиться с вами, Эстрильда, – вежливо пробормотал он и, увидев удивление на ее лице, пожал плечами. – Я видел ваши фотографии, признался он. – В газетных статьях о спортивных состязаниях в колледже, литературных кружках и так далее.

– Вряд ли меня интересует ваш кругозор, – холодно ответила она, но пистолет чуть дрогнул в ее руке.

Девушка глянула на него уже с интересом, и Пес отметил, что темные круги под ее глазами указывали на скрытое отчаяние, у нее явно были какие-то нерешенные проблемы. Она стала вдруг что-то говорить, но тут же оборвала себя.

Внезапно Мерибрук ожил и юркнул за спину Придурка с явным намерением забрать у дочери пистолет. Но она быстрым движением обогнула Придурка с другой стороны и встала теперь лицом перед всеми тремя мужчинами.левой рукой махнула отцу, явно веля остановиться.

— Нет, папа, не надо, — сказала она и навела пистолет на Мерибрука. — Пистолет пока побудет у меня. Если все пойдет хорошо, тебе не о чем волноваться. А пока что у меня появилась одна мыслишка.

ОНА ПРИСЕЛА на подлокотник кресла и одернула платье.

— Но, дочка, зачем ты так, — каким-то умоляющим тоном проговорил Мерибрук. — Что я тебе сделал? Отдай мне...

— В том-то и дело, что ты не сделал мне ничего, — заявила девушка, с негодованием уставившись на него сверкающими глазами. — Так что постой, где стоишь. Эти люди не похожи...

— Но это воры, просто они одеты, как господа...

— Тем лучше, — сладко улыбнулась она. — Я могу получить помощь и от воров. Огонь, направленный против огня, знаешь ли...

Мерибрук побледнел и стиснул кулаки. В голосе Эстрильды безошибочно послышалась злость. И Песчаный Пес, никогда не оставшийся безразличным, если возникал хоть малейший шанс обратить ситуацию в свою пользу, немедленно вмешался в их разговор.

— Я был бы не прочь услышать, в какой именно помощи вы нуждаетесь, Эстрильда, — сказал он небрежным, но совсем не игристым тоном, так, что в глазах девушки внезапно вспыхнула надежда, словно в нее вдохнули новую жизнь. Она шумно вздохнула.

— Думаю, вы могли бы помочь, — сказала она, взглянув прямо в глаза Песчаного Пса. — Обычно я в состоянии сама улаживать свои дела, но на этот раз мне нужна... назовем это чисто физической силой, — резко добавила она. — Как вы относитесь к похищению?

— Эстрильда! — рявкнул Мерибрук.

— Я хочу, чтобы вы похитили кое-кого для меня, — продолжала она с нотками какой-то истерии в голосе. — Я хочу, чтобы вы похитили человека по имени Пол Пенни, который живет в этом же городе. Разумеется, он не жаждет быть похищенным, но это ваши проблемы. Я хочу, чтобы вы похитили его, отвезли на Луну и передали там его брату, известному астроному Мортону Пенни, а затем можете выставить мне счет!

Песчаный Пес внимательно поглядел на нее.

— Я не могу этого обещать.

Выражение ее лица не изменилось, только губы презрительно скривились.

— Я была просто душой, что сказала об этом. Ладно. Тогдаждемся полиции...

Мерибрук шумно вздохнул.

— Что ты там говоришь о полиции?

— Я позвонила по телефону, прежде чем проследовала за этим увальнем до библиотеки. Полиция уже едет сюда.

Клей Мерибрук внезапно взорвался, взревел и прыгнул к дочери, одним ударом выбив у нее из руки пистолет. Тот отлетел по полу, а девушка уставилась на отца, лишенная всех надежд, которые еще питала до сих пор.

Песчаный Пес стал действовать почти одновременно с Мерибруком. Ему сразу же стало ясно, что Мерибрук не потерпит вмешательства полиции в его дела ни сейчас, ни позже. *А сам я, усмехаясь про себя, подумал Пес, хожу по очень уж тонкой линии, разделяющей закон и беззаконие, и кто там станет разбираться, переступил я ее на этот раз или нет.*

Тросточка Песчаного Пса обрушилась на спину Мерибрука с характерным смачным звуком. Мерибрук упал к ногам своей дочери, и это вывело ее из ступора.

Девушка ожила и бросилась на Песчаного Пса. Точнее, попыталась. Пес даже испытал укол зависти, потому что Придурок, протянув свои длинные лапищи, ухватил ее за талию и прижал к себе. Девушка попыталась было отбиваться, но Придурок, весело оскалившись, принялся вертеть ее по вертикали, точно какое-то колесо. Она сделала три оборота, платье из чистого стеклянного шелка при этом сползло, обнажив ее голые ноги.

Затем Придурок несколько секунд подержал ее вниз головой, после чего положил на ковер. Она лежала молча, голова у нее кружилась от прилива крови, а перед глазами все плыло.

— На цыплят это тоже действует, — рассеянно сказал Придурок, потому что голову его внезапно заняли посторонние мысли. Затем он указал большим пальцем в сторону окна.

— Полицейские приехали и вылазят из машины, — сообщил он. — Нам лучше смыться. Куда бежим?

— Через парадную дверь, разумеется, — пробормотал Пес.

ЗАНЯТЫЙ СВОИМИ мыслями, Пес целеустремленно направился к столику в углу. Резко распахнул ящик, набитый бумагами, так, что они полетели на пол. Он достал всю стопку, небрежно перелистал ее, словно шулер колоду карт. Время о времени он останавливался, чтобы прочитать пару фраз, потом явно нашел то, что

искал, потому что сунул остальные бумаги обратно в ящик стола, оставив себе пару листов.

Затем ноздри его раздулись от напряжения, и он бросил тихую команду Придурку.

Оставив Клея и Эстрильду на полу, Пес распахнул дверь библиотеки и стал быстро спускаться по покрытой коврами лестнице, причем успел достигнуть вестибюля прежде, чем в парадную дверь забарабанили. Песчаный Пес первым делом включил свет.

Ему уже было ясно, что Мерибрук отпустил этим вечером всех слуг. Поэтому он решил сыграть эту роль.

Пес быстро привел в порядок одежду, пригладил волосы, зажег сигарету и отпер тяжелую дверь.

За ней столпилось человек пять в форме полиции. Пес беззаботно улыбнулся им.

— Интересно, господа, что так задержало вас? — сказал он голосом, в котором прозвучало неудовольствие. — Там, ведь может, произошло убийство.

— Убийство? — переспросил передний полицейский, моргая от лавины света, хлынувшего из вестибюля на улицу.

— Возможно, — зловеще сказал Пес. — Возможно, убийство! Немедленно бегите вверх по лестнице, первая комната направо.

Голос его был таким властным, что полицейские ни стали мешкать, не сомневаясь, что этот человек имеет право тут распоряжаться. Они гурьбой понеслись по лестнице. Придурок выскользнул из двери следом за Псом. Они уже шли по дорожке из кварцевого песка, когда кто-то в доме завопил:

— Эй! Минутку! А вы кто такие, черт побери?

Песчаный Пес решил не отвечать на этот вопрос, хотя он и был подкреплён пущенным им вдогонку тонким лучом из лучевого пистолета.

Напарники разом запрыгнули в гиromобиль, который полицейские припарковали в начале дорожки. Его атомный двигатель был не заглушен. Песчаный Пес рассмеялся, трогая гиromобиль с места. Они рванули так, что воздух засвистел в ушах Пса, который совершенно не обращал внимания на лучи пистолетов, проносив-

MCA

Estrilda

шиеся вокруг. Пролетев по авеню, они мгновенно затерялись в сети темных переулков.

Придурок даже не спрашивал, куда направился Пес. Волнение, составляющее самый смак настоящей жизни, билось в груди у обоих, и они, как всегда, действовали в той тесной гармонии, которая помогала им выжить.

Придурок только восторженно прищелкнул толстыми пальцами.

– Мортон Пенни брат Пола Пенни, того парня, которого хотела, чтобы мы похитили, девчонка Мерибрука! – только и сказал он.

II

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС серьезно кивнул.

– Да, но что это вообще за история? Почему Эстрильда была в таком истеричном состоянии, настолько истеричном, что готова была нанять для похищения первых попавшихся взломщиков?

Придурок сияющими глазами уставился на своего более высокого компаньона.

– Могу предположить, – пробормотал он, – что она увидела тебя, босс, и сразу же поняла, что никакой ты не взломщик... по крайней мере, не обычный взломщик. Ты совершенно иной, босс... уж прости меня за такую сентиментальность.

– Спасибо, Придурок, – сухо отозвался Пес. – Но Эстрильда Мерибрук сама не является обычной преступницей. Вероятно, у нее имеются самые серьезные причины похитить Пола Пенни... или...

Взгляд его вдруг сделался хмурым, а между бровей залегла глубокая складка, словно он улетел мыслями куда-то очень далеко. Но мозг его работал с полной отдачей. Песчаный Пес не встречал ранее Эстрильду Мерибрук, хотя знал, что она виделась с отцом не больше пяти раз за последние пять лет. Она была плодом случайной связи Клея Мерибрука, согласно разрозненной информацией, попавшей к Песчаному Псу, и тот еще в раннем возрасте отправил ее на Землю в закрытый интернат.

О Мортоне Пенни Песчаный Пес знал только то, что известно любому достаточно эрудированному человеку. Страстью Мортон Пенни являлась астрономия, он посвятил ей всю свою жизнь. Последние десять лет он работал в обсерватории за 500-дюймовым телескопом. Он отдал науке все свое здоровье, все сбережения и, главное, долгие годы жизни, стойко преодолевая трудности, какие может вынести только истинный ученый. Он искал по всему миру финансовую поддержку и, очевидно, в итоге нашел ее. В течение последнего года он начал работать над созданием на холодном, безвоздушном спутнике Земли собственной обсерватории, и в этом году, согласно увиденной Песчаный Псом информации в бума-

гах Мерибрука, получил дополнительное финансирование на постройку нового 500-дюймового зеркала.

Вряд ли кто в обозримом будущем мог создать телескоп еще больше и мощнее. Никто не был способен сделать большее.

Но все же, по каким побуждением он сумел заключить подобный контракт? И как сюда вписывалась Эстрильда Мерибрук и Пол Пенни? А еще, было ли к этому причастно убийство сорогастера ночью на среду?

Песчаный Пес медленно вздохнул и отложил эти мысли на потом. По крайней мере, у него был план действий, которому он мог следовать на данный момент. Гиромобиль огибал город по периметру, и теперь над ними мерцал разноцветными огнями городской купол – огромная стеклянная кровля Сэттерфильда, прозрачная, сквозь которую были видны бесчисленные звезды. Вокруг высились величественные здания, упирающиеся в купол и поддерживающие его громадный вес, одновременно обеспечивая многочисленные пентхаусы над городом.

Это был Сэттерфильд-сити, пульсирующий жизнью, наподобие человеческого тела.

– Так или иначе, размышлял Песчаный Пес, ведя украденный гиромобиль все дальше и дальше от обитаемых районов к тому месту, где изгиб Купола уходил в песок, – это дело нужно будет копать глубоко, чтобы добраться до истины. Все мы находимся в опасности, Придурок, нужно что-то делать с Мерибруком. Он большая шишка на Марсе, может быть, даже слишком большая для нас.

– Я так не думаю, – мрачно возразил Придурок. – Не думаю, что мы *такие уж маленькие*. И Клей Мерибрук станет не первым, кто узнает это.

– Надеюсь, что так, Придурок, – серьезно ответил Пес. – Надеюсь, что так.

НЕСМОТРЯ НА все сомнения относительно исхода нового приключения, Песчаный Пес был из тех людей, которые считают, что тонкий лед возбуждает и волнует кровь, но которые все же не катаются на коньках, где попало. Улицы, по которым они ехали, превратились теперь в темные переулки, где жила бедная шушера общества и мелкие банды. Тускло освещенные бары, полные звуков сомнительного веселья, проносились мимо, и опять на время наступала тишина. Теперь они уже прошли ту разделительную черту, более воображаемую, чем реальную, которая отделяет поселения людей от кварталов сорогастеров.

Сорогастеры, будучи разумными растениями, были почти полной противоположностью людям и, благодаря этому контрасту, могли жить в симбиотических отношениях растений и животных.

Люди вдыхали кислород, а выдыхали углекислый газ, сорогастеры делали точно наоборот. На Марсе сорогастеры поставляли людям кислород, получая от них взамен углекислый газ. Кроме того, мусор людей, сточные воды и прочие их отходы направлялись в Сорогастер-таун. Это была их еда, а они очищали марсианские города.

Нос ни Придурка, ни Песчаного Пса даже не поморщился, когда машина неслась мимо конических хижин соргастеров. Вокруг стоял запах отбросов, как на громадной свалке, но знание источников этого аромата и научный анализ ситуации устранял любые проявления щепетильности.

В самой темной части Сорогастер-тауна Песчаный Пес остановил гириомобиль, вылез из него и повернулся к Придурку.

— Ты знаешь, что нужно сделать, да?

— Идею понял, — бодро ответил Придурок и пересел за руль. — Будь осторожен, босс.

И гириомобиль умчался.

Песчаный Пес усмехнулся самыми кончиками губ и пошел гибким, пружинистым шагом зверя пустыни, имя которого он себе взял. И действительно, Песчаный Пес выбрал своей профессией выслеживание человеческих крыс, которые охотятся за людскими душами и ни перед чем не останавливаются, если возникает возможность набить кошелек. Клей Мерибрук был такой же крысой, каких преследовал Песчаный Пес, и его крушение и поставил Пес себе целью.

Сначала улицы были пусты, но Пес внезапно остановился и вдруг принялся исполнять странный танец, некую смесь балета и чечетки. Его каблуки стучали по мостовой, настойчиво выстукивая сообщение. Это было неуклюжим подобием языка сорогастеров, но сообщение было воспринято конечностями тех сорогастеров, какие скрывались в тенях. И они вышли и столпились вокруг него, распознав, наконец, своего друга среди людей.

Наконец, Пес остановился, устав от своей «речи». В толпе сорогастеров открылся проход, и некто, очевидно, облаченный властью, взмахом корня-руки позвал его за собой. Песчаный Пес пошел.

Он никогда не ходил по этой дороге, ведущей к подземному обиталищу Ссера-Ссп, Главному Ламе сорогастеров, обитающих в этом районе Марса. И действительно, никто еще не пытался узнать, где живет Главный Лама, как называли его люди, — под городом или за его пределами. Производственное значение сорогастеров было так велико, что люди пребывали в постоянном страхе, что они могут отказаться работать, и тогда все стеклопроизводственные предприятия Марса попросту остановятся.

ЗАПАХИ В ТОМ месте, через которое шел Песчаный Пес, неизменно усилились. Пес пытался не дышать носом и не думать об окружающей вонь, но вряд ли добился в этом успеха. Горло его словно стягивала судорога, во рту пересохло, а в животе, напротив, что-то забурлило. Но пес уже дважды проходил через это в других городах, так что не сомневался, что пройдет и здесь.

Однако по всему вонючему маршруту не было недостатка в освещении. Повсюду горели ультрафиолетовые лампы, бросавшие отблески на деревянные стены коридоров. Стены эти были покрыты странными рисунками, на которых неизменным компонентом преобладало Солнце, Дающее Жизнь.

Наконец, Песчаный Пес и его проводник остановились перед непрозрачной стеклянной дверью, укрепленной ржавыми железными полосами. До этого момента Песчаный Пес и его проводник не общались, потому что вряд ли когда-нибудь человек сможет «говорить» на языке сорогастеров на ходу.

В отличие от людей, у сорогастеров «уши» и «язык» были в подошвах их скрученных растительных конечностей.

Теперь же, когда они остановились, сорогастер медленно, но отчетливо «проговорил», уставившись на песчаного Пса глазами, находящимися на поясе его туловища:

— Теперь я оставляю вас. Откройте дверь, входите, и слуга даст вам резонатор, при помощи которого вы можете легко понимать нашу речь. Доброго симбиоза, друг.

Песчаный Пес остался один. Торчать посреди всего этого благоухания и откладывать встречу не было смысла, поэтому Пес, не раздумывая, растворил дверь. Вонь, ударившая ему в лицо, была за пределами всего человеческого восприятия. Лишь достоинство, которое Песчаный Пес не терял при любых обстоятельствах, спасло его от позора. Он мгновенно взял себя в руки и вошел в комнату.

За наклонным столом сидели пять сорогастеров, размещенных так, что могли без труда окунать в свою нечеловеческую еду вершины голов — на самом деле, желудки. Они выпрямились, когда вошел Пес, и уставились на него во все глаза. Тут было две взрослых особи и три поменьше и помоложе.

Пес тут же узнал Ссер-Сспа, который был самым старым. Корни, задрапировавшие его туловище, были сухими и тонкими, а кожа сморщилась и отслаивалась, точно у лука. Под глазами набухли рогатые овощные шишки. Формы сорогастеры были отдаленно похожи на человека — у них было руки, ноги, «головы» и «туловища», но функционально они в корне отличались от людей.

Слуга, молодой, с полными корнями, поставил перед Песчаным Псом деревянный резонатор. Пес взял его и простучал приветствие:

— Мы можем находиться в самой лучшей гармонии, о, Ссер-Ссп!

ССЕР-ССП пергаментно закрипел в ответ. Дряблая кожа его натянулась, когда он отвечал на приветствие Песчаного Пса, но не порвалась.

– Приветствую и тебя, того, кто называет себя Песчаным Псом, – вежливо сказал он, обратив на гостя строгий взор, в котором, однако, чувствовалось уважение и даже приязнь. – Вы почтили меня, поэтому я постараюсь ответить на ваши вопросы как можно быстрее, поскольку понимаю, как некомфортно вы себя чувствуете.

– Мои вопросы будут короткими, – сказал Песчаный Пес, улыбнувшись особой улыбкой, которая очень многих сделала его друзьями, – потому что я не могу слишком долго отрывать вас от трапезы. Во-первых, понимаете ли вы, что убийство сорогастера человеком люди считают более отвратительным, чем убийство человека человеком?

Может, Пес и ошибся, но ему показалось, что в глазах Ссер-Сспа промелькнула улыбка.

Он ответил быстрыми колебаниями, и Пес принял их через резонатор, на котором стоял.

– У данного вопроса есть серьезный, а есть и смешной аспект. Когда люди впервые прибыли на Марс, произошло массовое уничтожение и порабощение сорогастеров. Поэтому сорогастеры отступили вглубь пустынь и отказались от любых объединений во взаимно полезном симбиозе с людьми. Люди построили города, но быстро поняли, что без помощи сорогастеров и симбиотических отношений с ними невозможна колонизация Марса людьми. Поэтому были приняты законы, по которым сорогастерам дали равные с людьми права, и эти законы строго подразумевают, что разум сорогастера равен человеческому или даже выше его. Технически, убить сорогастера можно так же, как человека. Однако прецеденты во всех судах показывают, что убийство сорогастера – независимо от причин этого убийства, – наказывается более строго. Это происходит, разумеется, потому, что без сорогастеров не смогут работать стеклянные фабрики. И люди всячески пытаются нравиться сорогастерам.

Это не было таким уж признанием юмористического подтекста его речи, но Песчаный Пес криво улыбнулся в ответ. И снова принялся выстукивать ногами свою трудоемкую речь.

– Три дня назад неподалеку от этого города был найден сорогастер с пробитой чашечкой цветка свинцовой пулей. Было доказано, что он убит человеком. Жители города, опасаясь забастовки сорогастеров, потребовали схватить убийцу. Во всех газетах этому были посвящены передовицы. И все же... – глаза Песчаного Пса сверкнули, глянув на Ссер-Сспа, – все же население сорогастеров

Сэттерфильд-сити не только не стало угрожать забастовкой, но и вообще сделало вид, что не знает об этом убийстве. — Пес сделал паузу и резко простучал: — *Почему?*

Как только Песчаный Пес начал говорить, в глазах Ссер-Сспа появилось отсутствующее выражение, которое все усугублялось, пока не стало казаться, что Лама ушел куда-то в неизмеримые дали. Глаза его сощурились, превратившись в узкие щелочки.

Песчаный Пес понял, что их беседа может на этом и завершиться, поэтому пошел на обострение.

— По какой причине, сир, — презрительно простучал он, — вы боитесь говорить об этом?

Внезапно все сидящие за столом сорогастеры напряглись и отвердели, а в глазах их появился страх. В глазах же Ссер-Сспа, обращенных теперь на Пса, был пульсирующий глубоко в сознании этого существа ужас.

Наконец, Ссер-Сспа заговорил, и колебания его были такими слабыми и неуверенными, что Пес не знал, правильно ли понял их.

— Этот сорогастер, — сказал Ссер-Сспа, — был не такой, как мы. И есть много других, как он.

Песчаный Пес ошеломленно заморгал. Но прежде чем он что-то сказал, старый сорогастер завершил беседу.

— Пусть наш симбиоз продолжается вечно, — произнес он ритуальную фразу и сел с тем же скрипом, с каким вначале поднялся.

У Песчаного Пса появилось ощущение, будто он получил поражение. Первым его порывом было наплевать на все правила и задать еще один вопрос, но он вовремя остановил свои ноги и только простучал:

— Доброй гармонии, сир, — повернулся и ушел.

Пес быстро пошел из комнаты, а водоворот мыслей в голове дал ему возможность о царящей вокруг воню.

Проводник ждал его за дверью...

III

ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ минут он стоял на темной улице, морщил лоб, а в пальцах тлела забытая сигарета. Всего лишь несколько раз в жизни Песчаный Пес был выведен из равновесия, пойман неподготовленным, получил поражение от того, кто прятался в панцирь своих обычаев и привычек. Ну, и какой теперь мог быть план действий? С чем бороться? Какая тут могла быть связь с миллиардером Клеем Мерибруком? Песчаный Пес бросил недокуренную сигарету и мрачно зашагал к центру города.

Он знал одно: большая часть этой тайны упирается в Пола Пенни, брата знаменитого астронома.

Было общеизвестно, что песчаный Пес не обладал ни одним из тех странных способностей, которыми был одарен Природой Тупой Придуток, но все же, когда он быстро шел по Сорогастер-тауну и был уже близко от первой, тускло освещенной улице района людей, нечто, напоминающее уколы иголки, заставило его остановиться. Возможно, это было дуновение тонких духов, пробившихся сквозь густую вонь, но, может, и что-то в сознании Пса. Сновидение частенько прячется под различными обличиями. Но что бы там ни было, Пес внезапно рванулся вбок и скрылся под плесневелой аркой, ведущей на площадку, образованную сошедшимися вместе тремя тупиками.

Хотя, возможно, было уже поздно. Проблема была в том, успела ли увидеть его Эстрильда Мерибрук. Но если она и увидела, то ничем не выдала себя. Пес же мельком успел заметить ее в тусклом свете фонаря на углу. Она куталась в темную накидку, защищающую ее от ночного холода. И когда Песчаный Пес появился на площадке, она как раз выбивала дробь речи-четке сорогастеров, а сами сорогастеры стояли вокруг и слушали ее. Общение ее не было умелым и, скорее, выглядело так, словно она прошла курс речи сорогастеров в каком-нибудь земном университете. Но было ясно, что она все же заключила какую-то сделку, потому что секунду спустя сунула что-то в протянутую руку ближайшего сорогастера.

Через мгновение сорогастеры начали расходиться.

Эстрильда же Мерибрук целеустремленно направилась в район людей. Песчаный Пес, пригнувшись, последовал за ней. Пока она общалась с сорогастерами, он стоял слишком далеко, поэтому не мог почувствовать колебания ее «речи».

Он следовал за ней, осторожно, как всегда, чутко прислушиваясь к окружающей тишине.

Но внезапно она повернулась, как он и предполагал. В ее руке блеснул пистолет, и тонкий лучик выстрела пронесся в направлении песчаного Пса. Но Пес уже ушел с линии огня.

— Назад, кто бы там ни был! — закричала она, но он тут же ринулся вперед, быстрый и гибкий.

Одной рукой Пес схватил девушку за запястье и вырвал у нее пистолет. Она забилась и закричала, оглашая ночную тишину разнообразной грязной руганью, от которой чувствительные уши Песчаного Пса буквально свернулись в трубочки. Скривив губы от холодной ярости, объявшей его, Пес схватил ее за обе руки.

— Слушайте меня, маленькая дурочка, — рявкнул он ей в лицо. — Вы выбрали себе ношу не по плечу!

Она застыла на мгновение, когда узнала его, затем пнула Пса по голени и опять завопила. Пес разжал руки, она отлетела и шлепнулась на попку посреди улицы. Они стояли как раз на границе

Сорогастер-тауна, и полдесятка бородатых, скорее всего, пьяных мужчин уже устремились к ним поглазеть, а, может, и поучаствовать. Песчаный Пес выругался, точно злодей, которому помешали, и перемахнул через забор. Десять минут спустя он остановил гиротакси на другой улице и, развалившись на сидении, сначала яростно стиснул кулаки, но тут же рассмеялся так громко, что таксист даже обернулся к нему. Вскоре он остановил такси у будки радиотелефона и вышел, велев таксисту подождать, а на лице у него все еще играла кривая усмешка.

ПОЛ ПЕННИ действительно жил в Сэттерфильд-сити, в одном из пентхаусов на крыше высокого, многоквартирного дома гостиничного типа с полным пансионатом и неплохим видом через изгиб прозрачного Купола. Песчаный Пес присвистнул. Пенни, в отличие от своего брата, явно не был стеснен в средствах. Подобные апартаменты были дорогими, оборудованными посадочными площадками для гиромобилей, прекрасно подходящих для полетов в разреженной атмосфере Марса, герметично изолированными, чтобы сохранять нормальное земное давление атмосферы, и оснащенные автоматическими воздушными шлюзами.

Песчаный Пес набрал номер Пола Пенни на клавиатуре вызова, включив только аудио-связь.

Через секунду ему ответили.

— Прекрасно, босс, — сказал голос Придурка. — Можешь подниматься, но только быстрее. Я уже не сплю, и у меня опять появилась догадочка, что надвигается что-то нехорошее.

Голос у него был непривычно взволнованный.

— Жди, — коротко ответил Песчаный Пес и оборвал связь.

Тридцать минут спустя, с трудом пробившись на такси через центр города, где уже образовалась обычная утренняя пробка, он остановился у нужной многоэтажки гостиничного типа. Отпустил такси, поднялся вверх на лифте, и через несколько секунд Придурок впустил его в холодную, просторную трехкомнатную квартиру. Придурок быстро закрыл дверь, ухитрившись при этом не сводить пистолет с Пола Пенни.

— Он изворотливый, — буркнул Придурок, полуприкрыв глаза. — Не хочет говорить.

Песчаный Пес устроился перед Полом Пенни. Закурил сигарету. Затем холодно произнес:

— Поговорим, Пенни. Каждая секунда, что вы сидите здесь и молчите, приближает к нам Мерибука.

Незажженная сигарета, свисавшая из губ Пенни, чуть дернулась, показывая, что слова песчаного Пса возымели какой-то эффект. Но его карие газа смотрели по-прежнему с наглой рассеянность, а

высокая, костлявая фигура оставалась в непринужденной, расслабленной позе.

— Не втягивайте мне ерунду, — сказал Пенни, едва шевеля губами. — Вы же сами люди Мерибрука. Я сижу здесь. Здесь и останусь. Я знаю свои права — и буду бороться за них.

— А мы вот пытаемся защитить не только ваши права, но и права большинства людей в мире. Почему вы не хотите покинуть Марс, Пенни? Почему не хотите поговорить со своим братом Мортонем?

В глазах Пенни мелькнула боль, но тут же исчезла. Он еще сильнее стиснул губы.

— Вам не принесет пользы сидеть, запершись в квартире, как моллюск в своей раковине, — сказал песчаный Пес. — Но, видите ли, я могу говорить, даже если вы будете продолжать молчать. Например, я могу говорить о той ночи, когда вы убили сорогастера.

Выражение лица Пенни стало холодным.

— Вас натравил на меня, разумеется, ваш дружок Мерибрук.

— Меня натравила на вас моя подружка, Пенни, — в тон ему ответил Песчаный Пес.

— Чушь, — буркнул Пол Пенни, но лицо его покраснело. — Ну, по крайней мере, я знаю, что вы не из полиции, потому что Мерибрук не стал бы впутывать сюда полицию...

Он резко замолчал. Песчаный Пес чуть усмехнулся. Пенни постепенно уступал позиции. Если бы им дали достаточно времени...

Во время этого разговора Придурок беспокойно расхаживал по комнате. Пес, наблюдая за ним краешком глаза, видел, что Придурок тревожится все больше и больше.

— Что там? — вопрос Песчаного Пса прозвучал в наступившей в комнате напряженной тишине, точно выстрел.

Придурок не ответил. Он подошел к закрытой двери, которая, вероятно, вела в спальню или на кухню. Продолжая держать Пенни под прицелом своего пистолета, он чуть приоткрыл дверь.

И это словно послужило сигналом. Дверь внезапно распахнулась с такой силой, что отбросила Придурка назад через всю комнату.

Шесть сорогастеров, только что явившихся из пустыни, если судить по полосам железной окиси на их морщинистой коже-кожуре, ворвались в комнату и набросились на троих человек.

Пенни вскочил на ноги.

— Взять их! — закричал он и прижался к стене.

Один из сорогастеров ринулся к Песчаному Псу, и Пес внезапно ощутил ударную взрывную волну, прокатившуюся по его мозгу. За долю секунды он понял причину того ужаса который появился на лице Ссера-Сспа, потому что этот ужас настиг теперь и его самого. И он понял, что это именно тот сорогастер, с которым час назад

«разговаривала» Эстрильда Мерибрук на краю Сорогастер-тауна. Но не это поразило его, а то, что он увидел в глазах сорогастеров. Не безумие горело в них, но что-то злое, злое и кровожадное. Этого сорогастера явно обуяла активная злоба и... жадность.

Сорогастеры были растениями и – как и подобает растениям, – обладали, в первую очередь среди остальных характеристик, апатией и пассивностью. Сорогастеры могли делать невозможные для людей вещи, но всегда стояли на пассивных позициях. Эти же сорогастеры вели себя так, словно имели ярко выраженные желания и бурлившие в них эмоции, словно хотели много что получить от мира и готовы были убивать за это.

В памяти Песчаного Пса вспыхнули слова Ссер-Сспа: «Этот сорогастер не такой, как мы. И есть еще много таких».

Песчаный Пес резко отбросил сигарету. Жестокая улыбка искажала его лицо. Он ухватил горсть корней нападавшего сорогастера на самом болезненном его месте, резко развернул его и толкнул. Сорогастер врезался в своих сотоварищей, зажавших Придурка в углу.

Пол Пенни держался на ногах, пока один из сорогастеров не ударил его в челюсть. Пенни пошатнулся и упал, изо рта у него полилась струйка крови. Три сорогастера напали на Песчаного Пса, а еще трое – на Придурка. Песчаный Пес мельком увидел яростно искаженное, покрытое шрамами лицо Придурка, но тот пошатнулся под тяжестью воняющих отбросами растений – причем не простыми отбросами, а явно какой-то тухлой падалью. Потом что-то с силой ударило его по затылку, и перед глазами закружилась непроницаемая тьма...

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС пошевелился, чувствуя неимоверную усталость. Он понял, что находится уже не в Сэттерфильд-сити, потому что чувствовал небольшое кислородное голодание, которое и объясняло усталость. И как только он понял это, то где-то рядом услышал тяжелые хрипы переносного регулятора давления. Но, очевидно, аппарат этот работал плохо.

Пес поднялся на ноги. Придурок и Пенни были еще без сознания, и он не стал их трогать, а быстро огляделся, чтобы понять, где находится. Пол под ногами был из стекла цвета пивных бутылок, через которое смутно проглядывал гранулированный песок красной пустыни. В одном углу в потолке стекло было прозрачное, и через него виднелось полуденное небо. В стенах так же был три окна. И Песчаный Пес выглянул наружу.

Неподалеку от этой герметично изолированной тюрьмы стояли другие стеклянные иглу разнообразных форм. Это было явно поселение в пустыне, причем построенное довольно давно при помощи

кислоты, выделяемой сорогастерами, что и делало их незаменимыми производителями стекла. Между иглу было довольно много сорогастеров все той же отвратительной породы, которые бродили, не обращая внимания на своих пленников. Местами некоторые сорогастеры присели на корточки и укоренились возле реденьких кустиков растительности.

И, выглядящий анахронизмом, в конце поселка покоился на платформе средних размеров летающий автогиромобиль.

Песчаный Пес восхищенно рассматривал все это. Он знал безжизненные красные пустыни большинства людей, но откуда тут появилось целое поселение, населенное странными кровожадными сорогастерами? Однако кое о чем Пес уже начал догадываться.

Пол Пенни, наконец, очнулся, поднялся на ноги и, дико глядя по сторонам, принялся трогать покрытый засохшей кровью подбородок. Песчаный Пес прислонился к изогнутой стене иглу и улыбнулся. Пенни обмяк и вопросительно ткнул большим пальцем в сторону Придурка.

Песчаный Пес пожал плечами.

— Пусть себе спит. Сон ему нужен, как мало кому другому. Но вот когда он проснется, мы с вами можем начать волноваться.

Пенни ничего не понимал, но не стал возражать. Вместо этого он глубоко вздохнул.

— Возможно, я неправильно оценил вас. Так вы не с Мерибруком?

Песчаный Пес признался, что нет.

— Менее, чем с вами, — ответил он.

— И что Мерибрук сделает с нами теперь, когда мы у него в плену?

— Будет беречь нас, — заявил Песчаный Пес, — пока не закончит то гнилое дельце, которым сейчас занят.

Пенни нахмурил брови, взгляд его отвердел.

— Конечно, — пробормотал он, — мы будем здесь, пока он не закончит отливку зеркала телескопа Мортон. Когда контракт завершится, Мерибрук отпустит нас, потому что я... мы больше не будем ему опасны. И все тогда пойдет прекрасно. Меня перестанут обвинять в убийстве сорогастера и... — Губы его скривились в презрении к самому себе, — Мортон захочет умереть, так как узнает, что вся работа, все его стремления, годы лишений, нищеты и болезней, все было напрасно...

— Возможно, — предположил Песчаный Пес, — вы и не убивали сорогастера.

— Нет, я убил его, — мрачно ответил Пенни. — Этого не изменить. Сорогастер вломился ко мне в квартиру той ночью, попытался убить меня и убежать с чертежами. Но я убил его первым, вывез на своем автогиромобиле и оставил неподалеку от города. Но вы же знаете, что самозащита не является оправданием в тех случаях,

когда убит сорогастер. И, фактически, оно никак не улучшит мое положение. Меня все равно поджарят, если найдут.

– **ВОЗМОЖНО**, – заметил Песчаный Пес, – это был один из тех сорогастеров, что живут здесь?

– А какая разница? Это все равно сорогастеры, разве не так? – И он замолчал, задумавшись. – Если бы я только знал, что сделала Эстрильда... что она думает обо мне... – проговорил он через некоторое время и снова умолк.

Песчаный Пес пристально глядел на него, прищурившись. Внезапно все стало просто. Эстрильда любила Пенни... Но любила ли она его в самом деле?... Да вряд ли!

Песчаный Пес прошелся по тесной камере, погрузившись в размышления.

Затем поднял на Пенни глаза.

– Естественно, вы понимаете, что это именно Эстрильда Мерибрук наняла тех сорогастеров, которые захватили всех нас в вашей квартире?

Голова Пола Пенни дернулась, точно от удара, на его лице вспыхнули красные пятна гнева.

– Это не правда! – взревел он, чуть было не бросившись на Песчаного Пса.

Пес стоял и спокойно ждал. Так же спокойно он объяснил, что видел Эстрильду незадолго до этого. На лице Пенни отразилась настоящая мука.

– Она обратилась против меня, – хрипло проговорил он. – Она назвала меня трусом за то, что я не улетел на Луну и не послал ее отца ко всем чертям. Так что теперь она спелась со своим папенькой!

Песчаный Пес не спускал с него глаз.

– Давайте вы лучше объясните мне кое-что, вместо того, чтобы бросаться обвинениями, Пенни, – предложил он. – Например, чертежи, о которых вы упомянули. Что это за чертежи?

– А!.. – Пенни провел рукой по голове, приглаживая растрепанные волосы, вид у него стал каким-то пристыженным, должно быть, потому, что он потерял контроль над собой. – У меня нет при себе чертежей. Но я всегда ношу с собой игрушечную модель. Сейчас я вам ее покажу. Согласитесь, что в этом что-то есть. Я начал работать над ней пять лет назад после того, как вернулся с Юпитера, и на меня неожиданно упало небольшое наследство в виде прибылей от шахты, участок под которой я застолбил еще много лет назад.

ОН СТАЦИЛ вдруг с себя рубашку. Живот его был обмотан тремя плоскими ячейками памяти – плоскими и тонкими, как бумага, с рычажком для управления. Из карманов он достал три ре-

остата, очень похожих на простые медные гвозди.

Но тут внимание их обоих было отвлечено. Придурок внезапно очнулся, дрожа, потя и всхлипывая.

— Босс, — выдохнул он. — Где мы...

Он встал, покачнулся и, проковыляв к окну, глянул на бесконечную даль пустыни.

Огромная грудь Придурка поднималась и опадала от тяжелого дыхания, он все еще наполовину спал.

— Он едет, — задыхаясь, сказал Придурок. — Там, за горизонтом, на пескоходе. Мерибрук. Оххх!..

Голос его умолк, он прошел в угол, опустился там на пол и спрятал лицо в ладонях. Потом внезапно опустил руки и вскинул голову. Испещренное шрамами лицо его буквально ходило ходуном. Он выглядел изумленным, и внезапно вскочил на ноги.

— Босс, — с тревогой сказал он. — Тут что-то не так!..

Пенни в это время закончил. Его электроды были прикреплены к полу резиновыми присосками, ячейки памяти последовательно соединены, между ними возник настоящий лабиринт из неизолированных проводов, крошечных ламп, конденсаторов и реостатов.

На ладони он держал крошечный пульт. Тронул пальцем на нем рычажок, повернул какую-то ручку. И в воздухе над пультом внезапно появилось какое-то темное облачко. Оно закрутилось, затем прояснилось, и Песчаный Пес даже перестал дышать, когда понял, что видит перед собой.

Придурок тоже понял и застыл от страха.

— Линза телескопа! — выдохнул он, и глаза его засияли. — Эй! Теперь я начинаю понимать!..

Пенни выпрямился в гордым видом.

— Да, это линза... но не стеклянная. Она создана из воздуха! Форму линзы ей придает специальное электростатическое поле. Невесомая линза. И никаких искажений. В старых линзовых телескопах самой большой проблемой являлся их вес. Вот почему могли делать только двухсотдюймовые отражатели, и не больше. Мой брат по той же причине стал строить отражатель именно на Луне, поскольку там в шесть раз меньше сила тяжести, и он мог сделать пятисотдюймовый отражатель. — Но тут гордость сошла с лица Пенни, как старая краска с забора. — Но теперь вы можете

Marybrook

понять, что почувствует мой брат, когда узнает, что может создать пятисотдюймовый телескоп одним лишь нажатием кнопки, в любое время и в любом месте!

Песчаный Пес едва заметно вопросительно кивнул.

— Конечно, — сказал Пенни и создал вторую воздушную линзу, чтобы телескоп можно было настраивать.

Затем он нащупал фокус, направив линзы в окно, и далекий горизонт внезапно приблизился, и стали видны малейшие детали на нем. Все трое уставились в линзы. Затем Пенни создал окуляр и одним движением рычажков на пультике собрал все вместе с единой системой.

Затем опустился на колени и припал к окуляру.

IV

ЛИНЗЫ СТАЛИ расти и уменьшаться, то приближаясь друг к другу, то отдаляясь и, наконец, замерли в одном положении. На лице Пенни вдруг появилось волнение, и он подозвал Песчаного Пса. Пес глянул в окуляр, и его лицо тоже помрачнело. Сюда действительно ехал Мерибрук и был уже километрах в двух. Он сидел в открытом пескоходе рядом с водителем. На обоих были воздушные костюмы. Лицо Мерибрука было расслабленным, как у человека, который решил все свои проблемы. Между коленями он сжимал вибро-винтовку.

Задний отсек пескохода был до верха забит сорогастерами, словно Мерибрук подобрал по пути толпу путешествующих автостопом туземцев. Пескоход прыгал по дюнам, порой совсем скрываясь, а позади оставался длинный хвост поднятого вверх песка.

Пенни выпрямился и нажал на пультике кнопку. «Телескоп» бесследно исчез, словно его и вовсе не существовало.

— Что он сделает с нами? — выпалил Пенни.

Песчаный Пес начал было рассказывать ему об отравленной игле в своей тросточке, затем глаза его расширились, а с губ сорвалось невольное восклицание, и он бросился к дальнему окну своей тюрьмы.

— Может, — небрежно заявил он, — мы и вообще зря волнуемся о Мерибруке.

Пенни и Придурок подбежали к нему и застыли на месте, словно ударенные током.

— Эстрильда!

Этот крик вырвался из уст Пенни. Там действительно была Эстрильда Мерибрук, в скафандре, с «аквариумом» прозрачного шлема.

— Но что... — упавшим голосом пробормотал Пенни, — что она там...

— Подождите, — с мрачным удовлетворением проговорил песчаный Пес. — Я думаю, Пенни, мы обнаружим, что Эстрильда Мерибрук либо изменила свои намерения, либо с самого начала не была предательницей. — Он кивнул на окно. — Вон в том пакете у нее за плечами могут быть воздушные костюмы для всех нас.

Эстрильда Мерибрук со всех сторон окружили сорогастеры. Песчаный Пес услышал бешеный перестук «разговора» разумных растений и увидел, как топчут их ноги, когда они созывали своих сотоварищей.

Пенни дрожал, точно в лихорадке.

— Но что она делает? — воскликнул он. — Что она им раздает?

Глаза Песчаного Пса сверкнули.

— Колхицин, — сказал он в ответ. — Это деревня едоков колхицина.

— Колхи... — Пенни не закончил и беспомощно помотал головой.

Но Придурук все понял.

— Слушайте! Ей бы лучше поспешить! Мерибрук будет здесь через пятнадцать минут.

План Эстрильды стал предельно ясным. Сорогастеры хватали у нее белые пакетики и жадно разрывали перевязывающие их красные ленточки. Одного пакетика было явно достаточно даже для самого жадного сорогастера, потому что, проглотив содержимое, они отходили в сторону. Так были накормлены три четверти всего населения особей из шестидесяти. Остальным Эстрильда перестала раздавать препарат, и перестукивание, производимое обделенными, стало угрожающим.

— Эстрильда! — невольно выкрикнул Пенни, затем пробормотал: — Но они же нападут на нее! Зачем, черт побери, она вообще приехала сюда?

— Она сделала чертовски хорошую штуку, — напряженно сказал Придурук. — Мерибрук будет здесь через несколько минут, и если он появится прежде, чем она вытащит нас отсюда...

Эстрильда явно слышала крик Пенни, но не уделила ему внимания. Лицо у нее было строгое и сосредоточенное, когда она вдруг потребовала что-то от обделенных сорогастеров, указывая на иглу. Очевидно, она обещала им колхицин, если они освободят людей. И внезапно сорогастеры сдались!

С целеустремленностью муравьев они потянулись к иглу, стали брать песок своими руками-корнями и тут же превращать его в стекло. Не прошло и двух минут, как они построили у дальней стены хижины стеклянный «пузырь». Затем трое взяли у Эстрильды пакеты с воздушными костюмами, зашли в обтекатель и замуровали

себя в нем. Затем распылили кислоту на стенке хижины, проделав в ней проход. «Пузырь» превратился в воздушный шлюз.

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС схватил у туземца пакеты, разорвал их и бросил воздушные костюмы остальным.

— Быстрее одевайтесь! — рявкнул он. — Мерибрук уже за ближайшей дюной.

Внезапно он схватил Пенни за руку. Пенни как раз разбирал свой удивительный телескоп и обертывал его частями своего тела.

— Оставь его снаружи своего костюма! — железным голосом командовал Пес.

— Но... но зачем? Если Мерибрук догонит нас, то ему придется еще сорвать с меня костюм, чтобы добраться до модели, а так мы поднесем ее ему на...

— Делай, что я говорю! — рявкнул Песчаный Пес, мрачно глядя на Пенни. — Эта штучка может сослужить нам пользу, но не в качестве телескопа.

Пенни замолчал и повиновался. Через несколько секунд люди были уже готовы и регулировали влажность и подачу воздуха. Они завинтили свои шлемы, сделанные из резинового стекла. Когда давление внутри костюма поднялось, то шлемы раздулись и стали ничем не отличаться от обычных стеклянных.

Сорогастеры увидели, что они готовы, «проели» дыру в стене хижины и люди выскочили через нее на песок.

Эстрильда помчалась к ним с бледным лицом. Она схватила Пенни за руку и секунду отчаянно глядела на него через стекло шлемов. Лицо Пенни стало вдруг нежным.

— Эстрильда, — пробормотал он, но она не стала слушать и повернулась к Песчаному Псу.

Она была явно испугана, но сквозь испуг проглядывало и облегчение от того, что она выпустила людей на волю. Причина же испуга была ясна. Вокруг толпились сорогастеры, и отношение их к людям было явно угрожающим.

— Мы не можем доверять этим сорогастерам, — выпалила девушка. — Они не похожи на остальных. Это предатели... Они убьют нас после того, как получат весь колхицин... или задержат до прибытия отца.

— погоди, — сказал Песчаный Пес и забрал у нее остаток пакетиков колхицина. — Вы приехали на пескоходе?

Девушка кивнула, и Пес властно махнул рукой. Эстрильда схватила за руку ошеломленного Пенни и быстро потащила его в дальний конец поселения сорогастеров. Придурок последовал за ними, Пес замыкал их маленькую колонну.

Сорогастеры не отставали от них, толпясь и толкаясь. Но путь им все же не перекрывали. Только когда сразу за поселением появился стоящий пескоход, сорогастеры, наконец, поняли, что их обманывают. Делая угрожающие движения, они окружили людей.

Эстрильда остановилась, ошеломленная, не знаящая, что предпринять, глаза ее стали широкими и совсем круглыми.

– Тупик, – пробормотал Пенни, которого девушка по-прежнему держала за руку.

По лицу его градом катился пот.

Губы Песчаного Пса мрачно скривились.

Он бросил пакетик колхицина на песок, шагах в десяти в сторону. Сорогастеры бросились за ним. Люди пошли дальше, но вскоре им снова преградили дорогу. На этот раз Пес бросил сразу два пакетика в разных направлениях, как можно дальше, и они снова получили отсрочку. Песчаный Пес теперь нарочно отстал, пропустив Эстрильду, пенни и Придурка к пескоходу. Они сели внутрь, двигатель взревел, но Песчаный Пес еще не был в безопасности. Последним отчаянным жестом он бросил остатки пакетиков с колхицином по широкой дуге, а сам рванул к стоящему «под парами» пескоходу.

– Босс! – завопил Придурок, сделал громадный прыжок с подножки пескохода и приземлился как раз за спиной сорогастера, бегущего за Псом.

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС мощным пинком отшвырнул второго сорогастера, и прыгнул в пескоход как раз в тот момент, когда Эстрильда включила сразу вторую передачу, повернулся, ухватил за протянутую руку Придурка и втащил его на борт. Пескоход взревел и, вздымая тучу песка, рванул вперед. Эстрильда тут же переключилась на четвертую передачу.

– Вот вам всем! – рассмеялся Пенни, обернулся и сделал рукой неприличный жест. Но лицо Песчаного Пса осталось напряженным.

– У нас на хвосте еще есть кое-кто похуже. Мерибрук!

Так оно и было. Поднявшись на дюну, они увидели, что пескоход Мерибрука уже с ревом несется по поселению. Мерибрук даже не стал останавливаться, поняв главное, а именно, что его пленники убегают.

– Спускайтесь в кабину, – велел Песчаный Пес Пенни и Придурку, поскольку все трое еще полулежали на верху пескохода.

Затем он сам спрыгнул на переднее сидение рядом с Эстрильдой Мерибрук. Она мельком глянула на него, лицо у нее было бледным и напряженным.

– Не думайте, что вы все трое неуязвимы, потому что в машине сию я, – сказала она. – Мой папаша не замедлит открыть пальбу,

чтобы убить нас всех. Я, вообще-то, встречалась с ним лишь раза четыре в жизни, и он всегда ненавидел меня так же, как ненавидел мою мать. Он уничтожит любого, кто стоит у него на пути. А мы стоим на пути завершения им самого большого телескопа в мире для брата Пола. Это очень дорогое и выгодное предприятие для моего папаша, так что он непременно хочет убить нас.

Пол, как раз усевшийся на свое место, повернулся к ней.

— Вот же крыса! — мрачно бросил он и нахмурился.

Пескоход Мерибука несся за ними, вздымая позади песок. Пока беглецы смотрели на него, сорогастеры, ехавшие на вершине, прыгнули на песок и растянулись по пустыне. Пескоход Мерибука тут же стал нагонять.

— Мы едем не достаточно быстро, — задумчиво сказал Придурок. — Может, если мы переключимся на форсаж...

— Никаких форсажей, — кратко сказала Эстрильда. — Но в то время, как Солнце стоит высоко, охлаждение движка и так работает на пределе, а на форсаже он быстро перегреется и вообще выйдет из строя. И тогда мы взлетим на воздух в красивом таком взрыве.

— А может, — сказал Придурок и усмехнулся Песчаному Псу, — попробовать тот приемчик, который мы применили на Плутоне, босс, когда парни из наркосиндиката преследовали нас по Кислородному Ручью? Засыплем быстренько пескоход песком, а сами обойдем Мерибука сзади!

Глаза Песчаного Пса затуманились от воспоминаний, но затем он отрицательно покачал головой.

— Песок не кислородный снег, — возразил он. — Мы попросту не успеем.

Он задумчиво глянул на небо. Солнце уже клонилось к закату. С наступлением ночного холода эффективность атомного двигателя возрастет, и можно будет не бояться перегрева. Пока начинался вечер, оба пескохода — преследуемый и преследователь, мчались на предельной скорости по пустыне.

КОГДА СОЛНЦЕ совсем скрылось за горизонтом, сгустилась темнота, слегка рассеянная слабым светом Фобоса и Деймоса, марсианскими лунами, волшебная красота которых давно была описана давно забытыми писателями, никогда не бывавшими на Марсе. Пустыня погрузилась в полутьму, кремовую, как кожа красавицы. Тут и там виднелись странные растения Марса, получавшие пищу из железно-окислых песков. Песчаный Пес глубоко дышал в ночи, чувствуя себя столь же уютно, как и в любом другом месте. Он давно уже изучил пустыню, и она стала ему домом. Время от времени пескоход перемалывал гусеницами случайно попавшихся на дороге ранних прародителей сорогастеров — поразительно чело-

векоподобных растений, которые целыми днями стояли, воздевая руки-ветви к солнцу, словно кающиеся грешники. Временами попадались земные растения — столетник кактус окотилло, испанский байонет и древовидная юкка.

Все четверо ехали молча. Эстрильда вела пескоход с уверенностью опытного водителя, используя каждую возвышенность, низинку между дюнами и с такой стремительностью взлетая на их гребни, словно хотела улететь в космос, так что Пол Пенни весь трясся от ужаса.

— О, Боги! — наконец, вскричал он более чем серьезно. — Если мы опрокинемся, то к чему вся эта спешка.

— А если мы не опрокинемся, — огрызнулась в ответ девушка, — то скоро будем в Бельвилле и получим шанс дожить до глубокой старости.

— Не думаю, что Бельвилль спасет нас от твоего отца, — хмуро буркнул Пенни. — До восхода солнца мы пройдем еще восемь-девять километров. Но мы не увидим дорогу, пока не окажемся в полукилометре от города. А когда солнце выйдет из-за горизонта, мы начнем снова терять скорость. Если бы только у нас была дальнбойная винтовка...

— Но ее у нас нет, — отрезала Эстрильда.

Однако насколько знал Песчаный Пес, она была у Мерибрука. Время от времени он приподнимался с сидения и глядел назад, в поисках негодяя, встающего во весь рост и подносящего к плечу приклад вибро-винтовки. Однако было очевидно, что до утра Мерибрук не сможет использовать винтовку. Но вот когда встанет солнце, тогда...

Внезапно на губах песчаного Пса появилась легкая улыбка. Солнце, дающее жизнь, может ее и отнимать...

ПРИДУРОК СПАЛ, тихонько храпя.

И Песчаный пес принялся вновь любоваться марсианской ночью, положив затылок на сложенные сзади руки. Пескоход летел по призрачному миру, поднимаясь и опускаясь по большим розовым дюнам, которые в призрачном свете походили на бескрайнее бурное море, неожиданно застывшее, словно прихваченное морозом. Единственными звуками был хруст раскалывающихся под гусеницами кактусов. Это был обширный мир пустынь, которых почти не касалась нога человека.

Тянулась ночь, по длине равная земным ночам. Песчаный Пес дважды сам садился за руль, но перед рассветом передал управление Эстрильде.

Наконец, на востоке появилось Солнце, белое и горячее, неотфильтрованное толстой атмосферой. Все трое мужчин, охвачен-

ных единым напряжением, поднялись на ноги и стали обшаривать взглядами оставшийся позади горизонт в поисках Мерибрука. И они увидели Мерибрука, как тот, несомненно, увидел их. Он тоже стоял на ногах, в воздушном костюме, и жаркие солнечные лучи отражались от металлических частей и стеклянного шлема.

Затем Мерибрук, не спеша, поднял вибро-винтовку.

– Вниз! – сказал Придурок, но сам не присел, как и Песчаный Пес, который знал, что когда Мерибрук решит открыть стрельбу, Придурок непременно спрячется.

Прищурившись, Пес определил, что расстояние между пескоходами заметно уменьшалось. Но опасность перегрева двигателя от солнца уже не позволяла увеличить скорость.

– Сейчас он выстрелит, – негромко сказал Придурок, и его открытое шрамами лицо сморщилось от напряжения.

– Сворачивай! – неожиданно закричал Песчаный Пес Эстрильде. – Быстрее! Огибай дюну!

Эстрильда отреагировала на эту команду даже быстрее, чем ее моторная реакция получила бы приказ от мозга. Она крутанула руль, и пескоход закрутило... Слишком поздно! Мерибрук уже спустил курок до того, как пескоход скрылся за дюной. Из-под капота двигателя вырвался клуб дыма, Эстрильда попыталась справиться с управлением и вести машину дальше. Но это было уже невозможно. Медленно, точно раненый зверь, пескоход полез на дюну, перевернулся на бок и стал сползать по склону.

Песчаный Пес закричал, схватил Придурка и выбросил его за борт так, что он шлепнулся на песок далеко от пескохода. От этого движения Пес сам потерял равновесие и полетел в другую сторону.

Приземлился он, глубоко зарывшись шлемом в песок, тут же повернулся на бок и сразу же увидел Мерибрука в несущемся к ним пескоходе. Мерибрук, держа винтовку у бедра, готов был начать стрелять в любой миг. А выражение его лица не давало беглецам никакой надежды на пощаду.

Эстрильду нигде не было видно. Пол Пенни и Тупой Придурок лежали рядом друг с другом на песке. Но девушка, очевидно, так и осталась в пескоходе.

Машина Мерибрука была все ближе, направляясь прямо к лежащему Песчаному Псу. Ноздри Пса раздулись, он повернулся и увидел, что их пескоход лежит совсем рядом с ним на боку. Эстрильда висит, застряв между рулем и сидением. Не трогая пока что ее, Песчаный Пес вскочил на ноги, в два прыжка оказался возле машины и полез в отсек, куда Пол Пенни спрятал свой телескоп.

Достав его, Пес выпрямился в полный рост, стоя возле перевернувшегося вездехода, и глянул на преследователей. Было нечто пугающее в том, как Мерибрук держал вибро-винтовку. Песчаный

Пес понял, что он начнет стрелять, как только увидит цель. Стрелять в кого угодно. Даже в родную дочь.

V

Песчаный Пес развернул инструмент Пенни, напрягая память и вспоминая, в какой последовательности Пенни соединял отдельные узлы прибора. Электроды он присоединил к металлическим деталям своего костюма. Затем Пес тронул реостат и испытал восторг, когда 12-дюймовая «линза» развернулась у него над головой. Он стал перемещать ее, просто поднимая и опуская пульт управления. Линза выросла при этих манипуляциях, пульсируя, как живое существо, и подчиняясь его командам.

Пес медленно кивнул и мрачно улыбнулся. Шанс был мизерный, почти никакой, но это все же лучше, чем ничего. При этой мысли Песчаный Пес вышел из-за перевернутого пескохода и встал во весь рост, держа линзу между собой и Мерибруком.

Мерибрук тут же увидел его. Пескоход остановился. Мерибрук вылез наружу и встал на песок, широко расставив ноги для упора и направив вибро-винтовку на Песчаного Пса. Глаза Мерибрука были мертвыми, точно обкатанная морем галька.

Лицо Мерибрука, а так же водителя, крысиная морда которого выглядывала из пескохода, были направлены на Песчаного Пса. Пес сделал длинную театральную паузу, затем заговорил, и в голосе его зазвучала сталь:

— Мерибрук, я даю вам десять секунд на это, чтобы повернуться и уехать отсюда.

Мерибрук все так же не шевелился, но лицо его чуть порозовело и расслабилось. Затем губы его шевельнулись.

— Блеф вам тут не поможет, — сказал он. — Это дело важнее всей вашей никчемной жизни. Вся загвоздка в этом приборчике Пенни.

— *Приборчике?* — с презрительной интонацией повторил Песчаный Пес. — Да этот *приборчик* коренным образом изменит современную астрономию. И все же вы готовы затормозить прогресс ради сиюминутной финансовой выгоды. Затормозить любой ценой, и причины этого чрезвычайно просты. Ваша промышленная империя была на грани краха, Мерибрук, пока вы не заключили контракт на постройку самого большого телескопа в мире. Так ведь? А теперь оказывается, что это телескоп будет никому не нужен.

Мерибрук молчал. Песчаный Пес понимал, что ему просто нечего сказать. И, поскольку Мерибрук был готов выстрелить, Песчаный Пес чуть шевельнул реостат, так что его изображение, видимое через линзу, стало колеблющейся, расплывчатой целью.

— Вы когда-нибудь пытались стрелять в рыбу через воду? — бодро спросил песчаный Пес.

Затем взгляд его стал холодным и суровым. Он еще дальше продвинул рычажок реостата, и воздушная линза выросла до огромных размеров, став метров пять в диаметре. Солнце уже полностью вылезло и висело теперь над горизонтом. Его свет и тепло прошли через линзу и сконцентрировались в ее фокусе. И собранные в единый пучок лучи ударили по Мерибруку и пескоходу с водителем. Мерибрук закричал. Его палец нажал на курок, и было видно, что он выпустил весь заряд из винтовки, но Песчаный Пес понял, хотя и не почувствовал, попадание. Он рухнул на колени, но по-прежнему удерживал пульт управления линзой. Луч играл на двух крысах в человеческом облике, смертоносный, такой яростный, что там, где только что находились Мерибрук и уже полностью вылезший из пескохода водитель, лишь поднимались столбы черного, жирного дыма, песок под ними кипел и плавился, образуя импровизированную надгробную плиту из пенистого стекла, которое тут же стало застывать, когда Песчаный Пес выпустил пульт управления линзой, потеряв сознание от боли, жгущей ему грудь.

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ спустя Придурок, Пол Пенни и Песчаный Пес находились в закрытой кабине возле Эстрильды, которая с максимальной скоростью вела через пустыню по направлению к Бельвиллю пескоход Мерибрука. Грудь Песчаного Пса была обнажена там, где вибро-луч сжег ему кожу. К ране были привязаны размоченные чайные листья, единственное найденное на борту средство от ожогов.

Придурок первым подбежал к лежащему Песчаному Псу и заткнул дыру в его костюме. Остальные тоже не пострадали. Только когда пескоход уже мчался по нагретой солнцем пустыне, все поняли, что навсегда избавились от Мерибрука.

— Итак, — насмешливо усмехнулся Песчаный Пес, — смерть Мерибрука разом решила много проблем. Я приехал в Сэттерфильд-сити, в первую очередь, потому что человек убил там сорогастера. В последние годы подобные убийства стали редки. И меня заинтересовало, кем был убийца, а еще и вопрос, почему сорогастеры сами не поднялись в ответ на это убийство. На эти вопросы мы тоже получили ответы. Теперь ваша очередь, Эстрильда.

Девушка пожала плечами, не отрывая глаз от холмистой пустыни, несущейся под гусеницы пескохода.

— Большую часть жизни я провела на Земле. В университете я встретила Пола, и уже тогда он работал над своим электрическим телескопом, новым шагом в астрономии. Стеклообразные зеркала были

уже слишком громоздкими, даже если их устанавливали на Луне или других планетах с низкой гравитацией...

Пенни провел ладонью по своему бедру, глаза его заблестели.

— А размерам моих линз нет предела! Одним нажатием кнопки я могу создать хоть тысячи, хоть пятидесяти тысячный телескоп. Годы и десятилетия отливки, шлифовки и подгонки зеркал ушли теперь в прошлое, понимаете? Я...

— Вы продолжали свою работу, несмотря на то, — мягко перебил его Песчаный Пес, — что ваш брат Мортон Пенни потратил почти полжизни, чтобы найти финансовую поддержку для создания обсерватории на Луне.

Пенни опустил голову, сел на место и с трудом продолжал:

— Я работал как раз ради таких, как он. Из-за людей типа Джорджа Эллери Хэйла, который создал двухсотдюймовый телескоп — невероятное достижение, которое заняло у него всю жизнь. Мортон все же нашел финансовую поддержку и заключил договор со стеклянными предприятиями Мерибука. — Он отчаянно заерзал на сидении с искаженным от боли лицом. — Можете вообразить мои чувства, когда я понял, что должен сказать брату, что все усилия, все, что вложил он в свой проект, все невероятные унижения, которым он подвергался, все лишения и болезни, которые он испытал и получил, все, абсолютно все это было бесполезно? Что бессмысленной была вся его борьба за создание пятисотдюймового зеркала? Ну, я знал, что должен сказать ему все, но хотел как-то смягчить удар. Тогда я жил уже в Сэттерфильде, и Эстрильда только что прилетела на Марс с Земли. Я доверял ей — она была единственной, кому я доверил тайну своей линзы. Она рассказала об этом своему отцу, думая, что он разорвет контракт и тем самым смягчит удар, ждущий Мортон. — Пенни презрительно рассмеялся. — Но мы оба не знали, что империя Мерибука была на грани банкротства. Ему нужны были эти деньги, которые должен принести контракт. И он послал сорогастера из того поселения не только затем, чтобы украсть мои чертежи, но и чтобы убить меня. Однако его план пошел наперекосяк, когда я сам убил сорогастера-киллера.

Он замолчал, переводя дыхание, и в эти несколько секунд Песчаный Пес украдкой взглянул на Придурка. Придурок дрых и мирно храпел. Тогда Песчаный Пес вновь повернулся к Пенни.

— Итак, — спокойно сказал он, — на следующий день Мерибрук связался с вами и сообщил, что полиция знает, что вы убили сорогастера, и что если вы скажете хоть слово Мортону о своем изобретении прежде, чем Мерибрук закончит постройку телескопа на Луне и получит плату, Мерибрук даст полиции отмашку, и та арестует вас и подведет под суд. А Мерибрук наймет свидетелей, верно?

Пенни вздохнул, лицо его потемнело.

— Так все и было. И я не мог ничего сделать, я почти что принял его условия...

ЭСТРИЛЬДА УСЛЫШАЛА его слова, оглянулась через плечо, в ее глазах плескалось презрение.

— Под угрозой было гениальное изобретение, — отрезала она, — а ты поднял лапки и сделал все и всех, Пол Пенни. Ты даже не доверился мне, не рассказал, что сделал мой отец, из страха, что я передам все Мортону или, что более вероятно... — она презрительно усмехнулась, — что я сделаю твою жизнь невыносимой, и тебе самому придется все рассказать брату. Ну, когда я увидела, что ты не собираешься поговорить с Мртоном... — Она глубоко вдохнула и повернулась к Песчаному Псу. — Я действительно хотела, чтобы вы похитили Пола и увезли его на Землю, потому что сам он туда бы не полетел. Я знала, что так или иначе мой отец заставит его пойти на грязное соглашение. По этой причине я и держала своего отца под прицелом в доме, когда вошла в комнату за Придурком... — Она взглянула на Придурка, и ее прекрасные губы дрогнули в улыбке. — А когда приехала полиция, отец сказал им, что вы были простыми взломщиками, и я вышла из дома вместе с полицейскими, так как подозревала, что отец попытается помешать мне сделать то, что я намеревалась. Я не знала точно, но просто чувствовала, что он настроен против меня. Я поехала в Сорогастер-таун с идеей нанять несколько сорогастеров и все же похитить Пола. Я выбрала первого же сорогастера, которого встретила, и он сказал мне, что увезет Пола в поселение сорогастеров. Но сорогастер предупредил меня, что, помимо человеческих денег, я должна буду привезти препарат под названием колхицин.

— И вы понятия не имели, что такое колхицин? — насмешливо спросил ее Песчаный Пес.

— Тот сорогастер сказал мне, что знает, кто я такая, поэтому он и появился на моем пути. Он сказал, что мой отец снабжает его самого и его друзей колхицином, поэтому я могу найти препарат у него дома. Поэтому я вернулась домой и снова пригрозила отцу пистолетом. Отец рассказал мне, что даст сколько угодно колхицина, если я скажу, для чего он мне понадобился. Я рассказала. Колхицин он мне все же отдал. На всякий случай я привязала отца к креслу. Наверное, он освободился и поехал за мной к поселению сорогастеров.

Худошавое лицо Пола Пенни перерезала кривая усмешка.

— Ты умная цыпочка, дорогая моя! — сказал он. — Интересно, удивилась ли ты, когда обнаружила у сорогастеров нас троих вместо меня одного? Но, во всяком случае, хорошо, что вы не отдали со-

рогастерам сразу весь колхицин. Но кто-нибудь скажет мне, черт побери, что такое этот колхицин?

— Всею свое время, — улыбнулся песчаный Пес, но глаза его оставались серьезными. — Надеюсь, вы понимаете, Пол, что обвинение в убийстве сорогастера все еще висит над вами?

— Понимаю ли я? — простонал Пол Пенни и ударил ладонью по бедру. — Теперь, когда Мерибрук умер, стало только хуже. Теперь никто не станет удерживать полицию от преследования меня по суду.

Кровь отхлынула от лица Эстрильды. Она все внимание обратила на дорогу, но лицо ее стало испуганным.

— Нет, они не могут, Пол! Это же была чистая самооборона! У них нет права... О-о... — Она замолчала и умоляюще уставилась на Песчаного Пса. — Его ведь не могут отдать под суд... Или могут?

— Могут, — твердо заявил Песчаный Пес, подался вперед и сжал руку Эстрильды так, что она почему-то сразу преисполнилась надеждой. — Да, его отдадут под суд. Но его оправдают!

— **ОПРАВДАЮТ?** — медленно, растянув это слово, переспросил Пенни, и карие глаза его помрачнели еще сильнее. — Не внушайте мне ложных надежд. Вероятно, вы знаете о Марсе куда меньше, чем считаете. Еще никому никогда не сходило с рук убийство сорогастера. Убийство, совершенное по любой причине. Таков тут закон.

— Вас оправдают, — настойчиво повторил песчаный Пес. — Я обещаю вам это и пошлю на суд своего представителя, который представит доказательства вашей полной невиновности, после чего вас оправдают. Во-первых, Пол Пенни, вы убили не *сорогастера*! Вы убили представителя совершенно иного вида разумных растений. Ссер-Ссп сказал мне это. Поскольку сорогастер, которого вы убили, был потомком едоков колхицина.

Пенни и Эстрильда были заинтригованы.

— Едоки колхицина? — медленно переспросил Пенни.

— Колхицин, это препарат, вызывающий мутации у растений, — пояснил песчаный Пес. — На Земле его открыли еще в 1940-х годах. При его помощи создали сотни мутаций у растений. Причем мутанты эти оказались совершенно иными растениями, чем те, из которых они возникли. Так же, как потомки едоков колхицина полностью отличаются от своих родителей. Чем отличаются? Ну, во-первых, у мутантов появились все человеческие эмоции и нежелательные человеческие качества — жадность, ненависть, страсть к убийствам, кражам, лжи. Во-вторых, я подозреваю, что произошли и какие-то физические изменения, но в первую очередь, мутации коснулись их психики. Это я и имею в виду, когда говорю, что ни-

какой истинный сорогастер не признает сорогастеров-мутантов своими сородичами. У истинных сорогастеров они вызывают лишь отвращение. А это означает, что вы, Пенни, убили не сорогастера, поэтому никакой суд вас не осудит!

И Песчаный Пес развалился на сидении из синтекожи, вытянув и скрестив ноги, и улыбаясь, как человек, довольный решением трудной проблемы. Поскольку проблема действительно была решена! Когда власти будут удовлетворены о существовании поселения мутантов, оно будет стерто с лица пустыни. Самим же мутантам – а их смело можно назвать «наркоманами» – станет трудно добывать колхицин, а без него они вымрут. Так эта проблема ликвидируется сама по себе, а Песчаный Пес, удивленно подняв брови, отметил, что проблемы, вставшие между Полом Пенни и Эстрильдой Мерибрук, тоже вроде бы разрешились. Поскольку, после того, как значение слов Пса дошло до остальных, Пенни невнятно пробормотал что-то в свое оправдание и пересел на тесное водительское сидение рядом с Эстрильдой.

Песчаный Пес прикрыл глаза, откинув назад голову. Ему было ясно, что теснота водительского сидения была, в данном случае, достоинством...

СПУСТЯ НЕДЕЛЮ двое, тщательно побритых, придевшихся и даже не без шарма, медленным, прогулочным шагом шли по одному из многочисленных переулков Бельвилля. Более высокий из них помахивал тросточкой в левой руке, а правой железной хваткой держал под руку своего компаньона, который пошатывался, точно пьяный.

– Так не может больше продолжаться, – бормотал себе под нос Тупой Придурок. – Я должен, наконец, выспаться. Должен проспать не час, не восемь часов, не день и даже не неделю. Я хочу проспать год без просыпу. Нет, полтора! Если я не высплюсь, то умру. Босс, *почему ты не позволяешь мне выспаться?*

– Ты спал целую неделю, – напомнил ему Песчаный Пес.

Он давно привык и к этому бормотанию, и к любопытным пристальным взглядам, которыми провожали их парочку немногочисленные прохожие.

– Всего лишь неделю, – простонал Придурок, содрогнувшись. – Да я только-только заснул. Просто задремал. Я лишь собирался как следует уснуть. И тут ты разбудил меня!

– Я почувствовал, что должен разбудить тебя и привести в этот район, – с достоинством сказал Песчаный Пес, – в котором, насколько мне известно, скрывается один известный преступник. Кстати, это наш долг...

Придурок пошатнулся.

— Да плевать мне на долг, — продолжал он жаловаться за свою злую судьбу. — И на всяких там преступников. Я только хочу выспаться. Я хочу спать, пока не состарюсь и не поседею, и не обрасту волосами так, что буду бороду использовать в качестве одеяла. Я хочу спать, пока...

Внезапно этот широкоплечий коротышка, которого Песчаный Пес с трудом удерживал в вертикальном положении, претерпел удивительные изменения. Он резко выпрямился, его расслабленные мышцы напряглись, вялое лицо застыло. Глаза с опущенными веками мгновенно распахнулись. Он тряхнул с себя поддерживающую руку Пса и пошел сам, уже ни капельки не шатаясь, прямо в темноту благоухающего всеми разновидностями помоев переулка.

— О-о!... — протянул он. — Что-то происходит, босс. Я чувствую это. Там, впереди. *Пойдем-ка быстрее!*

Слабая улыбка на губах Песчаного Пса стала шире, когда чувство надвигающейся опасности вернуло его товарища к жизни. Как всегда. И жизнь была хороша, и жить стало хорошо. Приключение звало их, манило, приключение, смертельно опасное, но необходимое. Потому что лишь при его приближении по-настоящему просыпался Тупой Придурок.

The Sandhound strikes, (Planet Stories, 1945, Spring), пер. Андрей Бурцев

A NOVEL OF THE FUTURE COMPLETE IN THIS ISSUE!

WINTER
ISSUE

15¢

STARTLING STORIES

BUY WAR BONDS
AND STAMPS
FOR VICTORY!

A THRILLING
PUBLICATION

THE *Giant Atom*
An Astounding Complete Novel
By MALCOLM JAMESON

THE LAST WOMAN
A Hall of Fame Classic
By THOMAS S. GARDNER

ЗА КИПЯЩЕЙ ЗОНОЙ

СЕДОЕ ЛИЦО первого помощника капитана было бледно. Последние десять минут он держал мысли при себе, но больше не мог этого вынести. Специальное судно «Отвага» падало под углом на жгучую поверхность Солнца. Корабль был уже в страшной «зоне кипения», и лишь новейшие тепловые экраны Гримсона спасали его от гибели.

Меркурий остался далеко позади. А впереди – если верить капитану Уайэнду Траску – была планета Вулкан. Вот только нигде в пределах миллиона километров они не видели никаких признаков этой транс-меркурианской планеты. Но Корбли понимал, что даже если она где-то и есть на расстоянии миллиона километров, то корабль и экипаж обратятся в пепел прежде, чем доберутся до нее.

Он повернулся к Траску, который спокойно сидел в капитанском кресле, не выказывая ни малейшей тревоги от того, что посылает корабль на верную гибель.

– Вы уверены, что я не должен отменить ваш последний приказ, капитан?

Траск хладнокровно встретил его взгляд.

– Корабль должен оставаться на курсе еще пятнадцать минут с ускорением в половину «же».

– Но через десять минут полетят тепловые экраны! – выпалил Корбли.

Траск открыл записную книжку и перелистнул страницы.

– Через десять минут нам уже не понадобятся тепловые экраны. Ровно в семь сорок пять, мистер Корбли, наша скорость будет уменьшена примерно до семи десятых километра в секунду, и экипаж станет готовиться к посадке.

– К посадке? – хрипло переспросил Корбли. – Но куда садиться, если в радиусе миллиона километров нет ни следа планеты?

– Вы получили приказ, – холодно ответил Траск.

С хриплым проклятием Корбли поднес к губам трубку и связался с машинным отделением.

В ГОРЯЧЕМ ВОЗДУХЕ машинного отделения, с завывающими на полной мощности двигателями Виттенберга, главный инженер Джим Брилл недоверчиво сморщился, выслушав первого помощника. Затем бросил трубку на рычаг, а глаза его метали яростные молнии.

— Нашим кораблем командует псих ненормальный! — проревел он своим людям. — Ему недостаточно того, что он послал нас за орбиту Меркурия, в кипящую зону. Ему недостаточно, что он велит нам подавать больше энергии на Виттенберги, когда прекрасно знает, что тепловые экраны вот-вот сдохнут. Так нет же, он приказывает нам готовиться к посадке!.. К посадке на планету, которой здесь и вовсе нет!

И он разразился диким, неверящим смехом.

Его подчиненные столпились вокруг, что-то успокаивающе бормоча. Один из пожилых инженеров, отвечающих за проводку и аккумуляторы, сказал с очень серьезным лицом:

— Не спешите с выводами, Джим. Траск не ребенок. Он в прошлом году получил Пулитцера — приз по астрономии и астронавигации. Думаю, он знает, что делает.

Лицо Брилла побагровело.

— Знает, что делает? — взревел он, схватил старика за отвороты куртки и дико затряс. — Вы хотите, чтобы мы поджарились тут, да? Да мне плевать, что он открыл там какую-то новую комету! Он растерял последние мозги! Он просто рехнулся!

Аккумуляторщик терпеливо ждал, пока Брилл перестанет его трясти.

— Нам не на что жаловаться, — напомнил он. — Траск сказал, что это будет за полет, когда нанимал нас на Марсе. Он честно сказал, что это будет опасная экспедиция. Предупредил, что ему нужны только добровольцы. И мы все согласились лететь с ним к планете Вулкан на поиски доктора Джона Сполдинга. То, что мы еще не видим Вулкан, не означает, что мы и не увидим его, так ведь?

Брилл отпустил его и выругался.

— И когда мы найдем его, а? — прохрипел он. — Когда кровь закипит у нас в жилах? Траск математик и чистый теоретик. Он и понятия не имеет, как управлять кораблем на практике. Все свои знания он почерпнул из книг. В отличие от нас, получивших их на горьком опыте. Верно я говорю? — он повернулся к своим людям. — Вы со мной? Прекратим это безумие?

Холлоуэй, специалист по вакуумным фидерам, мрачно кивнул.

— Мы с вами, Джим. Ведите нас!

Сердитый ропот подтвердил его слова.

С дикой усмешкой Брилл повернулся и стал подниматься по крутой металлической лесенке. Инженеры последовали за ним.

КАПИТАН УАЙЭНД Траск услышал топот ног в коридоре одновременно с Корбли. Корбли вскочил на ноги и шагнул к прозрачной

двери, бросил только один взгляд в коридор и повернулся, бледнея.

— Началось, — заикаясь, выдавил он. — Я знал, что они не захотят выполнять этот приказ.

Первым в рубку ворвался Брилл. За ним втиснулись остальные, образуя полукруг возле Траска. Брилл упер запачканные смазкой руки в широкие бока.

— Ну, и что вы хотите сделать? — нехорошо усмехаясь, заявил он.

— Мы пришли сказать, чтобы вы немедленно разворачивали корабль, или мы сами сделаем это.

Траск взглянул на свои наручные часы.

— Если вы немедленно не вернетесь на свои места, то через шесть с половиной минут «Отвага» потерпит крушение.

Брилл пораженно уставился на него.

— Слышали, мы потерпим крушение! — заорал он. — Воткнемся в планету, которой здесь нет!

— Правильно, — точно напильник, проскрипел голос Траска. — В планету, на которую три месяца назад высадился доктор Джон Сполдинг. Или, скорее, не приземлился, а упал на нее — как упадем и мы, если через шесть с половиной минут не врубим тормозные двигатели на полную мощность.

— Бедный капитан Траск, — насмешливо проворковал Брилл. — Разве он не знает, что тепловые экраны не выдержат еще шесть минут? Разве он не прочел в книгах, что даже тепловые экраны Гримсона не могут работать вечно?

— Через две минуты, — ответил Траск, — жара прекратится. Однако я буду честен с вами и займу минуту своего времени для полного объяснения...

Брилл не дал ему закончить. Очевидно, он сообразил, что против каменной стены лучше использовать тяжелый молоток, поэтому выбрал тактику тарана. Он бросился на Траска, который, подыски-

BEYOND THE BOILING ZONE

By
ROSS ROCKLYNNE

*Close to the Sun, Earthmen
Find the Planet Vulcan, a
Two-Dimensional World!*

вая простые слова для объяснения ситуации, не был готов к нападению. Здоровенный кулак Брилла ударил его в подбородок.

— Дураки! Набитые дураки с куриными мозгами!..

Брилл ударил его еще раз, и Траск вылетел с кресла на пол, потеряв сознание.

Очнулся он от потрясшего весь корабль удара.

За ним последовал ряд толчков, бросивших капитана поочередно на все стены какого-то пустого помещения, затем он упал на пол, а корабль еще раз содрогнулся и затих. И тут Траск понял, что произошло.

Борясь с головокружением, он с трудом поднялся на ноги, и нащупал дверь. Но дверь была заперта. Впрочем, не прошло и пяти минут, как за нею послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и за ней оказался Брилл с перекошенным лицом. Главная крыса в здешнем крысятнике.

— Корабль потерпел крушение, капитан, — хрипло сказал Брилл. — Нам нужны ваши советы.

ТРАСК ПРИСТАЛЬНО поглядел на него.

— И что же случилось?

— Случилось то, что вы и сказали. Мы уже приготовились поворачивать корабль, но не успели. Внезапно он оказался в поле тяготения. Планета словно выпрыгнула из пустоты. — Он недоверчиво стиснул губы.

— Эта планета двумерная, Брилл, — сказал Траск.

— Двумерная?.. — выпучил глаза Брилл. — Помогите мне, капитан, если думаете, что можете что-нибудь сделать, пока мы тут окончательно не зажарились...

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — горько усмехнулся ему Траск. — Планета имеет два измерения. Вы просто не поверили бы мне на слово.

Он повернулся и направился в рубку управления. Брилл, ругаясь шепотом, последовал за ним.

У переднего экрана стоял Корбли и беспомощно глядел на него. Затем подавленно повернулся, услышав шаги Траска. Траск принял и ощутил в рубке сквозняк.

Корбли кивнул с несчастным видом.

— У нас течь в трюме номер два, — доложил он.

— Воздух хотя бы в порядке, — ответил Траск, подходя к нему.

На экране его глазам предстала планета с пышной зеленой растительностью, холмами и горами за ними. Но планета выглядела так, словно тоже потерпела катастрофу. При более пристальном рас-

смотрении стали видны глубокие провалы и ущелья, холмы были усеяны каменными обломками и вспаханной землей. Громадные куски скал выглядели так, словно какие-то гиганты пошвыряли их в склоны.

Корбли поднял руку и беспомощно указал на экран. В верхней половине экрана висело Солнце. Но это было не то Солнце, какое люди привыкли видеть. Это был просто желтый круг, явно не имевший глубины. Двумерный круг.

— В каком состоянии корабль, мистер Корбли? — спросил Траск.

— Согнуты и забиты задние дюзы и две вспомогательные форсунки, — доложил Корбли.

Траск повернулся к Брилли.

— Это ваша епархия. Вы можете восстановить их?

Брилл тут же вспотел.

— Нет, капитан, — хрипло произнес он. — Мы можем выправить дюзы и вернуть им прежнюю форму, но их *кронитовая* облицовка, вероятно, потрескалась, а *кронит* не поддается сварке. У нас найдется запасная облицовка, но после ремонта дюзы смогут выдерживать работу двигателя только на минимальной мощности. А минимальная мощность не поднимет нас с планеты.

— Это должно быть сделано, — терпеливо сказал Траск. — Кроме того, ремонт нужно произвести не дольше, чем за три дня, иначе мы застрянем здесь на семь лет, пока планета не завершит оборот вокруг Солнца.

— Семь лет?! — Корбли недоверчиво покосился на Траска. — Но у планеты, расположенной так близко к Солнцу, год не может длиться так долго. Он должен быть где-то в пределах двадцати дней.

— У этой планеты, — с нажимом сказал Траск, — год длится семь земных лет.

ЛИЦО БРИЛЛА тут же стало враждебным.

— Это невозможно, — упрямо сказал он.

— И Солнце такое невозможно, — ответил Траск. — Только взгляните на него. Оно двумерное. Солнце, Земля и все звезды теперь для нас двумерные. — Траск закурил сигарету и уставился на Брилла холодным взглядом. — Я — не потерявшийся в лесу ребенок, как вы воображаете себе, Брилл. Планету Вулкан наблюдали, как точку на фоне Солнца, с последней половины девятнадцатого века. Когда настала эра космических полетов, ученые начали искать ее снова, и за последнюю пару веков многие астрономы видели ее на какой-то миг, но они не могли подойти достаточно близко к Солнцу, чтобы подтвердить свои наблюдения. Я собрал все факты и расчеты, и они

поведали мне, что такое на самом деле Вулкан, сколько длится его год и многие другие важные сведения. В прошлом году я отдал все расчеты Сполдингу. Его корабль был оборудован новыми тепловыми экранами Гримсона, и он отправился на поиски Вулкана. Кажется, теперь я знаю, почему он не вернулся. В перигелии Вулкан находится в половине миллиона километров от Солнца, в афелии — миллион. И в афелии, примерно на три минуты, он выходит из четвертого измерения. — Триск заметил выражение лиц своих собеседников и скупое усмехнулся. — Не шибко-то задирайте носы. Только представьте, какие громадные силы и деформации находятся возле Солнца. Притяжение здесь просто неимоверное. И оно изгибает световые лучи. Кроме того, оно деформирует орбиту Меркурия, а тот находится в тридцати миллионах километров от Солнца. Что же может произойти с планетой в полумиллионе километров от нашего светила? Как раз то, что случилось с Вулканом. Чудовищное поле тяготения Солнца сдвинуло одно из «нормальных» измерений планеты и тем самым втолкнуло ее в четвертое измерение. У Вулкана и остальной части Вселенной, включая и само Солнце, есть только два общих измерения. Глядя на Вулкан снаружи гравитационной деформации, мы можем увидеть только двумерную планету. Стоя же на самом Вулкане, в четвертом измерении, заменяющим обычное наше третье, мы видим всю остальную Вселенную двумерной. Это же так просто.

Корбли дрожащей рукой пригладил свои седые волосы.

— Значит, тяготение Солнца деформирует также и время, — медленно проговорил он. — Поэтому полет Вулкана вокруг Солнца занимает семь лет.

— Три дня, — сказал Триск, — Вулкан находится в самой дальней точке от Солнца, где может выскальзывать из кокона четвертого измерения в «обычные» наши три. И за это время мы должны убраться отсюда — вместе со Сполдингом. Еще я забыл вам добавить, — сухо сказал он, — что легко попасть в четвертое измерение — для этого нужно просто приблизиться к Солнцу, — но не так-то просто найти путь из него. Для этого мы должны набрать скорость убегания — а она составляет немалую величину. И на все это Вулкан ответит нам всего лишь три минуты. Возможно, по этой причине Сполдинг и не сумел вернуться.

Брилл уперся рукой в дверной косяк, глаза его угрюмо блеснули.

— Вам следовало сказать нам все это прежде, чем мы покинули Марс, — хрипло заявил он.

— Может, и следовало, — кивнул Триск. — Но, как математик, я знаю, что многие истины слишком невероятны, чтобы в них пове-

рил кто-то, не являющийся математиком. Я рассказал вам то, что считал важным, и предупредил, что в этой экспедиции нас будет ждать много опасностей. В рубке перед катастрофой я попытался дать вам полное объяснение. Но вы не пожелали выслушать его. — Он пожал плечами и пошел по пандусу. — Я не снимаю с себя свою часть вины, Брилл, — сказал он напоследок.

ТЕЛЕСКОП ОСТАЛСЯ целым и невредимым, так что Траск поднялся к нему и сел в кресло оператора.

Насколько он мог видеть, повсюду были доказательства какого-то ужасного землетрясения, буквально сорвавшего горы и холмы с оснований. Но почему? Размышления Траска были прерваны, когда в отдаленной долине он увидел нечто похожее на город, небольшой город, но достаточный для того, чтобы служить доказательством существования здесь разумной жизни.

Траск спустился в рубку.

— Милях в десяти отсюда есть город. Если здешние обитатели достаточно развитые, то, может, мы сумеем вступить с ними в контакт, и они дадут нам *кронит*. — Он взглянул на застывшее лицо Брилла. — А пока что будет хорошо, если вы заставите своих людей приняться за починку погнутых дюз. Через полчаса мы выходим.

Через полчаса они вышли на разведку. Доказательств землетрясения становилось все больше, пока они быстро продвигались вперед. Дважды они пересекали длинные полосы красной пыли и строительных блоков. Все выглядело так, словно город яростно толкнули с одной стороны. Несколько раз приходилось пересекать ущелья.

Большую часть времени Солнце висело в небе плоским кругом, но иногда начинало странно искажаться, становясь овальным, вытянутым и даже уменьшалось в размерах.

— Вулкан следует в четвертом измерении по своей орбите, — пояснил Траск. — Я очень сомневаюсь, возможно ли эту орбиту описать математически. Его петли и спирали так близки, как только можно себе представить. Вероятно, это объясняет, почему требуется семь лет, чтобы пролететь по всей длине этой орбиты, а также объясняет столь малое количество получаемого тепла. Время и пространство тут деформированы. Количество тепла, которое получает эта планета, обусловлено тем, что планета получит за двадцать дней. Но только это тепло растянуто на семь лет.

Никто не заметил движения в заросшем лесом склоне слева от них. А к тому времени, как они услышали стук шагов у себя за спиной, было уже поздно. Что-то ударило Траска по голове. Он тут же

упал, перед глазами запрыгали яркие точки, но их тут же поглотила тьма.

ТРАСК ПЕРВЫМ пришел в себя. Он лежал неподвижно, в голове пульсировала боль. Траск поднял голову, в глазах все плыло, точно он был пьян. Прутья! Прутья клетки! Это было первое, что он увидел. А за клеткой стояли странной формы создания, полосатые, окрашенные в фантастические цвета. Клетка стояла в конце узкой аллеи красной земли. А вокруг клетки толпились существа, издававшие странные звуки.

Траск почувствовал инстинктивное отвращение к тому, что увидел. Бессмысленные звуки стали громче и пронзительнее, когда существа увидели, что Траск зашевелился. Существа принялись взволнованно указывать на него руками. Это были не люди, хотя в целом имели человеческую форму. У них были руки, ноги, головы и, вероятно, похожие внутренние органы. Но каждое существо отличалось от другого самым отвратительным образом.

Все они были какими-то деформированными. Руки и ноги у них были разной длины и толщины. Глаза были натканы в разных местах обезьяньих лиц. Тут были круглые головы, прямоугольные, на длинных шеях и вообще без шей. Некоторые существа были невероятно высокими и тонкими, другие же такими маленькими и круглыми, что их можно было бы катать по земле, как шары. Цвет кожи у них тоже был самый разнообразный, от ярко-красного до нежно-фиолетового.

Траск почувствовал, что желудок его сжимает судорога и быстро отвернулся.

— Траск! — услышал он чей-то хриплый крик.

Траск тут же вскочил на ноги.

— Сполдинг!

Высоченный исследователь стоял в другой клетке, шагах в двадцати от Траска, схватившись могучими руками за прутья решетки, по его бородатому лицу текли слезы.

— Траск! — прохрипел он. — Слава Богу! Я зову вас уже целый час. Я тут буквально схожу с ума. Прошли месяцы... А может быть, годы? Это так ужасно, Траск... Ужасно! Но... Так они схватили и вас?

Он был на грани полного изнеможения. Траска потрясли морщины на его лице.

— Держитесь! — рявкнул он. — Они нас поймали, но это еще не значит, что им удастся нас удержать!

Несмотря на явную безнадежность положения, Траск почувствовал, как плечи его распрямились. Сполдинг для него значит больше, чем отец.

— Держитесь, — повторил он. — Мы выберемся из этой тюрьмы.

— Тюрьмы? — и Сполдинг расхохотался, громко, безумно. — Это не тюрьма, Траск! Это зоопарк!

Потом он вроде устыдился, с усилием взял себя в руки и рассказал грустную историю своего пленения.

Его корабль приземлился целым и невредимым. Он вышел на разведку. Как и на Траска, на него напали сзади, ударили по голове, и очнулся он уже в этой клетке. Затем потянулись долгие дни и ночи. Здесь есть смотритель, который приносит еду, проталкивает зловонные куски через прутья клетки или выливает варево на пол.

— Это зоопарк! А мы в нем обезьяны! Грязные, уродливые создания...

Сполдинг буквально трясся от отвращения. Он едва мог смотреть на треплющихся о чем-то между собой существ.

— Впервые в жизни, Траск, я нашел доказательства истинности астрологии. За определенный период, еще до рождения, эти существа подвергались искажающим их силам, изменению гравитации, тепла, магнитным бурям. Все это уродовало эмбрионы. И когда, наконец, существо рождалось, оно было ужасной пародией на своих родителей... Боже! — Он покачал давно нечесаной головой. — Разум у них тоже оказывался изуродованным. Они, например, явно наслаждаются моими мучениями.

И словно иллюстрируя его слова, толпа внезапно начала бросать в Траска камешки. В их странной речи слышалось нечто вроде восторга. Траск стиснул зубы и попытался не обращать на них внимание. Они прекратили бросать камешки, когда поняли, что жертва на них никак не реагирует.

— А вы пытались убежать? — спросил Траск.

Глаза Сполдинга сверкнули.

— Шанс на это существует, — напряженным голосом сказал он. — Я все же не торчал тут без дела. Посмотрите туда!

Он кивнул в сторону перекрестка улиц.

— Ваш корабль! — удивленно воскликнул Траск.

Космический корабль Сполдинга стоял на каком-то постаменте на углу улицы метрах в тридцати от клеток.

Сполдинг кивнул с мрачной удовлетворенностью.

— Он сумели перевезти его сюда на платформе с прочными деревянными колесами. Они понятия не имеют, что это такое. Но мы можем воспользоваться этим кораблем для бегства, Траск!

Он принялся лихорадочно объяснять свой план. Прутья клетки сделаны из мягкого железа. Целых три месяца Сполдинг подпиливал основу одной из сторон клетки. Работал он по ночам. Теперь уже сделана половина работы. Еще два месяца и...

— И я сбегу! — отчаянно заявил Сполдинг. — Смотритель ночует в маленькой хижине позади клеток. Я проберусь к нему, возьму ключи и освобожу вас... В чем дело? Что вам не нравится в моем плане?

ТРАСК ТЕРПЕЛИВО рассказал Сполдингу о *кроните*, необходимом для ремонта «Отваги», а также о том, что у них есть три дня, чтобы в конце их использовать трехминутный выход планеты в нормальное пространство, иначе бегство их станет невозможным на целых семь лет...

Лицо Сполдинга вытянулось.

— Понимаю, — медленно протянул он. — Если мы не уберемся отсюда в течение трех дней, то будем вынуждены оставаться на Вулкане семь лет. И даже если мы уложимся в эти сроки, мой корабль не такой большой и поднимет не более четырех человек... — И он небрежно поднял подбородок. — Мы найдем выход!

За спиной Траска застонал Корбли. А через минуту Корбли и Брилл были уже на ногах, и Траск объяснял им ситуацию. Брилл тут же проявил свой несносный характер и с презрением глянул на Траска.

— Так давайте, используйте свои гениальные астрономические мозги и вытащите нас из этой заварухи! — принялся ворчать он.

Траск не полез с ним спорить. У него не было никакого плана. Побег из клеток имел, разумеется, первостепенное значение. Но как это сделать?

Пряжка ремня Сполдинга была слишком мягкой, чтобы эффективно перепиливать ею прутья. Что же у них есть такое твердое?..

— О, Боже! — Точно сумасшедший, Траск сорвал с руки часы, бросил их на пол клетки и раздавил ногой. Затем извлек из механического крошева пружину длиной сантиметров в тридцать.

— Вот она! Мы можем использовать пружину часов. Она из твердой стали и не сотрется!

Даже Брилл при этом немного взволновался.

Так как у Сполдинга часов не было, Траск взял часы Корбли и бросил их Сполдингу. Все, казалось, на миг застыло, кроме протянутых рук Сполдинга. Затем Сполдинг поймал часы.

После этого началось раздражающее всех бездействие. День планеты составлял шестьдесят восемь часов. Оставалось еще где-то

двадцать четыре часа дневного света, после чего наступит тридцатичасовая ночь, в течение которой можно будет работать. Так что им выпали двадцать четыре часа ожидания.

За эти ползущие, точно улитка, часы Траск дважды видел смотрителя, похожее на жердь существо высотой метра три с половиной, и с крошечными, бесформенными глазками. Смотритель приносил им еду, куски бледного теста, плавающие в жирной воде. У Траска они вызвали только отвращение, но голод вынудил его есть то, что дают.

Из клетки Траск увидел много такого, что наполнило его удивлением. В городе шла своего рода эвакуация. Деревянные корзины, закрепленные на маленьких, уродливых животных, напоминающих коз, наполнялись до краев всякой утварью: предметами быта, тканями, посудой, которые выносили из яркого здания.

Зачем? Траск вспомнил, что город, который они успели увидеть, словно пережил землетрясение. Неужели туземцы ждали еще одного землетрясения? Или землетрясения происходили здесь регулярно? Но это абсурд!

Двумерное солнце, наконец, село, и темнота, слегка разбавленная двумерными же звездами, пала на город. Траск сразу же принялся за работу и пилил прутья два часа подряд. Затем его сменил Брилл.

ТРАСК СЛЫШАЛ скрежет металла, доносившийся из другой клетки. Он знал, что Сполдингу приходится хуже. Его было некому сменить. Ему приходилось работать непрерывно, чтобы перепилить прутья клетки у основания. И Сполдинг работал изо всех сил.

— Не беспокойтесь обо мне, — ответил он на сочувствующий вопрос Траска. — Господь дал мне сильные руки, и я сотру их хоть до локтей, прежде чем сдамся. Лучше работайте сами.

Часы за часами проходили в утомительной работе. Траск обернул рубашкой свои покрывшиеся волдырями мозолей руки, соратники последовали его примеру.

У Брилла часы оставались целыми. В конце двадцать седьмого часа Брилл схватил прут и вывернул его из гнезда. Он закачался свободно на верхнем креплении.

Через десяток секунд все выбрались на волю, и Брилл принялся помогать Сполдингу. Вскоре прут Сполдинга раскололся с тихим треском. Сполдинг вылез из клетки. Он и Корбли побежали по красной земле аллеи, казавшейся призрачной в бледном свете звезд. Траск и Брилл бежали на десяток шагов позади них.

Они уже были на полпути к кораблю Сполдинга. Внезапно Траск услышал шаги за спиной, повернулся и успел уклониться от удара

металлической дубинкой, нанесенной высоченной жердью-смотрителем. Затем он подсек гиганту ноги и тот рухнул на землю. Брилл к тому времени подросел ему на помощь.

Они набросились вдвоем на нападавшего. Траск схватил его за изуродованные плечи, а Брилл поднял оброненную дубинку и ударил ею гиганта по голове. Гигант испустил странный крик, и прежде, чем двое людей пробежали полпути к кораблю Сполдинга, из домов выскочили другие местные жители. Их были десятки!

Брилл взмахнул металлической дубинкой, яростно завопив. У Траска не было ничего, кроме кулаков. Он возблагодарил свою счастливую звезду за малую силу тяжести на этой планетке, ухватил ближайшую тощую, шестифутовую лодыжку и резко повернул ее. Затем побежал дальше к кораблю. Брилл следовал за ним по пятам. На бегу Траск смутно видел, что Корбли тоже вступил в драку.

Но тут его постигла неудача. Он отбился от одного нападающего, но тут же был сбит с ног ударом сзади. Хотел было подняться, но не смог. В глазах все расплывалось. Смутно он видел, как Брилл машет вокруг своей дубиной. На аллее валялся уже с десятка искалеченных тел. Брилл пробил еще одну голову, затем наклонился, помог Траску подняться и, поддерживая его за подмышку, повел вперед.

Так они добрались до корабля. Брилл бросил Траска внутрь и вернулся к очередному противнику. Траск услышал его дикий крик: — Проклятые макаки!

А затем корабль вдруг задрожал, все сильнее и сильнее. И Траск понял, что они спасены... Сполдинг добрался до рубки управления.

Очевидно, в этот напряженный момент его голова начала работать в полную силу, и у него появился план, безумный, как и весь этот четырехмерный мир.

Землетрясение? Да! Очевидно, землетрясения сотрясают Вулкан каждые семь лет, и это решит проблему с *кронитом*, необходимым «Отваге».

Землетрясение происходит точно в тот самый момент, когда Вулкан прорывается в нормальную Вселенную!

КОРБЛИ ПОМОГ ему подняться на ноги, поднес к губам стакан воды. Траск сделал пару глотков, затем помотал головой и поймал взгляд Брилла.

— Спасибо! — выдохнул он. — Если бы не вы... Мы уже летим?

— Полным ходом, — ответил Брилл, глядя на него, подозрительно прищурившись. — И готовы направиться к Меркурию в тот самый миг, когда Вулкан выйдет в обычную вселенную.

Траск вздрогнул.

— Не делайте глупостей. Мы бросим «Отвагу» со всем экипажем?

— А что мы можем для них сделать? «Отвага» не сможет подняться без *кронита*. Так что спасемся хотя бы сами.

Траск шагнул было к нему, но Корбли его остановил.

— Он прав, — сухо сказал первый помощник. — Нам бессмысленно возвращаться туда. И это не значит, что они непременно умрут. Спасательная экспедиция может привести им *кронит*. А корабль Сполдинга все равно не сможет взять больше четверых...

— Подумайте, что вы тут несете, — холодно сказал Траск.

Он направился в рубку, но из ее двери появилось красно-коричневое лицо Брилла. Брилл перегородил Траску дорогу.

— Сполдинг согласен с нами, — закричал он. — Как вы и сказали, планета выйдет из четвертого измерения ровно через пятнадцать минут сроком на три минуты. И видят небеса, тогда мы и улетим с нее.

— Мы улетим только вместе со всем экипажем, — твердо сказал Траск и без предупреждения, одним точным ударом нокаутировал здоровяка Брилла. Брилл рухнул, как подкошенный.

Траск прошел в рубку. Сполдинг глянул на его лицо и пожал широкими плечами.

— Я так и думал, что вы будете не согласны, — буркнул он. — Надеюсь, у вас есть план...

— Я меня есть план, — мрачно сказал Траск как раз в тот момент, когда в рубке появился угрюмый Корбли. — Раз в семь лет весь Вулкан сотрясают землетрясения. Они сравнивают с землей города и перебрасывают на огромные расстояния целые горы. Все местные жители знают это. По этой причине они и производят эвакуацию, перебираются вместе со своим имуществом в какое-то безопасное место. Наверное, в подземные пещеры.

В глазах Сполдинга вспыхнул интерес.

— Обычная планета, повернутая одной стороной к Солнцу, вечно бы находилась в таком положении. Но Вулкан не обычная планета. В то время, когда она находится в четвертом измерении, она вращается вокруг своей оси. Но как только она выходит в наше трехмерное пространство, она быстро перестает вращаться. Этим и обуславливаются землетрясения.

Сполдинг даже и не подумал повергать его логику сомнениям.

— Вы хотите сказать, что можно использовать толчок от этой внезапной остановки... — произнес он твердым, хотя и взволнованным голосом. — О, Небеса!

Он снова повернулся к пульту управления и через пять минут корабль плавно опустился на высокий холм, где находилась «Отвага».

КОМАНДА «ОТВАГИ» тут же высыпала наружу, чтобы приветствовать их. Траск повернулся к Сполдингу. Было тут же согласовано, чтобы Сполдинг перешел с Траском на »Отвагу», а трое из членов команды «Отваги» взяли бы под свое управление его корабль.

— Вы рисковали ради меня, — мрачно заявил Сполдинг. — Думаю, я должен рискнуть ради вас.

Траск позвал Брилла. Брилл отошел от группы людей, окруживших его, и через секунду остановился перед Траском. Наступило напряженное молчание.

— Ну, что? — хмуро прервал его Брилл.

— Я ничего не приказываю вам, Брилл, — сказал Траск. — У нас есть план, как вывести «Отвагу» в открытый космос без *кронита*. Да, шансы тут пятьдесят на пятьдесят. Но нам нужен хороший инженер в рубке управления. Если не хотите рискнуть сами, возьмите двоих, которые пойдут с вами на корабль Сполдинга. Ваша задача — вовремя улететь с Вулкана. Понятно?

Глаза Брилла сверкнули.

— Все понятно, капитан. Но я останусь на корабле.

Траск развернулся и покинул его, при этом на лице капитана застыло отвращение.

Траск сам сел за пульт управления. Командовать маленьким кораблем поставили Холлоуэя. Было включено зажигание. Траск отдал приказ в трубку машинного отделения. Корабль содрогнулся, словно его толкнул какой-то гигант, и его корма повернулась вверх. Новые толчки развернули корабль в направлении, точно соответствующем направлению вращения планеты.

Через две минуты Вулкан должен перестать вращаться. Землетрясение сотрясет всю планету, встряхнет горы, снесет города, и все незакрепленные объекты помчатся в космос со скоростью несколько километров в секунду.

Такое уже происходило не раз.

Сполдинг держал в руке часы.

— Шестьдесят секунд! — напряженным голосом сказал он.

Траск повторил это в трубку машинного отделения.

— Принято, капитан!

— Брилл! — позвал Траск по связи.

— Ну, что там еще? — прорычал в ответ голос Брилла. — Что вы прикажете?

Даже в такой напряженный момент Траск нашел в себе силы усмехнуться.

– Переключить энергию на Виттенберги! – рявкнул он. – Открыть клапаны протонов на минимальную тягу!

Голос Брилла повторил его команду остальным.

– Сорок секунд! – донесся голос Сполдинга.

Траск почувствовал, как капельки пота муравьями ползут по коже.

– Двадцать секунд!

– Готовы? – рявкнул Брилл в трубку.

– Готовы, – ответил сильный голос Брилла.

– Десять секунд, Девять. Восемь. Семь... – гудел напряженный голос Сполдинга. – Две. Одна...

– Старт! – крикнул Траск.

Протоновые струи из покореженных дюз сорвали «Отвагу» с места, но в тот же самый момент вся поверхность планеты содрогнулась и стряхнула с себя корабль, как собака, трясаясь, стряхивает со своей шкуры надоедливых блох. Пару секунд корабль мчался над ходящими ходуном горами, а потом устремился в открытое небо.

Траск увидел, как пейзаж внизу изменил свой рельеф. Там, где было скалистое плато, заваленное мусором от прежних землетрясений, теперь появилась горная цепь. «Отвага» неслась через атмосферу по касательной к поверхности планеты. Но уже через секунду все изменилось.

Горизонт внезапно превратился в огромный полукруг, а затем исчез. Это могло означать лишь одно. «Отвага» была в открытом космосе, оставив позади Вулкан и Солнце, а впереди был Меркурий!

Сполдинг с облегчением опустил в кресло. Затем взглянул на Траска.

– Полный успех! – воскликнул он. – Ваша миссия завершена – и моя тоже! Но честь открытия Вулкана должна принадлежать нам обоим...

ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ два часа, когда «Отвага» шла на самой малой тяге к Меркурию, а впереди нее летел маленький кораблик Сполдинга, в рубку управления вошел Брилл. Кorbли сидел за пультом, Сполдинг в медицинском отсеке лечил свои руки.

Брилл остановился в нескольких шагах от капитана и пробормотал, едва ворочая языком и избегая встретиться со взглядом Траска:

– Я чувствую себя крысой, капитан... Честное слово, просто крысой. Вы умный, а также, очень мужественный человек. – Он схва-

тил протянутую Траском руку и энергично пожал ее. — С меня считается выпивка, когда мы доберемся до Меркурия. Вы согласны?

— Обязательно, — улыбнулся Траск.

И когда он вернулся к пульта управления, лицо его светилось от удовольствия.

Beyond the boiling zone, (Planet Stories, 1943, 12), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	
РОСС РОСКЛИНН	3

КОЛБИ И ДЕВЕРЕЛ

В ЦЕНТРЕ ТЯГОТЕНИЯ	7
At the center of gravity, (Astounding Stories, 1936 № 6)	
пер. Андрей Бурцев	
ЛОВУШКА ЮПИТЕРА	25
Jupiter trap, (Astounding, 1937 № 8)	
пер. Андрей Бурцев	

СИД ХОЛЛМЕЙЕР И УИЛЛ КАРРИСТЕР

ПРОБЛЕМЫ С ЛАХРИ	49
Task to Lahri, (Planet Stories, 1942, Summer)	
пер. Андрей Бурцев	
ОБИТАТЕЛИ ПУЗЫРЕЙ	81
The bubble dwellers, (Planet Stories, 1945, Fall)	
пер. Андрей Бурцев	

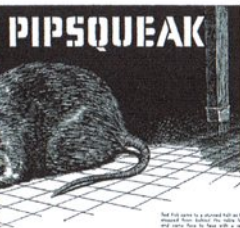
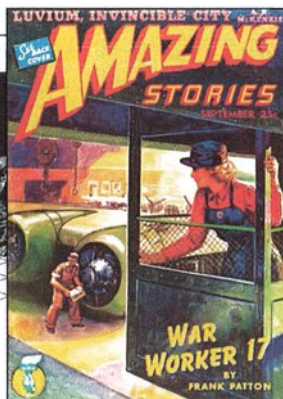
ПЕСЧАНЫЙ ПЕС И ЕЩЕ КОЕ-КТО

ПЕСЧАНЫЙ ПЕС	131
The Sandhound, (Planet Stories, 1943 № 5)	
пер. Андрей Бурцев	
ПЕСЧАНЫЙ ПЕС	
НАНОСИТ НОВЫЙ УДАР	159
The Sandhound strikes, (Planet Stories, 1945, Spring)	
пер. Андрей Бурцев	
ЗА КИПЯЩЕЙ ЗОНОЙ	197
Beyond the boiling zone, (Planet Stories, 1943, 12)	
пер. Андрей Бурцев	

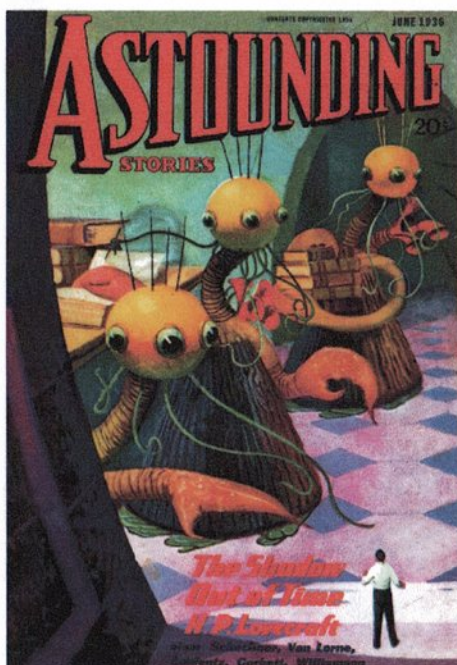

«МОЩНОЕ НИЧТОЖЕСТВО»

Reduced to an inch-high mite, Fisk had to fight a full-size man. Yet the impossible task could have been achieved by the mere lighting of a cigarette!

[illegible]

Библиотека англо-американской классической фантастики

РОСС РОКЛИНН

В центре тяготения